

**PALE
2020**

INTERNATIONAL

**POST-APOCALYPTIC LIFE ERA
CONFERENCE**

EDITORS: MAXIM LEPSKIY AND VITALII LUNEV

Copyright (c) 2020 PALE-2020

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means without prior written permission from PALE-2020 or the corresponding author(s) of the work(s).

ISBN 978-1-77192-562-4

International Post-Apocalyptic Life Era Conference

Accent Graphics Communications & Publishing
807-2625 Regina st.
Ottawa, Ontario,
K2B 5W8
Canada

<https://pale2020.euasu.org/>

PALE CONFERENCE

2020

CONTENTS

RESOLUTION.....	4
COLLECTED PAPERS (ENGLISH).....	12
COLLECTED PAPERS (RUSSIAN).....	54
PSYCHOLOGY OF INFERIORITY (RUSSIAN).....	125

INTERNATIONAL CONFERENCE PALE-2020 POST-APOCALYPTIC LIFE ERA CONFERENCE

May, 2020

RESOLUTION

The international conference "Post-Apocalyptic Life Era" took place on May 22, 2020. Many distinguished scientists, experts, researchers, journalists and entrepreneurs took part in PALE-2020, among which were Dr. Geoffrey Brian West, Prof. Antonio Nicaso, Dr. Massimo Introvigne, Ph.D. Oleg Maltsev, Dr. Athina Karatzogianni, Ph.D. Don Pinnock, Dr. James Finckenaue, Willy Fautre, Dr. Steve Best, Prof. Liudmyla Fylypovych, Tom Patti, Dr. Lucien Oulahbib, Dr. Mikhail Minakov, Dr. Victor Kotygorenko, Prof. Maxim Lepskiy, Ph.D. Vitalii Lunov, Ph.D. Alexander Sagaidak, Prof. Aleksandr Sainchin, Costantino Slobodyanyuk, Irina Lopatyuk, Viacheslav Lysenko.

In the course of the scientific discussions, our speakers addressed diverse issues related to the future of business, a search for a new philosophy, the role of organized crime, church, social relationships and activities of people, state and nations in the context of the pandemic and post-epidemiological period. The global situation around the pandemic made it explicit how vulnerable capitalist economies are: no capitalist state was able to adequately react to the pandemic and take relevant preventative measures. **Dr. Steven Best** noted in his statement during the Conference: "Better than any Marxist theory of crisis, the virus showed that the world capitalist system is extremely fragile and built on a house of cards that can be toppled by an ill-wind. All societies end up wearing masks," Baudrillard says in his book, America, and now this is literally true in the streets and stores around the world, where people are not confined to home".

A main categorical trend of state interrelations is an attempt to find a trade-off between unsatisfied parties in socio-political and interstate relations. **Dr. Mikhail Minakov** drew attention to the fact that the consequences of political choices of some countries will lead to "events" such as illegal sovereignty, democratic depopulation and decentralized anarchy, where each actor, in fact, is inclined to fully actualize its interests. However, it is impossible to implement interests single-handedly, one needs a partner, which means partial compromise of interests that will determine the future of the political community.

In addition, **Marina Illusha** pointed out that the pandemic exposed the ineffectiveness of philosophy of European society. The incapacity of governments, their criminal negligence, and absolute incompetence in governance are the consequence of their philosophy, values, stereotypes and social attitudes that were regarded as "correct". When it came to problem-solving during this period of time, it became clear that this philosophy is fatal and destructive as it led to governmental crimes related to human rights violations, disruption of the economy and society. Therefore, by looking at what is happening today, it is easy to predict what will happen after this "orgy" (Jean Baudrillard) will be over. The economy will be in a rather deplorable state demanding a completely different style of management. We need a different philosophy to uplift the economy, one has to introduce it in Europe so that there is a chance to create new values, different views on life, a new understanding of the future and societal and social interaction.

Fear and inferiority became "right" forms of describing today's society. In one of the key statements **Dr. Geoffrey Brian West** made an allegorical comparison of the pandemic to war: "Ironically, even though the use of the "war" as a metaphor, which I don't like, has not led to another metaphor that "we really need to mobilize together as an army". Also, cities may have to adapt to a number of changes as inequality will exacerbate, and the social structure of the city will change. The quality and standard of living that many of us are privileged to have comes from social networks and interaction, the transmission of ideas, and creation of wealth and innovation. However, it turns out that this is exactly what gave rise to the pandemic. The problem is that if one diminishes social interaction and ties that to physicality, then this would decrease (potentially): innovation, wealth creation and so on, and this is of course represented by a decrease in socio-economic activity. While cities will have to inevitably adapt to that, there will also be an increasing interest in science.

Governments have demonstrated throughout the pandemic their inability to handle their responsibilities and obligations under these conditions; along with violation of all fundamental laws, their constitutions, principles of the democratic system and the Schengen zone agreement. They demonstrated criminal negligence and inaction when the epidemic could have been prevented in their territories. "On the one hand, it became possible for states to restrict people's rights, to introduce disciplinary practices, appealing to security and threats to life at the expense of violating laws. On the other hand, we see that states are ranked geopolitically as never before. The third important aspect is that the states have different roles. What has changed is the form of the state's relations with business and civil society. The business was under threat, with losses and the "freeze" of the economy and disruption of the material basis. Civil society has become devalued because its extreme expression, i.e. mass protests are prohibited," **Prof. Maxim Lepsky** mentioned in his work.

The role of global institutions did change because of their decisions and interventions into the medical sphere trying to fight the pandemic, but because of creating an info pandemic (which promotes fear and anxiety). Along with inadequate actions of the state, global institutions contributed to the scaling of the medical crisis into the economic, political, social and eventually a global crisis.

The widespread violation of human rights is particularly alarming. Almost all participants of the conference had the impression that democracy was neglected along with the fact that the law is the highest regulatory function and utmost value of society. In the same paper, Prof. Lepskiy points out that after the Neil Ferguson case, which basically set an "isolation example", for people in regards to their work, movement (transportation) and community, as a preventive measure to freeze coronavirus has fallen primarily on referential micro-sociological relations. All this as part of the destruction of social foundation hit hard upon all main "build-ups" of social levels." In turn, **Dr. Valentina Voronkova** notes that the main challenge of our future is the "subjectlessness of human development", obstruction of reflexes and total controllability of media, which "avoid" the coverage of relevant problems of social injustice (supercharging numbers and their inconsistency).

The pandemic looks like the "fascinating disaster/catastrophe" as defined by Baudrillard in his writings when it came to specific global events. Compensation of governments and an attempt to justify, in the face of society, the logic behind trespassing against the law with reference to the protection and well-being of the same society is not only a non-scientific approach but is a socially criminal deed. Governments must carry out their duties without breaking the law no matter the circumstances; this is the foundation of the democratic world. Breaking the law in a civilized society – regardless of the trespasser, be it a citizen or a president is a criminal act. Correspondingly, an offender should go through all relevant procedures as outlined by the criminal law of that territory. As noted by **Ph.D. Oleg Maltsev**, any capable and intelligent individual has to demonstrate professionalism in his work even in the conditions of the pandemic; to function without trespassing state and international law with respect to human rights and cope with the task set before the state. But instead, nearly every EU country violated fundamental laws with Germany setting "an example" and breaking the Schengen Zone Agreement. As a result, during the quarantine period, we have observed mass protests against measures taken throughout Germany, as well as the rise of a new political party "Resistance 2020" (Widerstand 2020), which aims to stop the activities of Chancellor Merkel. Apparently, this is just the beginning, protests are also starting in other countries with people opposing the fact that they are "being robbed" in quarantine. This set-up paranoia is a sort of "robbery" with all states starting to violate national and international legislation.

In view of this, here is the statement of **attorney Olga Panchenko** which highlights several important points. Since the beginning of the COVID-19 epidemic, it was obvious that "human rights" are something abstract. Thus, the absence of tactics of the authorities, when faced with the epidemic, led to gross violations of human rights not only in the EU, but also in other countries. What rights are we talking about? For example, the right to work, the right of movement and the right to return to one's home country (Article 13 of the Universal Declaration of Human Rights). It seems that the only way to combat COVID-19 in 99% of countries is through human rights limitations and prohibitions. Governments are fighting people, not the virus. Moreover, these prohibitions, according to attorney Panchenko, sometimes led to an even wider spread of the virus. Europe, which was so enthusiastic about the declaration and propagation of human rights, violated these rights of its citizens and neglected economy. **Attorney Anna Boryak** noted that in the era of postmodernism and globalism, there is no need for the state as a social formation; regulation is based on the needs of global elites.

The participants of the conference spoke clearly in favor of the inadmissibility of law violation by governments and an increase of the state's control over society beyond the law. The activities of states, governments and public institutions should focus on fulfilling their functional responsibilities and not on the repression of their own citizens. In particular, **Dr. Viktor Kotigorenko** predicts that "state control over people's behavior will be strengthened. The state feels that it has a legitimate right to control people and will continue to do so. Social protests and conflicts will become more acute and scale larger. The problems of illegal migration, refugees, crime and xenophobia — on social, ethnic, racial, religious and other grounds — will be exacerbated." Today, many do not notice that their rights are substantially violated. This is due to the fear as many have never confronted this form of threat. Later on, it will turn out that the states have full control over their citizens, and then citizens may not have enough strength to fight for their rights and freedoms. Humanity will be forced to attempt to regain democracy. As **Dr. Kotigorenko** said, "as the epidemic fades and the socio-economic situation stabilizes, the movement for people's right to privacy will intensify."

According to **Dr. Athina Karatzogianni**, governments want people to be obedient and follow the rules of so-called "coronavirus" ideology. This securitization makes people fearful, alienated from each other, and treats each other as "objects". This moral panic is exacerbated and promoted by the media massively sharing covid-19 death statistics. History has many examples when "threats for humanity" were prevalent, certainly, in the given case we should be rational and think where is the line between "solidarity" and "tyranny".

Spiritual and religious communities have tried their best to resist the pandemic. **Dr. Massimo Introvigne** in one of the discussion panels gave an example of a priest's service in the hospital: "It's true that many priests died. But it is also true that many of them died because they were chaplains in the hospitals, and were working to comfort the sick in the last days of their life. Just as many doctors died, so many priests died. Currently, in Bergamo a catholic priest is considered for the beatification process who refused to be given a respirator. He told doctors: "please, give the respirator for somebody younger. I don't need it. I would die anyway". But this is an isolated example. Any world religion no matter its denomination, clearly was not ready for such a situation. This is especially true of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, which has lost the trust of its adherents. During the pandemic, we saw that followers realized that the church is a result of human-made work and not a divine providence as such. Priests are mortal humans as everybody else, who are also exposed to the virus and may die. In fact, their interpretation of why this is happening is more an excuse rather than a competent explanation of a spiritual institution. **Ph.D. Oleg Maltsev** classified people in simple language, into two categories: "very strong guys" and "people who stopped believing in god since long". Those who have rushed to obey all the rules of quarantine were ones who stopped believing in god since long; those who felt "very strong" got infected immediately. There is no God in either case. Churches that existed 300-400 years ago and churches today are completely different formations. Dr. Maltsev mentioned the bright saying of one of his colleagues: "Children of today teach their parents" — church has ceased being "parents for its followers." Spiritual authorities are ordinary people who do not have superior skills in managing and functioning in crises. As a continuation of this, **Ph.D. Jaroslav Yuvsechko** writes in his statement: "Today we can look at the religion even as a component of market relations, which offers "different variations of pluralism." Religion must match market conditions, in other words it has to be "sold" to customers. Often, religious organizations play the role of trade agencies, and religious traditions become a consumer commodity, producing new forms of religiosity. Thus, the religious community is consumer-oriented and uses marketing principles. Certainly, in these circumstances small religious groups are subject to criticism, and because of their size some actors attempt to cease their existence; large religious groups in the market try not to miss this opportunity to hinder activities of their competitors, as mentioned in the statement by **Dr. Massimo Introvigne** writes, that "Religious minorities have enemies, and they use crises as opportunities for discrimination. Looking for scapegoats is historically common in times of epidemics. It is not surprising that during the 2020 COVID-19 epidemic, religious minorities found themselves accused of spreading the virus through their gatherings and missionary activities". When it comes to religious minorities and undemocratic states, **Willy Fautre's** statement should be taken into account that speaks of the chronology of events in China and the government's repressive attitude towards doctors, scientists and human rights activists: "according to Reporters Without Borders, since January 2020, more than 450 Internet users have been detained in China for sharing information about the coronavirus that the authorities regard as "false rumours". Under international law, China and/or the Chinese Communist Party can and should be sued for the enormous damages they

have caused worldwide. Human rights NGOs should call upon the Chinese government to lift censorship and allow the free flow of information, press and media reporting and free expression; to respect the right of the Chinese population and the international community to know about the spread of the Covid-19 outbreak and its response; to restrict police power to end the harassment, intimidation, and arbitrary detention of netizens”.

It must be said that neither the state nor the church was ready to operate in the face of the pandemic. **Prof. Liudmyla Fylypovych** noted: “In general, the current situation reveals how unprepared and how irresponsible we are in this emergency. Many people are against the law; taking into account the opinions of experts, it is possible to predict the near future (for example, the coming year). And the consequences will be manifested in a lower quality of life, unemployment and rising food prices. Entire activity fields will become latent (national cultural education, small businesses, tourism, sports, and so on). At the same time, major religions will have fewer adherents and new religious groups will emerge. Particularly in Ukraine, according to **Prof. Fylypovych**, we will see a new reality. “Vulnerable segments of the population, middle class and business community have been hit the hardest”, Vyacheslav Lysenko mentioned in his speech, drawing attention to the fact that this crisis is a loss and an opportunity at the same time. Thus the faster business begins to focus on opportunities, the better. It is estimated that 30% of the population (in Ukraine) will work online from home and there will be a drastic transition from offline to online.

Dr. Geoffrey Brian West noted that the only possibility for companies to survive in the current “post-pandemic situation” is renewal, adjustment, keeping innovations in the forefront and not to forget long term perspectives. **Dr. West** says “what typically kills companies is that they tend to burst of energy at the beginning, and quickly lose that spark of innovation due to domination by bureaucracy and administration”. According to **Tom Patti** in epidemics and crises situations, the money and aid for poor people come from the business industry. At the moment, it is very important for countries not to overstep the mark by prioritizing security but destroying the economy and business, as our businesses secure well being and the quality of our lives. The formula of life mentioned during the conference took the following form: “Change or die”. **Vyacheslav Lysenko** emphasized that stress resilience is a significant factor for operating in business during emergencies such as the coronavirus. He strongly believes that this pandemic just like any crisis is not only about losses but new horizons as well; it is crucial to learn how to search for competent consultants and experts, to make quick decisions, change management and educate people about stress resistance. Advanced security systems and online security are no less important for a healthy business and its long term survival. As a part of an online panel about business models in the post-pandemic period, **Costantino Slobodyanyuk** accentuated that a list of new demands is going to be imposed on all types of business regardless of the territory: having time management mechanisms to fulfill obligations. These mechanisms should ensure that the obligations are fulfilled from both sides: business itself and the partners/contractors/clients as well. In the context of local and global economic crisis and criminalization of businesses are implicit, and this requirement becomes fundamental. Having your own customer-generating mechanisms: it will exclude dependency on inefficient temporary tools, which are copied and replicated on the market. Perpetual expansion of business configurations that will facilitate the creation of necessary solutions for customers in the context of dynamic market changes, that are generated by temporary threats as well as global threats such as pandemics and hybrid wars.

Prof. Antonio Nicaso well noted that in times of any pandemic, or any crisis, there are people who struggle and others who exploit the situation. Historical analysis of such occasions tells us that all pandemics have left the way they came. As a rule, usually it is about searching for the guilty ones, instead of searching for a solution: “during the outbreak of syphilis at the turn of the fourteenth and fifteenth centuries, people frequently questioned the cause and origins of the disease. The Italians called it a “French disease,” stating that it was brought to Italy during the invasion of King Charles VIII, who claimed dynastic rights over the Kingdom of Naples. In turn, the French refuted this statement and called it “The sickness of Naples.” In the same way, Christians called it an “oriental disease”; the Asians considered it a “Portuguese disease”; the Portuguese called it a “Spanish disease. The same thing is happening with COVID-19, and most of the online speculation suggests that the virus was the result of lab experimentation, evoking fear amongst society”. **Ph.D. Don Pinnock**, in his paper, presented an outline of the current situation in South Africa with several possible scenarios in the post-pandemic period: “For South Africa, the form that local and transnational crime will take depends on the type of state that emerges (survives really) after the pandemic. In some quarters, there is hope that the shakeup

caused by the pandemic could unblock impacted areas of planning, flush out poor leaders and crooks in the system, and lay the foundation for a cleaner, greener, and more robust state. Other predictions are that, with such high levels of poverty, food shortages, and widespread starvation plus a bleeding economy, mobs will overwhelm commercial suppliers of essential goods and raid farms and middle-class areas. This could lead to a transformation of South Africa's constitutional democracy into a security-driven, authoritarian state. It could also result in poorer urban precincts ruled by warlords backed by feral, unemployed youth gangs into which police and army penetrate only in armored vehicles and clad in flack jackets. Of course, variations of all of these scenarios are possible."

Unquestionably, any pandemic leads to all sorts of favorable conditions for organizations that are particularly resilient to external influences; for instance organized criminal groups, which have proved their viability in various conditions, over a long period of time. These formations are well-organized, disciplined and are much less vulnerable organizations in any setting. **Ph.D. Oleg Maltsev** accentuated that "any criminal organization, small or large, is used to exist in belligerency. Society has always strived and tries to live in peace, as a consequence a war or pandemic is a disaster for society. On the contrary, an emergency state is a common everyday life for a criminal organization. When economies and global networks collapse it does not negatively affect criminal organizations in general. At the moment, we can see that the pandemic situation has supplied them with a fertile ground for the rise of capital, recruiting more members as a result of which, unfortunately, they will be the strongest organizations in the post-pandemic era." **Dr. James Finckenaue**r also mentioned this in his statement with a reference to a recent report from Europol, "that the pandemic is likely to have created new opportunities for criminal activities that will continue to be exploited beyond the end of the current crisis. Economic disparity across Europe (and elsewhere) may make organized crime more socially acceptable as criminal groups may increasingly infiltrate economically weakened communities to portray themselves as providers of work and services (Economic hardship may make communities more receptive to certain offers, such as cheaper counterfeit goods and recruitment to engage in criminal activity). With respect to possible criminal recruitment, Europol says mafia-type organized crime groups are likely to take advantage of the crisis and persistent economic hardship by recruiting vulnerable young people, and engaging them in the more traditional organized crimes which will lead to shifts in criminal markets and in turn will change the face of organized crime". Although **Prof. Alexander Sainchin** mentioned the fact that some types of crime have decreased in frequency and others have become almost impossible during this lockdown period. However, **Prof. Antonio Nicaso** and **Ph.D. Oleg Maltsev** pointed out that it does not relate to organized criminal communities. This decrease of criminality relates to street crime and minor crimes. Powerful organized criminal organizations became very powerful in the virtual world; modern technological advancements are exploited even more during this crisis. **Prof. Nicaso** commented during the discussion panel that "there has been an increase of COVID-19 related phishing scams whereby cybercriminals have impersonated reliable sources of information, such as the World Health Organization, to spread malware or garner personal information, with an increase to 600% in cybercrime cases worldwide. More criminal opportunism will emerge as the crisis unfolds. As a mobster warned during a conversation intercepted a few years ago in Italy, there will be less and less need for people who know how to click a gun but more people capable of a keyboard click." In turn, **Ph.D. Oleg Maltsev** drew attention to the fact that a criminal formation that has survived for 400 years has tremendous advantages over any form of capital in the modern economy. Today, the main form of crime will be the involvement of classical business and capital with criminal activity. By all means, the modern criminal system is going to retransform. Criminals are likely to follow the path of creating private non-quarantine zones; there will be new waves of e-crime, "phone" crimes and new forms of criminal gambling will emerge. As a result, there will be new forms of crimes — retransformed old crimes. "Criminal organizations will likely become more powerful than they were before the pandemic, and this is a very bad example for a democratic society," said **Ph.D. Oleg Maltsev**.

Speaking of the current state of society, it must be stated that consumer society has given birth to an individual with a "huge portion" of infantilism and narcissism as a lifestyle. **Ph.D. Alexander Sagaidak** in his statement, drew particular attention to the following: "What is the best cure for narcissism, at least initially? Understanding your imperfection. And if this infantile narcissism, in fact, has become a way of life, especially thanks to the Internet, which enables the creation of an illusory reality, the only way to return to a realistic

perception of an individual and society as a whole is only possible through the category of inferiority. In a consumer society, infantilism is inevitably associated with conformism. To be like everyone else, to be dissolved in a mass is a sign of accomplishment. Accordingly, separation of oneself from the mass, (sometimes even opposing oneself against it), at the first stage directly implies a sense of inferiority.” **Alexander Sagaidak** raised the issue of inferiority as a start of further human development anthropologically.

Costantino Slobodyanyuk raised the question in his report that the main problem of humanity today – is an absence of the future: “For as long as business will not have science in its foundation it will be all about experimentation on oneself and others, which always leads to agony. In my opinion, there are three main enemies of business: 1) ignorance (first of all, executives being ignorant themselves), 2) absence of competent consultants, 3) absence of a scientific approach. At the same time, a business will have to use a multidisciplinary approach, otherwise, it is Russian roulette.” In other words, this pandemic is a real and continuous present. And it demands the readjustment of an individual to function efficiently and survive during this period, and even more seriously in the post-pandemic era. “During these months, the middle class of Europe and the United States encountered a severe hit. A huge number of people are or will be unemployed in the next 6-12 months. In contrast, criminal organizations are confident about their future well being. Logically, many people will look for opportunities for a better life and criminality will offer those opportunities. Thus, security will become more critical and urgent as more people will strive at all costs, both offline and online. For the first time in 200 years, since the creation of the concept of “business”, the cost of goods and services starts heading for rationalization. That is, the economy of the sign and consumer society, as termed by Baudrillard, starts to aim for a rational formula of cost-calculation,” said **Costantino Slobodyanyuk**. This is why today, the psychology of inferiority becomes the main research category for anthropologists, physiologists, neurophysiologists, psychologists and other scientists. It is the next step of advancement for psychology as elaborated by **Ph.D. Oleg Maltsev** in his paper: “Until this day, modern academic psychology endured on three thinkers: Sigmund Freud, Carl Gustav Jung and Leopold Sondi, each having his own category of research. Needless to say, everything we have today when it comes to academic psychology is because of these three personalities. But they are not eternal, each of them managed to do just as much as he could during his lifetime. After them, academic psychology came to a standstill. The next step in psychology is long overdue. Modern man is not that interested in reflexes, instincts and drives, but why his life is the way it is and how he can make it better. A person wants to have a different life, but he does not understand how and what is wrong with him. For this reason, I see an indispensable need for a psychological category as “inferiority” as the next step after “drives”. **Prof. Vitaliy Lunev** noted during the conference that the deficit will become the basis of the individual’s life in the post-epidemiological period.

The rhetorical question of **Dr. Lucien Oulahbib** is quite relevant today “When are we going to wake up from this multiform hypnosis that is making us more and more inferior?” It should not go without mention that works of the “Godfather of postmodernism”, Baudrillard, plays a big role in accurately describing what is happening now. For different reasons, unknown to us, Baudrillard did not introduce the research category of inferiority as the basis for the further development of psychology as a science and an individual in modern society, even though his philosophical writings mostly address it. **Dr. Maltsev** noted that the research category is always preceded by a philosophical category and that while searching for a philosopher who addressed issues of inferiority, he found works of Baudrillard. Baudrillard did not establish his school of psychology, he referred to works of other psychoanalysts (Lacan, Freud, etc), although that does not mean that he agrees with their points. Such a powerful school of philosophy should give birth to a school of psychology; it appears that psychology of inferiority would be best derived from Baudrillard’s philosophy. The International Conference Post-Apocalyptic Life Era raised this question, among other ones, for post-pandemic research of the academic community.

CONFERENCE NUMBERS

Within the scope of the International Post-Apocalyptic Life Era Conference, 120 presentations, submissions and keynotes were presented. This online conference was attended by 42 speakers from 12 countries.

Discussions, expert evaluations, development of principles and guidelines to address the post-crisis situation of post-pandemic COVID-19 epoch was carried out in regard to the following spheres:

- Business life
- Migration policy, labor migration
- Education and professional training
- Search for a new philosophy and social regulators from the viewpoint of religious studies and theology
- Crisis in science and its perspective of development
- Potential and coping of an individual
- Social prognosis, demographics
- Informational security
- Criminology
- Human rights and freedoms

Five online panel discussions took place:

Dogmas of the new era

Psychology of inferiority

Prognosis: what happens after the orgy?

Consequences of the pandemic:

Will organized crime take over?

Business. How post-capitalism would look like?

We thank key speakers of the conference:

Dr. Geoffrey Brian West

Prof. Antonio Nicaso

Dr. Massimo Introvigne

Ph.D. Oleg Maltsev

Ph.D. Don Pinnock

Dr. James Finckenauer

Willy Fautre

Dr. Steven Best

Prof. Liudmyla Fylypovych

Tom Patti

Dr. Athina Karatzogianni

Dr. Lucien Oulahbib

Dr. Mikhail Minakov

Dr. Viktor Kotygorenko

Prof. Maxim Lepskiy

Ph.D. Vitalii Lunov

Ph.D. Aleksandr Sagaidak

Prof. Aleksandr Sainchin

Costantino Slobodyanyuk

Vyacheslav Lysenko

We thank participants of the conference:

PhD Stefano Vaccara
Olga Panchenko
Anna Boryak
Dr. Vita Tytarenko
Marina Illiusha
Irina Lopatyuk
Dr. Andrzej Szabaciuk
Dr. Richard Iserman
Prof. Tamara Hovorun
Dr. Alexandr Rusetsky
Dr. Vitalii Dokash
Pavel Pedina
Ph.D. Yaroslav Yuvsechko
Dr. Valentina Voronkova
Dr. Irina Utyuj
Dr. Vitaliy Krivosheyn
Dr. Vladimir Skvorets
Prof. Igor Kaprysin
Mariia Bardyn

**PALE
2020**

COLLECTED PAPERS. INTERNATIONAL CONFERENCE PALE-2020
POST-APOCALYPTIC LIFE ERA CONFERENCE
(English)

What History Tells Us?

Prof. Antonio Nicaso

History tells us that all pandemics, from the black plague of the fourteenth century to the Spanish flu of 1918, have left the way they came. Hopefully, COVID-19 will do the same. Besides the unfortunate toll of deaths, the world is dealing with an economic crisis worse than the 1929 Great Depression. At least 150 countries will experience negative growth, and millions of people will lose their jobs. Let's go back in time. During the outbreak of syphilis at the turn of the fourteenth and fifteenth centuries, people frequently questioned the cause and origins of the disease. The Italians called it a "French disease," stating that it was brought to Italy during the invasion of King Charles VIII, who claimed dynastic rights over the Kingdom of Naples. In turn, the French refuted this statement and called it "The sickness of Naples." In the same way, Christians called it an "oriental disease"; the Asians considered it a "Portuguese disease"; the Portuguese called it a "Spanish disease." The same thing is happening with COVID-19, and most of the online speculation suggests that the virus was the result of lab experimentation, evoking fear amongst society.

The past has also taught us how to contain a global outbreak. In 1576, a doctor from Palermo, Giovanni Filippo Ingrassia, published a book entitled *Del pestifero e contagioso morbo*, in which he argued that any pestilence should be fought with "gold, fire, and gallows." Gold was a reference to the stimulus funds necessary to support the economy. The fire was used to burn any contagion source, and the gallows were used to punish those who did not obey isolation restrictions, which were necessary to prevent the spread of the plague.

From history, we can learn many other things. We can learn, for example, that there are people who struggle during a crisis and others who exploit the situation. Mobsters are some of those who end up exploiting crisis and prospering. Let's take the Italian example. Mafia and Mafia-like criminal organizations always take advantage of social hardships and economic difficulties, especially during the cholera outbreak in Sicily in 1867 and Naples in 1887. As well as, the 1908 earthquake in Reggio Calabria and Messina, the seism in Campania and Basilicata in 1980, and other natural disasters in Emilia Romagna, Abruzzo, Umbria, and Marche. These all provided profitable opportunities for the Italian-base criminal organizations, as they were able to get their hands on the stimulus and reconstruction funds.

Drug money worth billions of dollars, also helped some banks avoid bankruptcy during the financial crisis of 2008. This was "the only liquid investment capital" available to some banks on the brink of collapse.

What is the current situation?

Currently, COVID-19 is having a significant impact on the global economy and is influencing and shaping organized crime worldwide. Many countries have seen a decrease in crime like murders, extortion, prostitution, illegal betting, and human trafficking.

With businesses closed, there are fewer places for organized crime to conduct business. Without live professional sports, there are no games to gamble on. Fewer counterfeit goods are coming in from China to sell. Moreover, drug producers are having trouble getting imports of chemicals from China; thus, the price of illicit drugs has increased.

In many countries, criminal groups or associates have distributed food and other essential items, taking advantage of the absence and delays of State intervention. It's called Mob Welfare, a strategy to invest in consensus. Desperate people who today receive food parcels will be grateful, regardless of who gave it to them. Another risk is that of financial doping. Many companies may fall into the hands of criminals just as there is a high risk that criminals would find ways to fraudulently apply for aid. In the coming months, we will witness a lot more corruption, as organized crime is capable of adapting rapidly to systemic weaknesses.

How will Mafia and Mafia-like criminal organizations come out of this experience?

We have already had some indications of this. There has been an increase of COVID-19 related phishing

scams whereby cybercriminals have impersonated reliable sources of information, such as the World Health Organization, to spread malware or garner personal information, with an increase to 600% in cybercrime cases worldwide. More criminal opportunism will emerge as the crisis unfolds. As a mobster warned during a conversation intercepted a few years ago in Italy, there will be less and less need for people who know how to click a gun but more people capable of clicking a keyboard. After COVID-19, mobsters will be more sophisticated, fiercer, and more creative. It is up to us to reduce their operating margins. And fight them seamlessly. If COVID-19, hopefully, will disappear by lysis. Organized crime does not.

Professor Antonio Nicaso
Queens University

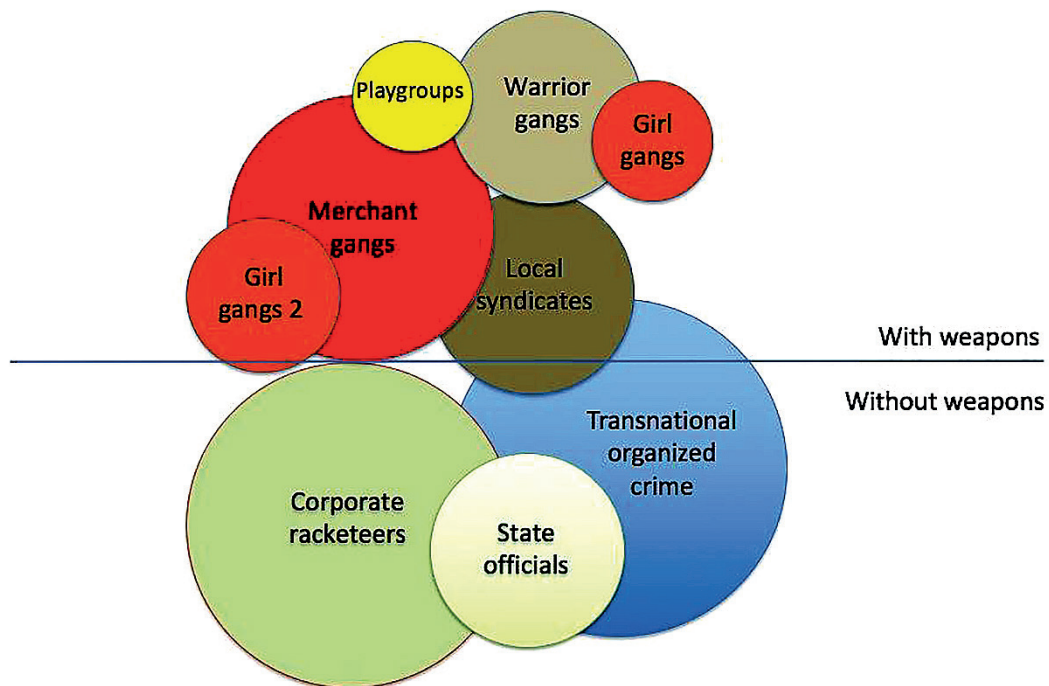
Consequences of the pandemic on crime in South Africa

PhD Don Pinnock

Crime depends on how you define it rather than the action itself, which is only criminal in terms of the definition. My crime may not be your crime. This is not simply a verbal sophistry. In a developing country like South Africa with massive differentials between rich and poor (we have the highest Gini Coefficient in the world) and a government under President Jacob Zuma which looted the public coffers and hollowed out the prosecutorial authority, notions of crime have developed extremely blurred edges and depend on where you stand in the social order. What happens after the pandemic recedes has much to do with how we went into it and the effect it has had on social formations throughout the national fabric, from state and corporate entities to street-corner gangs.

Before Covid-19 appeared, the South African economy was in trouble with almost zero growth rate. There were power-outs because the Eskom electricity authority was falling apart, the national airline was billions of rands in debt and wanting a bailout and the transport network was almost on its knees. All of them had been sucked dry by 'tenderpreneur' looting and bad management. As lockdown happened, the Moodies rating agency downgraded the rand to junk status. This was not the best way to go into a national lockdown that literally froze the economy.

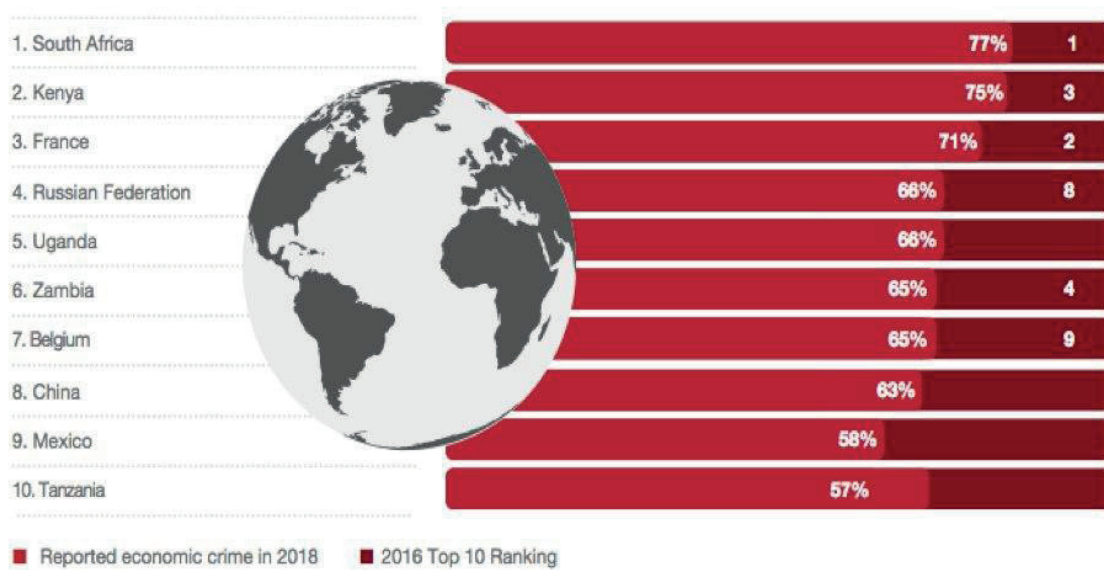
All of this is what we will come out of lockdown and have to deal with. The government under Cyril Ramaposa is committed to clean up the government and rebuild the economy trashed by his successor, but he's starting on such a low baseline that it's not going to be easy and will take a long time. Will he manage to stop the looting of state and municipal coffers? Can he re-energize business? Can he rebuild popular trust in government? Coronavirus is what he didn't need to happen – it's timing couldn't have been worse. As a criminologist, it's appropriate to ask where all this is heading in terms of the multiple avenues that crime will take as we emerge from the pandemic. In terms of what I have said above, it's necessary to paint on a broad canvas, which looks something like this:

Another way to depict it is like this:

	Type	Reasons/actions	Who are they
VIOLENT	Warrior	Honour	amaVuros, amaVatos etc
	Tik soldiers	Money for drugs	Street flies
	Prison	Safety/sex/trade	26, 27, 28
	Merchants	Drug sales/turf defense	Most Coloured gangs
	Corporates 1	Market control, money laundering	Hard Livings etc
	Franchise	Market control	Americans etc
NON-VIOLENT	Corporates 2	Market edge, money laundering	Legal companies
	Local syndicates	Illicit markets	Individuals, gang bosses
	Foreign syndicates	Illicit markets	Chinese, Nigerians, Russians, Zimbabweans etc
	Tenderpreneurs	Contracts	Hard Livings, new elite
	Political mafias	Skimming , contracts	Government officials
	Government agents	Money laundering, theft	Govt admins and top politicians

All the social formations above the central line are various forms of what would be conventionally defined as gangs and potentially violent, while the first three below the line would be considered related to the criminal market. The final three categories are what is conventionally termed white-collar crime and its impact in South Africa is considerable. Here's a graph of the top 10 countries reporting economic crime:

There is no indication that any of these entities or illicit operations will change their tactics beyond the pandemic, though most will in some way have been distorted by it. What has been considerably affected by lockdowns and the cessation of international travel, however, are illicit local and transnational trade routes –drugs and wildlife poaching being the hardest hit. Apart from cannabis, which is locally produced, almost all drugs such as heroin, cocaine, methamphetamine, and mandrax, originate on other continents. Supplies in South Africa are declining and there are as yet unconfirmed reports of gangs raiding and killing each other in ways that suggest they are running short of trade goods. After lockdowns end and international travel restarts, however, there's no reason to hope that the drug trade will not resume as before.

With the wildlife poaching it's another story. Smuggling of illegal wildlife in Southeast Asia hasn't stopped but it's slowing and traders are hurting. On February 1 China closed its borders and increased security is pinching off the flow of animal products. As a result, in Vietnam, Cambodia, and Lao PDR along the Chinese border, traders eager to offload their growing stockpiles were offering deep discounts on wildlife goods. Many shut shop when the flow of tourists dried up and batches of raw ivory is reported to be bottle-necked in Cambodia.

According to the Wildlife Justice Commission (WJC), traffickers are becoming desperate as well-tested chains of bribery fall apart. Sudden and unpredictable aviation security measures such as last-minute flight diversions also had an unforeseen impact on criminal dynamics. Fear of lockdown clearly hampered movements. A trafficker told the WJC: 'When you fly to another country they will quarantine you.'

Increased border security and curfews are leading to increased arrests. There were busts of rhino horn, ivory, and pangolin scales which were shipped before pandemic lockdowns and languished in ports long enough to be detected. Live pangolins, widely suspected as being the vector of Covid-19 from bats to humans, fell out of favor and became hard to sell after Beijing prevented the sale of wildlife in all wet markets and banned trade in wild animals for consumption. Wildlife smuggling is demand-driven, so the effect of Asian lockdowns, bans, and arrests had a knock-on effect in African source countries. It also caused a shift from horns and tusks to meat.

In a few areas, conventional poaching increased during the lockdown, possibly to stockpile awaiting the reopening of transport routes. In the Northern Cape, poachers have been hitting game farm livestock. Rhino poaching was also taking place there. According to Nico Jacobs of Rhino 911, 'poaching has ramped up significantly since the nationwide lockdown got underway, with poaching incidents in the Northern Cape allegedly taking place "every day". Just as soon as the lockdown hit South Africa, we started having an incursion almost every single day,' he said.

Beyond South Africa's borders similar events were reported. Rhino Conservation Botswana founder, Map Ives, said poachers there had been emboldened because the playing field is in their favor and they didn't

have as many problems moving around. 'They are professional and adept at running off with rhino horns in minutes and dodging security forces. They are masters at evading detection.' Speaking about Mozambique, Vanda Felbab-Brown, a senior fellow at the Brookings Institution in Washington, said the virus may wind up facilitating rather than stalling illegal activity. Investigators learned that several heads of poaching gangs in Mozambique were planning to take advantage of reduced ranger patrols and the lack of tourists in Kruger National Park.

The real problem was that – as lockdown disrupted earning ability and starvation threatened – bushmeat hunting began rising. In many poor countries, wild meat is a safety net suspended above destitution. People with nothing can always find something to eat or sell in the forest. This widened the types of species targeted and massively increased the setting of snares.

According to Andrew Campbell, CEO of the Game Rangers Association of Africa, 'we can assume that bushmeat poaching is a result of the devastating economic impact the pandemic has had on livelihoods and that people are becoming desperate for food in these areas.' Some African governments responded to the threat of zoonosis – a virus jumping from wild animals to humans – by banning the consumption and sale of all bushmeat (Malawi on 20 March) and bats and pangolins (Gabon on 3 April) in acknowledgment of the risks posed by hunting and poaching.

The Humane Society International office in Liberia said the Forestry Department intercepted a cargo of bushmeat, including the body parts of chimpanzees, monkeys, pangolins, and duikers. The meat was burnt on the spot in the presence of the local community to serve as a warning and a reminder that the trade of wildlife is an illegal and punishable activity. 'It's worth noting,' it reported, 'that not all bushmeat trade is for subsistence purposes and much is used for TCM (Traditional Chinese Medicine) and trade.' With more than two million potentially hungry people on Kruger Park's borders in South Africa, it's hard to imagine the park will escape escalating bushmeat incursions. Late last year, park spokesman Ike Phaahla noted that bushmeat poaching was increasing, possibly driven by organized groups. Park rangers collected around 200 snares in one small area. This is unlikely to decrease at a time of rising hunger. A really serious threat is the collapse of long-haul tourism. This will also lead to a possible reduction of community rangers and overseas volunteers as hunting, tourist operations and donor groups hit hard times and began cutting back.

'Conservation is going to face perilous conditions for the next few years,' said Andrew Campbell of the Game Rangers Association of Africa, will be the collapse of long-haul tourism. This was confirmed by Charles Chari of the Bushlife Support Unit at Mana Pools in Zimbabwe. 'Lack of tourism means massive funding cuts for many of our conservation and anti-poaching operations.' 'Because our resorts and lodges are empty, financial support for one of Zimbabwe's most important sector is being drastically reduced. Empty safari camps are an indication of harder times still to come with an increase in uncontrolled poaching.' The lack of tourists was also flagged as a poaching danger by Tim Davenport who directs species conservation programs for the Wildlife Conservation Society. 'These animals are not just protected by rangers, they're also protected by tourist presence,' he told the New York Times. 'If you're a poacher, you're not going to go to a place where there are lots of tourists, you're going to go to a place where there are very few of them.'

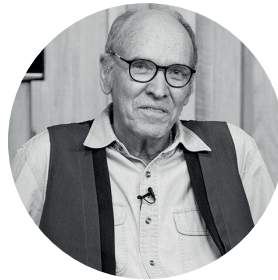
'I think COVID 19 has exposed a serious flaw in conservation strategy,' said Botswana, ecologist Dr. Richard Fynn. 'We have made the viability of conservation completely dependent on tourism/trophy hunting economics. Local people don't benefit enough from conservation.' It is clear that Covid-19 is changing the poaching landscape and increasing the dependence of poor communities on what they can hunt. Many countries have closed their national parks for now and tourism will probably flatline for the rest of the year. Hunger – and therefore bushmeat poaching – will be with communities for a long time.

For South Africa, the form that local and transnational crime will take depends on the type of state that emerges (survives really) after the pandemic. In some quarters there is hope that the shakeup caused by the pandemic could unblock impacted areas of planning, flush out poor leaders and crooks in the system, and lay the foundation for a cleaner, greener, and more robust state. Other predictions are that, with such high levels of poverty, food shortages, and widespread starvation plus a bleeding economy, mobs will overwhelm commercial suppliers of essential goods and raid farms and middle-class areas. This could lead to a transformation of South Africa's constitutional democracy into a security-driven, authoritarian state. It could also result in poorer urban precincts ruled by warlords backed by feral, unemployed youth gangs into which police and army penetrate only in armored vehicles and clad in flack jackets. Of course variations of

all of these scenarios are possible. The international economy is taking a massive hit from Covid-19 and most countries will be thrown back on their own resources as trade and transport shallows and unemployment rises and tax revenue falls. South Africa under Jacob Zuma's presidency was severely weakened and the ANC ruling party has not until recently displayed trustworthy leadership qualities that a post-Mandela population hoped for. How the new president, Cyril Ramaposa, handles the epidemic will be an indication of the quality of leadership that steers the country out of Covid-19's morass. He's doing quite well so far, but only time will tell. The population, confined to their houses, shanties, and hovels, awaits a post-pandemic country with rising anxiety.

PhD Don Pinnock

*Centre of criminology,
University of CapeTown*

Acting in the conditions of the epidemic and post-epidemic period

Ph.D. Oleg Maltsev

The recent several months have been a massive problem for the whole world; people are faced with an emergency, which prevents the majority of the population of the planet from conducting their professional activities as they did before, to maintain their lifestyle, educate themselves and are impacted by the global economic environment which became fragile among many other things. COVID-19 pandemic paralyzed almost all means of transportation, not to mention imposed restrictions that interfere with the normal way of life. I have witnessed pandemic related events almost all over Europe, as I was conducting scientific field research with *Expeditionary Corps* in March 2020, which coincided with the outset of the pandemic. When we arrived in Germany, it was not in the state of an epidemic emergency yet, meanwhile in China and Italy virus was rapidly spreading, killing hundreds of people. Initially, the expedition's scientific plan was the study of Southern Italy psychology, but I was obliged to study the psychology of Europe because events began to unwind at a heightened speed. As a result of our in-field work in five European countries in thirty days, I wrote a monograph titled *How I was obliged to study the psychology of Europe or the moment of truth*, which was recently published in the Russian language (It can be downloaded in Google books free of charge).

The monograph has a detailed description of what had been happening in Europe at the beginning of the emergency illustrated with facts and evidence. Given paper for PALE-2020 provides only partial and superficial consideration of the issue as one paper is not enough to convey what is outlined in a full-length monograph.

At the moment, I am still inclined to think that this pandemic is a well-prepared action, although this does not mean that the virus is not real, it is very real and has destructive consequences. Question is different, last year and preceding years people were sick as much as they are now, but no one paid much attention to it. This time COVID-19 was dramatically in the spotlight of literally everything and everyone, leading to a declaration of a pandemic by WHO and other subsequent events. What hits the eye is the incapability of states to handle epidemic situations, particularly Italy and Germany (certainly the Chinese government too).

"Civilized world" as we refer to ourselves should be capable of operating in a pandemic status and

demonstrating “class” of working in such circumstances. What is meant by “class” is performing and coping with the task set before the state without violating the constitution, human rights and freedoms, European Union agreement, and international conventions. For instance, in Italy, there were rather strange incidents taking place, starting with riots in the colonies to complete freedom of action and movement, which significantly stirred Europe’s epidemiological condition. Many Italians began to emigrate en masse from Italy to France, Germany, Spain and other countries, aggravating the contamination of COVID-19 all over Europe. Germany, Austria, and other states could have jointly closed temporarily their borders with Italy and send their best specialists and help the Italian state to localize the epidemic and demonstrate cohesive work of the European Union, alas that was not the case. Instead, state institutions of all these countries have done the same thing, mainly:

1) Introduced military troops on the streets. It has instantly raised questions, why military formations are used to “fight” the people. Why fight people, not the virus? After all, the army should stand up for the people, not against them. If the officer was ordered to go out and act as a “jail keeper” to keep the entire population of the country under control, so that people are at home like cages, such an officer had to write a resignation report. The argument for the resignation could have been fairly the fact that as an officer of the armed forces, he must protect the state from external attackers and not intervene with internal issues as such. None of the officers in Europe acted this way, suggesting that there is no army in Europe. The situation with the pandemic has clearly shown that there is no army in Europe, but the police (army and special services became the police). Furthermore, the police are related to law enforcement agencies meant to fight crime and not to violate citizens’ rights. Those above were done by almost every EU country except some states like Portugal, Sweden, the Netherlands, which refused to cooperate during quarantine, asserting that they will cope on their own.

2) Violation of European Union Law and its treaties. The first country to violate the Schengen Agreement was Germany, which led to mass protests against extended quarantine and the formation of a new political party, “Widerstand 2020” fronting decisions of Chancellor Angela Merkel. Obviously, this is just the beginning, along with Black Lives Matter, we see emerging riots in different countries around the globe.

3) They started “searching” for a vaccine. Most virologists affirm that it is unlikely to find this vaccine because the virus constantly mutates and adjusts to different factors.

4) Gradual strengthening quarantine measures based on the Chinese model to defeat the so-called virus that spread around the world. Alternatively, in simple words, it would have been possible to organize:

1. High-quality preventive measures of morbidity by strengthening citizens’ immune systems, inform about preventive measures that could be implemented by anybody.

2. The development of fast treatments for diseases associated with influenza and other infectious forms. (To provide treatment faster than people start having severe symptoms).

These two procedures organized by the state would ensure order in epidemiological situations as such. Nevertheless, most desperately searching for a vaccine. From an economic viewpoint, such policy is clear; it means having vast financing to “hunt for a vaccine,” which allows some people to earn on the global community’s misfortune. If to hypothesize and assume who benefits from the pandemic, I would draw attention to two points: First, it is most likely that a certain country would be interested in creating these circumstances — which has been functioning for almost seven years in “isolation” and sanctions. During those years it has readjusted for those conditions and import issue has been resolved by state production. Thus, the pandemic did not influence it the way did other countries, and it is the wealthiest country by now, with the most powerful army.

Europe can hardly continue as it is today, from my viewpoint, the European Union ceased to exist when Germany closed its borders unilaterally violating the Schengen Agreement. Angela Merkel’s official address on March 16, 2020, has already demonstrated her approach: [not to allow “outsiders” to consume our food and take up beds in hospitals].” It must be said that other EU countries did the same in the name of “security”. However, it looks like a fiction movie; if you keep breaking laws, situation becomes less secure. It is unfortunate that the rule of law ceased to be the highest value for the European community, and security became a fiction because the absence of order leads to an insecure and dangerous environment. Instead of remembering the law, most people got scared at the beginning of the quarantine due to massive bombarding of death statistics and stories of media reporting. At the moment, “full-scale robbery” of Europe is coming to an end, and once

declared European lifestyle does not work anymore. The entire introduced system with lockdowns and other restrictions will leave a continual mark on the psychophysiological level on the European continent. People will contemplate how they should organize their lives in case this kind of emergency happens again in the post-pandemic era.

Taking into consideration different forecasts, most seemingly Europe will go through extreme industrial and economic reconstruction. There will probably appear some different forms of associations and connections of European states among themselves. From the managerial viewpoint, who is to be blamed for what has happened? Certainly, governments, but no government will be punished for its inadequate actions and ones who come to power next time will acknowledge that no matter what they do, no matter how many lives are lost, they will not be held accountable for it. As a consequence, in the middle of the pandemic's peak already, some began using the situation to their advantage. Even those who did not organize it have found ways to use it for their benefit. Many people are exploiting the situation to their own advantage since some do not mind prolonging the "pandemic" for another 3-4 months to gain more money (which is very anthropological). Anthropologically a man is organized in a way he cannot act in the interests of the species but only in his own interest. Thus, most states cannot handle the situation and operate under these conditions. Meanwhile, some states such as Belarus, Sweden, Portugal, Russia are handling the situation quite effectively. The primary reason being that these states have centralized leadership and capable of confronting threats that arise. (It is written based on evidence found out from different scientists that I cooperate with, outlined in the monograph as well.)

The COVID-19 pandemic demonstrated that private individuals, private rescue services are much more effective in handling emergencies than states. This problem has not been on the radar for a long time, but it is elementary. States do not have competent people that can effectively solve the before-mentioned tasks on a professional level. The weakness of governments rests precisely in the area of incompetence. Incompetence is the conditions created for high-class specialists in the state so that they can help or serve their country.

There were incidents when the head of the government resigned in the critical emergency, and a hired specialist temporarily fulfilled the former's role. The specialist solves the issue, hires relevant people, maintaining his income he would have had earned during his temporary role in the government. If such individuals have been hired during corona-crisis, it would have been resolved quickly, circumventing the law and human rights violations. On the contrary, new recommendations to revise the legislation and adopt new laws could have been introduced to eliminate potential issues. However, there are no such rules or opportunities; accordingly, even A-class professionals who could have managed the situation do not have any mechanisms to help the state.

From another side, "The rescue of a drowning man is the drowning man's own job." Everybody fights for himself, and it has been like that at all times. From my viewpoint, the involvement of relevant professionals, private emergency operations services, and private companies could have played their role if it was possible — at the moment, we do not have relevant laws that could allow this.

Ph.D. Oleg Maltsev

*Ukrainian Academy of Sciences,
The Memory Institute*

Crime and Justice Issues and the Global Pandemic

Dr. James O. Finckenauer

There are a whole host of crime and justice issues that are related to and in some cases derived from the present global pandemic presented by Covid-19; too many, in fact, to be addressed in one short paper. The issues range, for example, from the problems presented for policing in attempting to enforce social distancing. What will be the long-term consequences for the all-important police-community relationships from what some, perhaps many, will regard as heavy-handed over enforcement during this period? To give just one example, in a period of about 6 weeks beginning in March, the New York Police Department arrested 40 people just in Brooklyn for violating social distancing rules. Of those arrested, 35 were black, four were Hispanic and just one was white. This is a pattern reflected in other US cities as well, and it is one that does not bode well for policing.

From the panoply of possibilities for discussion, I have chosen to focus on three broad areas:

- Effects of the virus and various policy measures to contain it on crime and crime rates in general;
- Effects of the virus and policy measures on jails and prisons;
- Effects especially on different forms of organized crime, and on the behavior of criminal organizations.

Crime and Crime Rates

One idea that has clearly been reinforced by reaction to the pandemic is the extent to which criminals are motivated and influenced by opportunity. For example, common crimes or what might be generally thought of as street crimes are actually down in most places in the United States and in the world. As many fewer people are in public areas because they are staying home, there are many fewer potential victims of assault, robbery, rape, theft, etc. Home burglaries are down because people are at home. But interestingly, commercial burglaries – break-ins of businesses and commercial establishments – are up because they are closed and unoccupied and thus relatively unguarded. In New York City, for example, statistics from the New York Police Department show a 28.5 percent decline in major crimes for the month of April. At the same time, however, they reported that thieves have targeted shuttered businesses in NYC with an increase of 169 percent in commercial burglaries in April. Looking to the future, crimes and crime rates generally are likely to revert to their normal patterns once the pandemic ebbs.

One troubling crime trend, in particular, is the increase in domestic violence incidents, including child abuse. For instance, the UN Population Fund Agency predicts 31 million additional cases of “gender-based violence” if the global lockdown continues for 6 months. This increase could occur at the same time that prevention programs and protective care and social services for victims are being reduced because of financial strains on resources. Why the increase in these incidents? There are two possible explanations. First, spouses and significant others are confined to wherever they are living because of social distancing, job loss, work from home requirements, etc. This means that in relationships that were already problematical with a history of abuse, the abuse victim has even more extensive and intensive exposure to their abuser. Secondly, the financial and emotional impacts of the pandemic have created tensions and stresses in personal relationships; thus, not only have existing abuse situations been worsened, but new incidents of abuse have likely occurred because of the increased tension and stress.

Jails and Prisons

Places of criminal confinement around the world are fraught with problems even in normal times. Detained and convicted persons often arrive at a detention facility, a jail, or a prison with pre-existing health problems, only to be confined in overcrowded and generally unhealthy conditions where there is very little health care. When one introduces Covid-19 into these characteristically poor environments, the already somewhat dismal prospects are made even worse. In the United States and in many countries in Europe that have been destination countries for immigrants, many arrivals, including children, are being held in less than sanitary conditions in detention centers for indefinite periods of time. The recommendations of health care experts

concerning hygiene, distancing, virus testing, etc. are practically impossible in these settings, which means that at best they constitute a serious health hazard. This overall experience could have longer-term consequences as policymakers think about what should be the humane nature of their immigration policies.

Jails have long been the stepchild of the criminal justice system. In part, because they are dependent upon local resources and have to compete with the police and the court system for support, they have typically been underfunded. They incarcerate just about anyone a particular community wants removed from the streets. Thus, jail inmates include drunks, drug addicts, those with mental illnesses, the homeless, persons awaiting trial, the poor who are unable to pay fines or fees, children and youth when there is no separate youth facility, and lastly, those actually serving jail sentences that can range from months to years. As with everything else, health care in jails is minimal. When the COVID pandemic strikes a jail, it is a recipe for disaster because none of the public health recommendations are available or could be implemented even if they were available. Both inmates and jail staff are therefore at high risk of illness and death.

Prisons for longer-term inmates are in a somewhat similar but slightly less dire situation. They have both more resources and more space than jails, although many prisons in the US and elsewhere are severely overcrowded. Health care options available to prisons are limited and of low priority in the competition for scarce public monies. Thus, they are easily overwhelmed. This is not only true for the inmates but for the correctional personnel as well. Because they are long term institutions, prisons, especially in the United States confine many elderly inmates who are especially vulnerable to this illness. As of early May, more than 20,000 prison inmates in the US had been infected, and 295 inmates had died.

One of the ways of addressing these health issues is to expedite the release of prisoners and to seek alternative means of confinement. Each of these policies, however, requires some means of doing risk assessments to best determine who can be safely released and/or maintained in a less secure environment. The results of this forced experiment will have long term implications beyond the pandemic, for both release policies and for utilizing alternative forms of criminal sentencing.

Organized Crime and Crimes that are Organized

So-called traditional forms of organized crime operate within a supply/demand illicit economy. In other words, they create criminal enterprises that make money from supplying goods and services that are in demand, but that are illegal, are legal but in short supply, or perhaps are not available at all. Applying this supply/demand principle to the current pandemic, we can ask what is it that is in short supply. The answer? Everything from testing and testing paraphernalia, to personal protective equipment, to ventilators, to treatments, to vaccines. What is of unique interest about these particular goods and services is that their supply does not require a criminal organization with the typical character of organized crime. Instead, a variety of fraudsters and scam artists have been engaging in selling fake cures, hoarding scarce goods, price gouging, using Bitcoin for blackmail, etc. An example comes from a study by the University College of London Jill Dando Institute of Security and Crime Science. Their research shows that the lockdown has increased the risks for older people in particular. Because of their loneliness, anxiety, and stress, the latter's vulnerability to cybercrime is increased. Increasing numbers of what the institute calls opportunist criminals are targeting vulnerable individuals online. Specialized gangs especially target older people, who are both spending more time online and are particularly vulnerable to frauds.

Experts indicate that some of the typical criminal activities of organized crime have been disrupted and slowed by the virus. These include the flow of drugs and other illicit products. This is due in part to the shut down of much of business and social activity. But, experts say, the situation is dynamic as groups adapt and seek new markets such as counterfeiting. One example of such adaptation involves human smuggling. As closed borders and even greater crackdowns on immigration are implemented, illegal immigration of all kinds becomes even more difficult and risky. But because there remains a demand in both the smuggling and trafficking markets, there are greater profits to be made. This combination of higher risk requiring more criminal sophistication, and greater profit, has driven out the lower-level operators and attracted organized crime groups.

A recent report from Europol assesses the future of the organized crime situation as follows:

- The pandemic is likely to have created new opportunities for criminal activities that will continue to be exploited beyond the end of the current crisis. The frauds mentioned above would be examples of that. Organized crime has shown itself to be adaptable to economic and social change in the past, and is likely to do so again.
- Organized crime groups can be expected to continue to launder money using the on-shore financial system. Particularly vulnerable will be off-shore jurisdictions with weak anti-money laundering policies. Targets will be shell companies (fake companies created only to provide cover for the movement of money) and the real estate and construction businesses.
- Economic hardship may make communities more receptive to certain offers, such as cheaper counterfeit goods and recruitment to engage in criminal activity. With respect to possible criminal recruitment, Europol says mafia-type organized crime groups are likely to take advantage of the crisis and persistent economic hardship by recruiting vulnerable young people, and engaging them in the more traditional organized crimes of loan-sharking, extortion and racketeering.
- Economic disparity across Europe (and elsewhere) may make organized crime more socially acceptable as criminal groups may increasingly infiltrate economically weakened communities to portray themselves as providers of work and services. In addition, there may be an increased social tolerance for counterfeit goods and for labor exploitation. The latter could result in greater pressure for migrant smuggling.
- Organized crime does not occur in isolation and thus the state of the wider economy will play a key role in both the medium and long terms. A crisis, Europol concludes, often results in changes in consumer demand for types of goods and services. This will lead to shifts in criminal markets and in turn will change the face of organized crime. When combined with the greater community acceptance of organized crime mentioned above, these could be the most insidious long-term criminal effects of the global pandemic.

Dr. James O. Finckenaue
Distinguished Professor Emeritus
Rutgers University

Traditional apocalyptic ideas and their modern transformations

Prof. Liudmyla Fylypovych, Prof. Vitaliy Dokash

"Come up here, and I will show you what must take place after this"

Revelation 4:1

Abstract. A consolidated article by two Ukrainian religious scholars is based on many years' experience of Prof. Vitaliy Dokash in the eschatological study of Christianity and the sociological analysis of modern religiosity laid down by Prof. Liudmyla Fylypovych. The decision to participate in the International conference "Post-Apocalyptic Life Era," particularly in its philosophical section "Dogmas of the new era" is due to several reasons. Firstly, the sustainable interest of scholars in classical religious subjects related to the subject of Judgment Day. Secondly, the relevance of this problem in modern conditions of the COVID-19 pandemic, when we confront the question of humanity's survival after a global catastrophe. Third, the opportunity to contemplate the pandemic's potential consequences and its effect on global and local trends of religious communities. Admitting that COVID-19 can be considered social, economic, political, and informational apocalypse, authors contemplate whether religion in the post-apocalyptic era could retain its function of a social regulator. Translating post-apocalyptic time as a certain period after any global catastrophe, in this case, a pandemic, raises the following questions: will this pandemic lead to a worldwide reboot? Is the world ready for such a change? Is it going to be destroyed as a result of a long-drawn epidemic? Will humankind find the strength to overcome the virus in the literal and figurative sense? Are there any alternatives to the traditional religious concept of Judgment Day? In the framework of the religious paradigm, the authors set their goal to:

- Look into the text about Judgment day from the Bible, in particular, the book of Revelation and analyze it taking into account the new challenges of the pandemic;
- Find out if modern religious teachings offer anything new and develop new interpretations of already known scenarios?

Keywords: eschatology, judgment day, Christianity, apocalypse, pandemic.

People always wanted to foresee their futures and it is even more vigorous during game-changing periods of history. In the periods as such, people come up with incredible ideas framed by various religious teachings and sources. In the tradition of Abrahamic religions, it is about foresight, prediction, and prophecies relate not only to the believers but also entire humanity. It is symptomatic that in times of aggravation of social, environmental, spiritual crises and other upheavals, there are more and more of various predictions about the fate of the world and the near-collapse. Characteristically, these eschatological motives accompany history at all times and are always justified dogmatically by prophetic signs. The actualization or strengthening of eschatological modes occurs when beliefs become abstract for people and the system of values corresponding to the epoch stops serving equally as the spiritual space is over-secularized.

As of today, the foundation of predominantly religious literature, esoteric content is already established. It is supplemented continuously by modern interpretations of sources or fantasies, works of art, movies, "scientific" predictions about the apocalypse and the Last Judgment. By referring to natural (earthquakes, floods, droughts, bad ecology) and social (hunger, diseases, epidemics, violence, terrorism, wars) cataclysms, old and new prophets foreshadow the near end of the civilization, which should be replaced by another divine one which will return humanity to paradise. Different messianic and eschatological theories and concepts (the doctrine of the end of the earthly existence of humanity and man) emerge undulatingly.

Some of the prophecies are incredibly skittish, disturbing but some are full of hope for a rebirth of a new life and the expectation of not only a better but a blissful future. As it turned out, religious movements, remaining optimistic in contrast to rational and pragmatic secular people, publish information with two trends:

1. exaltation of the original purity, blissful fullness of existence that preceded history which preceded and should be returned to;
2. on the other hand, new opportunities are put forth that will appear in the coming, "updated" history after the end of this civilization by the principles of linear development.

It is worth recalling that theological dogmas in any Christian religion are closely related to the expectation

of eschatological events, the end of the world and the second coming of Christ, which should open the ideal dimension of existence for humankind. The traditional Christian consciousness is apocalyptic and brightly eschatological. The aforementioned might explain the relatively peaceful attitude of Christians, consciously neglecting emergencies, current pandemic as well, as they believe that apocalypse is inevitable and they know what kind of apocalypse it will be.

At the same time, Christians are cheerful generally and optimistic, because they believe in the Kingdom of God, that they would be saved after their physical death.

However, there are no more than a third convinced Christians as such. Polls conducted by Ukrainian and foreign sociologists, explain a certain indifference of Christians to the future of the world. They do not want to think about it either because they do not know the Bible, or because they fear prophecies, therefore they ignore the information. They consciously or unconsciously oppose the end regularly read in the Bible, and not only in the Revelation of John. Religious environment develops specifically for those type of people the doctrines that either postpone this end or present eschatology in an engaging fashion. These include, first of all, various Millennial theories (the Millennial Kingdom). This also includes a large number of theological doctrines, which even in the XX century attempted to explain eschatology and prove that it was fulfilled by the first coming of Jesus Christ. [1]

The Seventh-day Adventist Church and Jehovah's Witnesses are particularly thriving in the context of modernizing the mythological eschatological subjects of the Bible and making them more attractive by means of modernized language. As representatives of the present eschatological current in Christianity, they uniformly communicate eschatology as a teaching about the end of the world. Modern interpreters of the Apocalypse attempt to eliminate archaic apocalyptic layers from biblical texts and introduce ideas of moral and social optimism.

Jehovah's Witnesses' perspective about the end of the world is the most tricky in understanding the modernization of biblical prophecies. A large number of their pamphlets about the Last Day or the coming of Jesus Christ include explicit questions such as "What are the events awaiting us? How will our King protect us before and during Armageddon? How do we prepare for future events?" [2] Jehovah's Witnesses are certain that those events will take place soon, thus various natural and social disasters are not unusual for them. They are convinced that everything is already defined in the Bible, one should read between the lines to understand those prophecies. Before the beginning of the all-embracing disaster, they believe, peace and security will be declared — which is done by various international organizations, in particular by the UN. This will be the first manifest sign of the subsequent inescapable events, among which is an assault against the true religion, that Witnesses consider themselves to be part of (Revelations 17:16). For this reason, they are so resilient to the persecution that they are experiencing, for example, in Russia. The heavenly phenomena will notify of Armageddon (Matthew 24:29), which can be observed already today. The expected trial over sheep and goats (Matthew 25: 31-33), the attack of Gog from the land of Magog (Ezekiel 38: 2.11, 15) will precede the gathering of the remains of the anointed (Matthew 24:31), that is, Jehovah's Witnesses. At the end of the great struggle, Jehovah will send his King to protect all his faithful pastors (Ezekiel 38:18). This biblical scenario unfolds before the eyes of the modern generation, but not all people are able to read and understand it. Jehovah's Witnesses became more vigorous in their preaching activities to warn people of the coming events.

The current wave of apocalyptic expectations is not new. The doctrine of the end of the world has always been inherent in many religions. It has gone through a challenging path of evolution, delivered in diverse forms at different historical stages, but it has always held hope for change and a better future. In particular, Christianity often adopted the actualization of these issues to attract new adherents. By means of commentaries about the end of the world, often from diametrically opposed positions — radically —through the complete destruction of the existing state or evolutionarily, by the moralization of society, Christianity keeps its place on the historical arena for millennia. Eschatological teachings did change depending on the relevant problems of a particular era. At the same time, their provisions have always remained unchanged to fuel the apocalyptic mood of believers.

Modern confessional eschatology seeks arguments to justify apocalypse and protect basic doctrinal principles, but it does not succeed entirely, because the ideas of the end of the world, despite the objective factors of the environmental, social or political crisis, are not very popular among Christians. This is evidenced by opinion surveys, which, although did not directly pose the question "Do you believe in the end of the

world?”, had some components of traditional eschatological ideas. In particular, Ukrainian sociologists asked if Ukrainians believe in life after death, in paradise without going into details of Christian eschatology. A devoted Christian must believe in the end of the world, in the second coming of Jesus Christ and the Kingdom of God. Nevertheless, Christians know little about the end of the world, which indicates their level of belief and knowledge of Christian faith.

Thus, according to the data cited by the Ukrainian sociologist of religion M. Paraschevin [4], 31% of Christian respondents denied the existence of life after death, 29% do not believe in the existence of paradise, 30% – hell, 25% – reject religious miracles. So, only a third of Christians surveyed believe or have an idea of the end of the world that binds to Armageddon. The most consistent and religious here were Greek Catholics. Exactly half of them declared faith in these elements of Christian doctrine and only 2% do not believe in any of them. But among the Orthodox, 29% declared the corresponding faith, with 18% of those who do not believe in any of these things. Thus, 62% of Greek Catholics and 41% of Orthodox believe in the afterlife, 76% of Greek Catholics and 42% of Orthodox believe in the existence of paradise, 73% of Greek Catholics and 41% of Orthodox Christians believe in the existence of paradise, 48% of Orthodox Christians and 48% of Orthodox. Greek Catholics are, so to speak, more canonical than Orthodox. The latter are more prone to shallow understanding, and therefore the free interpretation of the basics of the faith.

Recent interest in apocalyptic events was stirred up by the event that was expected in 2012: the end of the Mayan calendar. It turned out that almost 15% of the inhabitants of our planet believe that the end of the world will happen in their lifetime, 10% believe that it could have happened in 2012.

Mass surveys were conducted on this issue in 2012. For example, Ipsos Global Public Affairs specifically surveyed 16,262 people from 20 countries. The percentage of those who believe in the imminent end of the world varies greatly, from 6% in France to 22% in Turkey and the US, in South Africa and Argentina the percentage is slightly less. Only 7% of Belgians and 8% of British fear that the end of the world will come during their lifetime. One in ten people in the world stated that they were alarmed about the possibility of doomsday in 2012. The largest number of such people were in Russia and Poland and the least in the UK. Interestingly, uneducated and people with low income as well as those under 35 are more likely to believe in the apocalypse. [5]

Surveys were conducted in Ukrainian as well [6], 86.9% of Ukrainians did not believe in the end of the world on December 21, 2012. The end of the world did matter more to the residents of the North and the East of the country; most of the residents of those regions believed in one way or another that December 21 was a landmark event. Also, a high percentage of those who are positive about the doomsdays are residents of Kyiv. Residents of the Autonomous Republic of Crimea differ from other regions, they struggled with an answer. The older were the respondents, the more likely they were to believe in the end of the world. For example, 4.6 % of young people responded positively and 10.5 % of people over 60 years old. Furthermore, women (9.7%) believe more in the onset of the “last day” than men (4.4%).

Among non-believers, 6% have at least some belief that there will be the end of the world. The survey shows that among those who are determined about their spiritual choice and religious denomination 7% believe in the end of the world. Accordingly, statistically, there is no much difference between the two categories. Describing their attitude to the information about the apocalypse on December 21, 2012, the vast majority of respondents were very skeptical about the reality of such a threat: 78% of respondents agreed that it was “empty talk” and “senseless gossip”; 77.2% agree that rumors spread to make people buy different goods and prepare for a “black day”. 77.9% relate the active dissemination of information about the end of the world with an attempt to divert attention from really important things and social problems, to switch attention.

The COVID-19 pandemic objectively modernized traditional apocalyptic. The thought of the end of the world as one of the central themes in the Bible is similarly discussed in Orthodoxy. The priest Vasily Fazan states: “Yes, we know that there will be an end of the world from the Holy Scriptures and the Tradition of the Orthodox Church, and it will come during the second coming of Christ and the Last Judgment. Then all people will appear before God to answer for their lives. The righteous will enter a blissful eternity with God, sinners will go to eternal torment. The earth and everything on it will be on fire, and there will be a new sky and a new earth.” [7]

Unlike Jehovah’s Witnesses, the Orthodox do not associate the end of the world with natural causes, including astronomical or epidemiological phenomena. According to them, the end of the world will come as a result

of the degradation of mankind, committing the worst sins, lawlessness, spiritual and moral impoverishment. That is why they are skeptical about guidance on how to survive the end of the world as it will come to all and everything. But “No one knows about the day and hour, only My Father,” said Jesus Christ. The Orthodox think that those who live with God shall not fear natural disasters, epidemics, evil deeds of people, nor death itself and the end of the world: “If God is with me, who is against me?”

Modern man is intrigued to find out what is hidden behind the concepts of “end of the world,” “last judgment,” “apocalypse,” “Armageddon” to get prepared for it. It turned out that the consciousness of the modern Christian, not to mention the non-believer has lost the original understanding of the end of the world. Very few people see it in religious attire; common representations are technologicalized, visualized by various fantastic series, lopsided, gloomy [8]. General pessimism as such has never been inherent to Christianity. Modern interpretations of the end of the world are surprisingly rationalized and even pragmatic. The traditional meaning of the apocalypse is lost, the biblical notions of the end of the world are desacralized. The apocalypse is declared to be exclusively man-made, it changes the original meaning: the end of the world is retribution for the sinfulness of man, for the neglect of God, for the failure to fulfill his commandments.

Therefore, the world is waiting for new eschatological predictions, which logically fit into traditional Christian doctrines, not changing their essence, but only renewing traditional forms.

The analysis of the Bible books, shows that the traditional Christian consciousness is through apocalyptic, brightly eschatological, because it is oriented towards the otherworld and life after death. In general, Christians are relatively calm about the dangers of the virus, because they, unlike non-believers who have no extensive religious knowledge of the end of the world, optimistically believe in the Kingdom of God and in their salvation.

Among all Christians, only representatives the Seventh-day Adventist Church and Jehovah's Witnesses literally perceive the end of the world. As representatives of the actual eschatological current in Christianity, they constantly remind their followers of eschatology as a teaching about the end of the world. Today, they are actively using the circumstances to prove that their beliefs are right. Modern interpreters of the Apocalypse attempt to eliminate archaic apocalyptic layers from biblical texts and introduce ideas of moral and social optimism. They modernize the mythological eschatological subjects of the Bible and making them more attractive by means of modernized language, technology, visualization.

Modern confessional eschatology seeks arguments to justify apocalyptic ideas and protect basic doctrinal principles. But it does not fully succeed, because the ideas of the end of the world are not very popular even among Christians. According to opinion polls, just over half of Christians profess some components of traditional eschatological ideas.

Even less are burdened by fears about the end of the world. The vast majority of people – up to 70% are skeptical of these prophecies, and the rest change the traditional understanding of the end of the world, which is gradually desacralized. But this does not mean that Christianity will lose its role as the social regulator of society, as it has experienced many pandemics and catastrophes while maintaining itself as a religious system that is able to set the meanings of human existence in any conditions.

The current COVID-19 pandemic renewed eschatological fears and expectations of humanity and it should be investigated further with a focus on the condition of modern religiosity in terms of people's beliefs in the end of the world.

Prof. Liudmyla Fylypovych
*Institute of philosophy
by G.S.Skovoroda, NAS Ukraine*

Prof. Vitaliy Dokash
*Yuriy Fedkovych
Chernivtsi National University*

REFERENCES:

- [1] Dokash V.I. Judgment day: The Evolution of the Protestant Interpretation (in Ukrainian) – Kiev-Chernivtsi: Books – XXI, 2007. – 544p.
- [2] Judgment day (in Ukrainian) // <https://wol.jw.org/uk/wol/d/r15/lp-k/102015407>
- [3] Armageddon – an event an event worth waiting for (in Ukrainian) // <https://wol.jw.org/uk/wol/d/r15/lp-k/2019561>
- [4] Parashchevin M. Religion and religiosity in Ukraine / Ed. S. Makeeva. – Kyiv: Institute of Politics, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, 2009 (in Ukrainian) // https://polityka.in.ua/userfiles/religiya_i_religiynist_v_Ukraini_2008.pdf
- [5] Every tenth inhabitant of the Earth believes in Judgment day according to the Mayan calendar in 2012 (in Ukrainian) // https://dt.ua/SOCIETY/u_kinets_svit_u_za_kalendarem_mayya_v_2012_rotsi_virit_kozhen_desyatiy_zhitel_zemli.html
- [6] The canvass was conducted from 5th to December 15 2012 in 24 regions of Ukraine, the Autonomous Republic of Crimea and the city of Kyiv. A total of 2003 respondents interviewed (in Ukrainian).
- [7] Last Judgment for person is not natural phenomenon, but sinful life (in Ukrainian) // <https://poltava.to/news/19387/>
- [8] Dokash V. The social principle of eschatology in apocalyptic and prophetic literature // Religion and Society, 2013, #3-4 (11-12), p. 179-188; Bardin M. Apocalyptic expectations in modern religious literature of Jehovah's and Seventh-day Adventists // EAST, 2017, #3 (149), p. 53-57 (in Ukrainian)

About the outset of the pandemic

Ph.D. Oleg Maltsev

First, when we speak of the visible part of the pandemic it is about the reaction. Several months of analysis of how governments, businesses, societies, and industries are reacting to the epidemic has created a research field for me. The second important factor is the antecedent that led to consequences globally. The pandemic began almost four months ago, unexpectedly for the entire world community. Therefore, the reasons for it go beyond anthropological ones. Accordingly, there are three critical hypotheses of the occurrence of the epidemic.

The first one termed as an “unknown hypothesis.” On the one hand, such a pandemic is not something new for the world, but for most of the world population, it is a first-time incident. Unexpectedness became a critical factor — it caught off balance. Certainly, for those who observed a typical situation in the 1930s, it would be another disaster, but it is an utterly distinct event for a modern man. For a reason above, it is necessary to consider an “unknown hypothesis” and take into account when analyzing the pandemic scale.

The second hypothesis is economy-related, remember ancient saying “*cui prodest*” (“Whom does it profit?”). The fact is that we all are observing how the world economy is drastically changing during this period. For instance, Warren Buffett sold his largest companies, German Lufthansa airline suffered a loss of 1.2 billion dollars, the list can go on and on. Who would have thought three months ago that such a stable company could be on the verge of bankruptcy? To put it simply, it looks like sheer sabotage — although — many reject this theory. Nevertheless, the current situation manifests all indications of sabotage. This is confirmed by the fact that some people took advantage of the situation, which is exceptionally anthropological.

The third hypothesis is the show: What if there is no pandemic in a way that is portrayed but an artificial setup? For example, in Germany, we see an emergence of an oppositional party that titled itself as “Resistance 2020” (Widerstand 2020) and in May, there were mass protests against restrictive lockdown measures. Protesters

were from a rather diverse political spectrum: left, right, neo-Nazi to Christian associations, opponents of vaccinations and supporters of the "Q-Anon" organization. The party involves quite well-known and famous people: scientists, doctors, lawyers, bloggers and many others. Protesters went to demonstrations demanding explanations from Chancellor Angela Merkel regarding the pandemic related consequences in the country.

No less interesting situation has happened in France. Investigations revealed that the coronavirus was already in the country in December 2019 and not March 2020, as claimed. The aforementioned indicates that unknown people "brought" coronavirus to France much earlier. Meanwhile, from what we know, COVID-19 in China began in November 2019, about six months ago! A similar case took place in the UK, where leading British epidemiologist Neil Ferguson was fired, because of the sexual scandal, who advocated strict quarantine measures in the country and reinforced the simulation. UK scientific council dismissed him after he violated self-isolation rules himself. Besides, as reported, official statistics of morbidity in the UK were overestimated 25 times higher than it was. Thus, another reason for dismissal is apparent and his words will not be trusted any longer.

From my viewpoint, the current pandemic is only a "rehearsal". To this date, some "imperfections" of the epidemic are already noticeable. In the monograph and articles about the pandemic, it was initially stated that, in my opinion, this is a large-scale setup show. Another confirmation is the statistics of mortality from archives in Germany for the last ten years; archival material shows that the numbers of previous years do not differ much from the current ones. Current events are like signs of a "show" — "spectacular disaster" in Baudrillard's expression that did not really take place. Through the global web, social and mass media, a "special operation" has been carried out. The world population is kept in awe and countries quarantined. Expenses of such a special operation are certainly not comparable to profits as a result of all the consequences. For example, in residential and commercial real estate, there is a significant depreciation of millions of square meters and many other industries are severely affected, which is most likely advantageous for certain actors.

The fourth hypothesis is that the COVID-19 pandemic is an unfortunate global accident. This option should be taken into account, even though it is doubtful due to well-planned propaganda and media work. We already know that many media outlets (particularly in Germany) were bribed to spread disinformation. It is essential to consider the totality of all three reasons described in more detail in the monograph "How I was forced to study the psychology of Europe or the Moment of Truth." Several chapters are dedicated to the pandemic and the response of society and governments to it. While looking into the pandemic, I spoke with 20 experts and opinions were divided as follows: 50% of those experts believe that it is a setup event; 30% adhere to their own different versions; 20% of experts adhere to the anthropological version. For instance, Ph.D. Don Pinnock's research led him to conclude that pangolin meat (which was infected) is the cause of the pandemic (bats being at the beginning of the chain). Pinnock believes that the problem is in the pouching and illegal transportation of wild animals to Chinese and Vietnamese open markets.

By all means, all four hypotheses should be taken into account. It must be noted that I was in the epicenter of the pandemic crisis during the expedition to Portugal in March 2020 and faced difficulties when visiting Spain, France, Netherlands, Germany and Portugal. For obvious reasons, there were difficulties with closed supermarkets, hotels, borders, research facilities during expeditionary work. However, we saw the way things unfolded with our own eyes. The key simulator of this situation is the coronavirus test. There were no coronavirus tests in the vast majority of countries, meaning that tests appeared only in 2020, already during the peak of the epidemic. Statistics presented globally are based on these tests, but they do not give anything as there are no statistics for the previous period. There is nothing to be compared with. For example, last year, Europe had a flu epidemic, but there was no panic, no death/infected statistics were actively spread, no tests were done to come up with statistics. Governments should have reacted the way they did previously, but they did not. Epidemic similar to this one took place in 2018 as well as in previous years. For example, in January 2020, about 80% of the staff of our research institutes became ill, at the same time 80% of Odessa residents also got sick with a severe viral disease, which was something similar to the current virus.

There was a shortage of medicines in drugstores because of high demand; however, ambulances did not make visits to all addresses as it was impossible to visit every patient who made the call, so they advised remotely. Despite the circumstances, the state did not introduce an emergency epidemic regime in January. Almost all people were sick and they safely recovered. However, today (in Ukraine) there is a "search" for coronavirus infected people, which has been going on for several months. In this case, we must ask the

question: "What do we mean by the epidemic?". If January was not an epidemic period, then what is an epidemic? It seems that an "epidemic" is an agreement of a particular conglomerate of individuals that the "epidemic exists." It is an artificially declared event. It was sufficient to have several articles written by two questionable "scientists" from the UK on this topic (which were not verified or reviewed by anybody), and the next morning entire country(ies) were in a panic.

Certainly, the aforementioned does not relate to situations when people are actually ill. Therefore, an epidemic can be declared when people are sick; when there is a deficit of medicine; when hospitals are overcrowded with patients, etc. At the moment, for instance, Odessa is an absolutely healthy city, but it is on lockdown. Citizens who had a viral disease in winter were confined in their homes and some lost their jobs (but it was not considered to be an emergency period). The situation with the current pandemic is paradoxical. Some states introduced emergency-situation unnecessarily, which in turn has numerous irreversible negative consequences.

"...we are in a logic of simulation, which no longer has anything to do
with a logic of facts and an order of reason."
Simulacra and Simulation, Jean Baudrillard

Ph.D. Oleg Maltsev
*Ukrainian Academy of Sciences,
The Memory Institute*

Human Rights and Freedom: The Risk of Scapegoating Religious Groups

Prof. Massimo Introvigne

Something we learned from the COVID-19 crisis is how easily religious minorities become scapegoats for social problems. This does not happen spontaneously. Religious minorities have enemies, and they use crises as opportunities for discrimination. One lesson for the post-COVID-19 world is that discrimination of religious minorities should be stopped before it escalates into persecution and violence.

Looking for scapegoats is historically common in times of epidemics. Often, these scapegoats are identified with unpopular religious minorities. During the Black Death epidemics of the 14th century in Europe, Jews were accused of intentionally spreading the plague out of their alleged hatred for the Christian majority. Thousands were lynched or burned at stake. In the city of Strasbourg, France, only, on February 14, 1349, 2,000 Jews were burned for their supposed plague-spreading crimes (Gottfried 1983, 74).

In 1545, during the rule of John Calvin (1509–1564) in Geneva, religious dissidents were blamed for an outbreak of the plague, and at least 29 were executed (Naphy 2003, 90–1). Catholics in Protestant countries and Protestants in Catholic countries continued to be executed in the 16th and 17th centuries under an accusation of plague-spreading (Naphy 2002). As late as 1630 in Milan, practitioners of forms of folk religion easily mistaken for witchcraft were among those accused of spreading the plague, and some were executed (Nicolini 1937)—a story well-known in Italy as it was mentioned in the country's national novel, *The Betrothed* by Alessandro Manzoni (1785–1873).

It is not surprising that during the 2020 COVID-19 epidemic, religious minorities found themselves accused of spreading the virus through their gatherings and missionary activities. In South Korea, a new religious movement is known as Shincheonji Church of Jesus, the Temple of the Tabernacle of the Testimony (in short, Shincheonji), was scapegoated as the cause of the epidemic there, after one of its members tested positive after having attended a religious gathering of the group and presumably infected hundreds of co-religionists. In fact, she was originally diagnosed with a common cold and allowed by the hospital to go home and attend the gathering. Only later she was tested for the virus when the damage was done. The government then asked Shincheonji to supply a full list of all its members in South Korea and even abroad. When the lists were received, authorities suspected they were not complete and raided Shincheonji's offices to secure the "real" lists. Although it came out that the lists Shincheonji had given to the government were, in fact, accurate, with minor mistakes for which the movement apologized, politicians who had a previous history of opposition to Shincheonji went on and filed a number of legal actions aiming at wiping it and its ancillary organizations out of existence (Introvigne et al. 2020).

In France, the evangelical megachurch *Porte Ouverte Chrétienne* (Christian Open Door) was accused for an international event that gathered more than 3,000 persons in Mulhouse from February 17 to 21, 2020. Reportedly, African participants took the virus to several African countries, and hundreds of French devotees were infected as well. *Porte Ouverte* reported that, after the accusations, children were insulted in their schools and church members were beaten in the street. The megachurch admitted the gathering might have contributed to spreading the virus, but claimed it has been "scapegoated" and noted that before February 21, no restrictions existed for public events, and on February 18, thousands had gathered in the same city of Mulhouse to welcome the visiting French President Emmanuel Macron, with no restrictions or precautions (Lindell 2020).

In Italy, the Roman Catholic Neo-Catechumenate movement was accused by the Governor of the Region of Campania and some media of having irresponsibly spread the virus through "mystical rites," and threatened with criminal actions, because of retreats it organized in two towns of the province of Salerno, Atena Lucana and Sala Consilina, respectively from February 28 to March 1 and on March 4, 2020. 16 participants to the gatherings were infected, and two died, including a priest (Iurillo 2020, Cernuzio 2020). In this case, also, the Neo-Catechumenate answered that the ban on public gatherings was introduced in Italy only on March 8, and both the local bishop and the bishop of the diocese most of the participants came from stated that the movement was being unfairly scapegoated (Cernuzio 2020). On February 29, without objections by the Governor, some 25,000 had gathered in Naples, Campania's capital, to see the local soccer team defeat Torino F.C. (Guerrera 2020).

In India, the Muslim missionary movement Tablighi Jamaat was accused of spreading the virus through a large gathering it held in Delhi in early March and the wanderings of its traveling missionaries. The Chief Minister of the Indian State of Uttar Pradesh, Yogi Adityanath, accused missionaries to misbehave in the hospitals to which they had been admitted, and called the Tablighi “enemies of the humanity” (Dongare, Pandey and Gosh 2020). While the hospital incidents should be obviously investigated, Chief Minister Yogi Adityanath is a Hindu cleric well-known for his inflammatory anti-Muslim statements (Barry 2017). A campaign developed in India claiming that the Tablighi were consciously infecting Hindus with what was called “coronajihad” or “TablighiJamatVirus,” using fake videos and more than 300,000 posts on Twitter in a few days (Perrigo 2020).

There are additional examples throughout the world. It is of course true that religious gatherings, pilgrimages, and processions may be dangerous in times of epidemics, as are all other mass events, including soccer games, and may contribute to spreading viruses. It is also the case that some Protestant conservative and fundamentalist churches in the United States and elsewhere openly defied state or municipal lockdown orders and hold services illegally. In other incidents, however, religious organizations made the same mistake as organizers of soccer games and other public events did. They hold their services and paid a price in human lives. But they did not breach any law, as long as the laws still (mistakenly, as it was discovered later) allowed public events to proceed.

The question, thus, is why religious organizations received more public blame than other groups. The Champions League game between the Italian team Atalanta and the Spanish team Valencia of February 19, 2020, was called a “biological bomb,” likely responsible for thousands of deaths among the 44,000 fans who gathered in Milan and those who were infected by them (Hope 2020). Yet, nobody called for sanctions against the European soccer federation UEFA, which insisted the game should be played. On the other hand, there were suggestions that religious groups that gathered in the same days should be punished, and even disbanded.

But not all religious groups. As scapegoating theories would predict, the virus was the opportunity for singling out already unpopular religious organizations. Shincheonji is the main target of a very active and even violent Christian anti-cult movement in South Korea, which is supported by some politicians and has tried for years to destroy this fast-growing movement (Introvigne et al. 2020). Muslim activists are unpopular among India’s Hindu majority. In France, Pentecostals and other Christians that are not perceived as “really” included in the mainline of the “historical” Protestant churches had long been at risk of being attracted into the frequent governmental campaigns against “cults” (Palmer 2011, 16 and 220). The Neo-Catechumenate movement has a sizable share of critics in Italy, including among fellow Catholics, both for its conservative morals and creative, progressive liturgy (Magister 2012). In short, religious groups are scapegoated in a crisis if they already have organized opposition, ready to use the crisis as an opportunity. In the post-virus world, the activities of anti-cult groups and other extremists should be exposed for what they are, organized promotion of religious intolerance and discrimination, and religious minorities should be effectively protected.

Prof. Massimo Introvigne
Managing Director, CESNUR
(Center for Studies on New Religions)

REFERENCES:

1. Barry, Ellen. 2017. "Firebrand Hindu Cleric Yogi Adityanath Picked as Uttar Pradesh Minister." *The New York Times*, March 18. Accessed April 4, 2020. <https://www.nytimes.com/2017/03/18/world/asia/firebrand-hindu-cleric-yogi-adityanath-picked-as-uttar-pradesh-minister.html>
2. Cernuzio, Salvatore. 2020. "Coronavirus, picco di contagi in Campania dopo un ritiro religioso. Il vescovo: 'Nessun rito mistico, nessuno ha bevuto allo stesso calice.'" *La Stampa*, March 16. Accessed April 4, 2020. <https://www.lastampa.it/vatican-insider/it/2020/03/16/news/coronavirus-picco-di-contagi-in-campania-dopo-un-ritiro-religioso-il-vescovo-nessun-rito-mistico-nessuno-ha-bevuto-allo-stesso-calice-1.38601241>
3. de Certeau, Michel. 1982. *La Fable mystique*. Vol. 1, XVIe–XVIIe siècle. Paris: Gallimard.
4. Dongare, Akshay Kumar, Alok Pandey and Deepshikha Ghosh. 2020. "Coronavirus: Yogi Adityanath's Tough Move Against Quarantined Islamic Sect Members." *NDTV*, April 3. Accessed April 4, 2020. <https://www.ndtv.com/india-news/coronavirus-uttar-pradesh-to-use-national-security-act-against-islamic-sect-members-quarantined-for-2205484>
5. Gottfried, Robert S. 1983. *Black Death: Natural and Human Disaster in Medieval Europe*. New York: The Free Press.
6. Guerrera, Mauro. 2020. "Napoli-Torino 2-1: i dati di spettatori e incasso." *100x100Napoli.it*, March 29. Accessed April 4, 2020. <https://www.100x100napoli.it/napoli-torino-2-1-i-dati-di-spettatori-e-incasso/>
7. Hope, Russel. 2020. "Coronavirus: Champions League Match a 'Biological Bomb' That Infected Bergamo, Experts Say." *Sky News*, March 26. Accessed April 29, 2020. <https://news.sky.com/story/coronavirus-champions-league-match-a-biological-bomb-that-infected-bergammo-experts-say-11963905>
8. Introvigne, Massimo, Willy Fautré, Rosita Šoryte, Alessandro Amicarelli, and Marco Respinti. 2020. *Shincheonji and Coronavirus in South Korea: Sorting Fact from Fiction*. A White Paper. Turin: CESNUR, and Brussels; Human Rights Without Frontiers.
9. Iurillo, Vincenzo. "Coronavirus, morto uno dei religiosi dei raduni-focolaio nel Salernitano. Sindaco: 'Sia da monito per chi esce di casa.'" *Il Fatto Quotidiano*, March 20. Accessed April 4, 2020. <https://www.ilfattoquotidiano.it/2020/03/20/coronavirus-morto-uno-dei-religiosi-dei-raduni-focolaio-nel-salernitano-sindaco-sia-da-monito-per-chi-esce-di-casa/5743698/>
10. Lindell, Henrik. 2020. "À Mulhouse, les évangéliques se vivent en bouc émissaire." *La Vie*, April 2, 32–3.
11. Magister, Sandro. 2012. "That Strange Mass the Pope Doesn't Like." *L'Espresso* (online), April 11. Accessed April 4, 2020. <http://chiesa.espresso.repubblica.it/articolo/1350217bdc4.html?eng=y>
12. Naphy, William G. 2002. *Plagues, Poisons, and Potions: Plague-spreading Conspiracies in the Western Alps, c. 1530–1640*. Manchester, UK: Manchester University Press.
13. Naphy, William G. 2003. *Calvin and the Consolidation of the Genevan Reformation*. With a New Preface. Louisville, KY: Westminster John Knox Press.
14. Nicolini, Fausto. 1937. *Peste e untori nei "Promessi Sposi" e nella realtà storica*. Bari: Laterza.
15. Palmer, Susan J. 2011. *The New Heretics of France: Minority Religions, la République, and the Government-sponsored "War on Sects"*. New York: Oxford University Press.
16. Perrigo, Billy. 2020. "It Was Already Dangerous to Be Muslim in India. Then Came the Coronavirus." *Time*, April 3. Accessed April 4, 2020. <https://time.com/5815264/coronavirus-india-islamophobia-coronajihad/>

Psychology of Inferiority

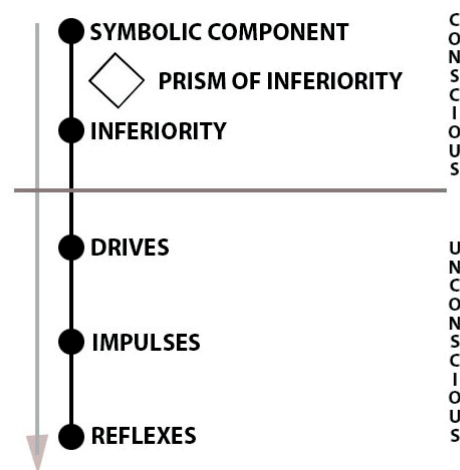
Ph.D. Oleg Maltsev

Modern academic psychological science is founded on three grandees, such as Leopold Zondi, Sigmund Freud, and Carl Gustav Jung, each of whom investigated and contributed to a certain area of depth psychology. Correspondingly, Sigmund Freud looked into reflex (his research category), instinct (complex instinctive behaviors as a psychological category) was studied by Carl Gustav Jung drives by Leopold Sondi. All three of them had a long scientific journey and we are indebted to them with all we have now in modern academic science. Nevertheless, each of the grandees did as much as he could in a lifetime; certainly, there are things to develop further. After they passed away, academic psychology came to a standstill, and the next step in psychology is long overdue.

Sigmund Freud, Carl Gustav Jung, and Leopold Sondi extensively described the three levels mentioned earlier of human reactions and the relationship of a human with an outer world. However, hardly anybody is interested in his reflexes, instincts, or motives – an individual is more interested in why his life is the way it is. Many would have chosen to live a better, different life, but people genuinely do not answer some questions. Circumstances of today require psychology of inferiority to be a central subject of research; therefore, I started looking into it as a new research category in depth psychology. The pandemic, like any extreme situation, would expose the inferiority of people. Why people behaved the way they did during the pandemic? All in all, we see nothing but reflex as a reaction (at least in Europe as I saw it with my own eyes). What is surprising that people on the governmental level (presidents, prime ministers, and other elected officials) reacted in the same way, even though one would expect a response on a different level of the psyche. This paper is not about the structure of the human psyche, and for illustrative purposes, it is supposed as an “antenna,” which has a diapason. The reflexes are situated at the bottom of it, and symbolic component on the top. Please see a schematic depiction of levels such as the reflex, instinct, drives, inferiority prism and symbol.

As classified in traditional depth psychology, the unconscious part ends on the level of drives, as depicted in the scheme. It is a certain boundary between conscious and unconscious. The question is on what level does a person make a choice? According to Leopold Sondi, “choices we make shape our destiny.” However, most of the time individuals’ choice is unconscious, which means that something preceded it. Therefore, Sondi’s psychological category is not related to a “choice” but “drives.” One’s motives, structure, and configuration, from Sondi’s viewpoint, determine a person’s unconscious choice. A psychological category such as “instinct” developed by Carl Gustav Jung is a complex pattern model of behavior, but it is unconscious too. When it comes to reflexes, it should be understood that it is looked at only as an assessment of a triggered reflex (i.e., post-processing of what has

already happened and not what is going happen). Accordingly, the reflex is also triggered unconsciously at the automatic level. Thus, when we speak about a consciously made life choice, it is attainable only at the symbol level. According to the structure of human memory, one of its components is a prototype. The prototype structure could be imagined as a data bank, which is the source of a person’s foundation of moral conduct. It is a natural mechanism to start searching for answers if you do not know how to deal with a particular thing. At this point, he turns to this “data bank” and “extracts” the necessary knowledge. One of the prototype blocks’ level is the “current reasonable model of authorities” it has five authority figures that automatically generate skills, and an individual uses them without a second thought about it. From one side, the “current reasonable

model of authorities” is symbolism in its purest form, because these figures become symbols. For instance, it is quite frequent when people bring to mind relevant leading/famous/infamous figures from near history, that are perceived as symbols already while reflecting on nationalities. For example, when people think of Russians, they usually remember Stalin, Lenin, Marx, Engels and others; when it is about Americans —the president of the United States — the status itself is perceived as a symbol and not the person itself (same applies to the previous example). This is because it is a temporary status (usually, presidents are elected for one or several terms). Another interesting example is Germany, Angela Merkel has been on her post for almost 15 years by now, but she is not a symbol of Germany (yet).

It should be pointed out that not only can a person become a symbol, but it could also be an idea. What is important is that the symbolic component guides the choice of a man. If something is wrong with his motives, instincts and reflexes, then the problem lies in the prototypological block of memory (inconsistent “current reasonable model of authorities”). It is responsible for making it possible to solve tasks and the way of life that one has at the moment. When something is wrong with a person (and it is visible), it can be concluded that there is an issue with the “choice” on the level of drives. In principle, such a category is not possible on that level; thus, it unconsciously takes place. When one fails in something or incapable of achieving the task he set before himself (from a memory perspective), the problem is only in the prototypological block.

Note that the symbol generates not only things that evoke the joy, but also hatred. For example, Hitler became a symbol of evil. The mechanism of the symbol’s origin does not matter; a symbol has an effect on human life in any case. If this had not been the case, there would have been no mechanism for the transmission of evil, which is ubiquitous. It works according to a straightforward formula: “What has been effectively used against me, will definitely work on others.” Simply speaking, if a person was frequently beaten by a stick, he will do the same with somebody else (he will replicate this “evil”). This happens due to the fact that the symbol is always in the foundation of anything; therefore, choices are symbolic as well as further models of human behavior are subject to this choice. Coming back to the psychological category of inferiority, it is essential to note that it is the prism of the symbol’s refraction. It means that the symbolic system differs from person to person. Consequently, it will work individually, depending on the degree of inferiority and other accompanying factors. For example, let us say that two people have the same personality-symbol, but their behavior would be entirely different because of the unique exploitation of the symbolic component. Some people might understand the symbol uniformly, and the models of their behavior would be more or less similar, but each person will be unique anyhow because it is impossible to understand the symbol equally in every sense. Unfortunately, modern psychology does not look into such a category as inferiority. The average person does not investigate his inferiority; it is always automatic, unconscious, correspondingly he is never in charge of it and cannot use it to his own advantage. Very frequently, it plays a cruel joke with a person, and his life decisions led to fatal consequences.

Ph.D. Oleg Maltsev

*Ukrainian Academy of Sciences,
The Memory Institute*

About tactics of combating the epidemic

Ph. D. Oleg Maltsev

The world is in crisis aggravated by fear, danger, and quarantine today; every day reports of victims, suffering and loss. The reason for all this is intuitively apparent to all: roaring coronavirus pandemic. Thanks to media and modern communication technology and networks, coronavirus transformed into a truly massive emergency incident. The phenomenon of «coronavirus» is not an innovation or an unknown phenomenon for humankind. On the contrary, it was conceptualized multilaterally — the filmmaking industry presented different scenarios to the global community in the course of 20 years. Those scenarios include the triggering mechanisms — «viruses,» which secretly change the environment, transmuting it into a dangerous — deadly — uncontrolled segment. There are dozens of movies released on this subject, in particular, a movie like «Contagion» (2011) was and is extremely popular (translated into more than 30 languages).

Accordingly, even based on a prototypical example (described scenario), the virus of this kind and potential sequence of events was known before the outbreak of COVID-19. When that scenario became a reality in China, the Chinese government decided to fight the virus by their own methods: strict quarantine, restrictions, and other socialist methods, typical for the Celestial Empire's mentality component. Also, one should pay attention to the appearance of a considerable number of reputable world consultants on the topic, for example, Nassim Taleb openly advocates that panic and overreaction is the best way to preserve oneself.

The next stage of necessity to bolster global efforts to address the pandemic was the report of McKinsey & Company, an international consulting company with a specialization in strategic management issues. However, except for the general outline of events and statistics, the McKinsey report does not suggest practical strategic or tactical recommendations for potential changes in the future, nor does it have solutions to fight the pandemic. Accordingly, it is impossible to rely on that report to identify and come up with the specific procedures or approaches to form a tactical problem resolution system. And yet not a single tactical scheme to combat the epidemic has been proposed up to this point; which, of course, generates questions. Even though world powers are mainly focused on the Chinese line of implementing anti-virus measures, Chinese practice and censorship cannot be called a tactical plan. If to narrow down previously introduced set of measures to a logical model — quarantine residents and wait until infected ones recover — this is perhaps a step, but not a solution to fighting the virus. It is a passive tactical idea, but not a plan.

On the other hand, careful consideration of «tactical work in the conditions of a global threat» (epidemics along with anthropogenic accidents and disasters) and the development of a tactical model to hinder it should begin with an accurate knowledge of what is happening. It is an offset position — a direct look at the event, maximally accurate answer to the question «How do things stand in fact?» is a launchpad and the most critical aspect in the development of a valid tactical scheme to neutralize an emergency.

From a practical viewpoint, it should be noted that it is impossible to answer that question based on quantitative indicators. The fact is that quantitative indicators of countries and even different service reports on this or that country are inconsistent and contradictory. To rely solely on numbers that contradict each other is misleading oneself and others.

The primary predicament of the epidemic as a type of emergency is its tendency to scale. To compare, a different type of emergency like an anthropogenic one does not tend to scale. For example, the explosion of a nuclear power plant reactor causes damage and consequences but does not scale. The threat associated with the epidemic always tends to scale; accordingly, we never know beforehand which territories/groups/communities exactly will be affected. The time and speed reach unbelievable ranges in the 21st century, so does the spread of the virus through air transport, sea and land travel. If 100 years ago, the journey from Beijing to Amsterdam was counted in weeks and months, it is a matter of several hours today. Thus, there were cases when a person got infected in China, flew to another country, and ended up having symptoms after a while. In the given situation, what is crucial is not only the incubation period of a disease but also the qualitative factor such as the speed of interaction between countries responsible for scaling.

Correspondingly, to control scaling, the transport system of an infected region must be confined in the first place. Cutting off transport links with an epidemic-hit country/region neutralizes the spread of the virus to other territories. In such a case, infected ones would get full attention from medical personnel and the

number of deaths would be kept to a minimum. The more virus is spread, the less manageable and effective health system becomes.

Another important aspect is the people who form the intellectual potential of the country. It is shortsighted from the government's viewpoint to weaken its capabilities beforehand against the potential global threat. In fact, the lack of scientists, researchers, and experts in virology and epidemiology, the lack of funding in those areas is perilous, as well as the disastrous policy, which leads to the weakness or even absence of medical institutions specializing in virology. Scenarios of how to act in emergencies, in particular, how to prepare special means, technical equipment and everything that provides sufficient work in conditions of the pandemic is indispensable. Those conditions would secure the possibility to eliminate the consequences of a sudden emergency like an ongoing one.

Many EU countries have freely led themselves to a weakened state without proper training of relevant bodies; at the moment, collapse in science resulted in the suspension of scientific developments in the field of virology and epidemiology. Elimination of these branches of science on the governmental level entails a lack of personnel, methodologies, working procedures, rapid response systems and other things. Accordingly, today's emergency and the global threat reveals an incapability of dealing with it, confusion and panic. In most part, neither representatives of states nor citizens know how to behave in the conditions of the epidemic.

Pandemic is a global threat and it does not matter how they will emerge from now on, be it a fatal coincidence, lab experiment, marketing tool in the hands of unscrupulous private intelligence services, or in another way. What is important is that this global lever in the form of a pandemic might be used later on. In such a case, the fact of the threat will be invisible and the type of the threat will be «upgraded». For a reason mentioned above, states must be capable of taking control over potential emergencies. Relevant services must be organized beforehand, provided all necessary equipment, and be ready to carry out specialized activities to eliminate the threat and its consequences.

Equally important is the task of having trained medical personnel trained by scientists who can cope with such tasks, professionals-virologists who can develop a treatment, epidemiologists who regularly face unknown problems (the main characteristic of their activities is the development of clinical treatments). Such experts should develop treatments from zero based on a small model with an unknown X threat (potential epidemic). Upon the detection of a real threat, experts should be able to investigate it and develop a clinical solution quickly. Certainly, these skills are not acquired in a few weeks or even months; usually, it takes years before a competent, qualified, and well-trained specialist is ready.

Any pandemic has a rather critical psychological factor; those who have never faced and dealt with global threats and emergencies before are anxious, which is an expected psychological reaction. Accordingly, unprepared doctors also experience something similar, and with increasing fear and anxiety, they cannot adequately perform their medical duties. Keeping this principle in mind, it is also vital to deal with this in advance and prevent phobias from becoming an obstacle to saving people. Medical staff and senior experts should go through specialized psychological training. Additionally, doctors and workers in this field should receive high financial compensation being reliable specialists in the governmental service.

Secondly, these people should be morally and ideologically savvy; they should know why they are doing their job; they should know that their activities are vital and highly respected. Their philosophy should be about combating «evil» in the form of global threats. Since unknown viruses are hazardous for the lives of people, for doctors as well, both the state and society should be grateful to these people if they are successful in dealing with their jobs.

From the perspective of operating during a pandemic, it is imperative to develop appropriate legislation. Constitutions of each state should have a section that specifies: action plan of the state's population, the government, the president in the face of global threats. Legislative decree should make it clear that in cases when certain human rights should be restricted, it will be for a short period (no more than 30 days, for instance) and only in the case of critical emergency. If the state did not prevent a critical emergency in the country, it is the state's responsibility.

Today we have no choice but to acknowledge large-scale incapacity to develop tactics to combat the epidemic, on the one hand, and incapacity to manage actions to eliminate the epidemic, on the other. In a nutshell, it is about two parameters:

- a) Relevant tactics are necessary;
- b) Leaders who have the skills to implement these tactics in cooperation with other people.

The key role is given to management; the first necessary thing is to improve managers' skills and teach how to manage people in stressful situations. Expert leaders must undergo appropriate training and classes before there is a threat. It should be noted that theoretical training is not enough; practical exercises should be there too with the involvement of the police, National Guard and so on. A person must clearly understand that he will have to act in the face of an impending threat; otherwise, he will not be ready for it professionally and morally-psychologically. One should take into account the so-called unpredictable psychological factor: the way people behave in extreme situations. Unfortunately, today no school of psychology studies this just like no due attention is paid to the mentality component in making a forecast. While implementing a tactical scheme, it is necessary to take into account the mentality of the territory. If it is about managing large numbers of people, it is more effective to rely on those who are already in charge of them today. From a practical viewpoint, a tactical model is required to develop tactics; it is preceded by an objective understanding of what is happening, which is possible only based on a valid logical model. Further, based on the final view, it is possible to develop a tactical model. Furthermore, to develop a tactical scheme, it is necessary to understand who can lead in this situation.

To sum up, a tactical scheme aimed at combating the epidemic should look as follows:

1) *Hinder scaling*. This step may define the scenario of the epidemic. However, if the first stage was looked over and the epidemic has gained momentum, it is necessary to go to step 2.

2) *Isolate the infected area*. Organize headquarters to eliminate the disease and the consequences. Develop clinical intervention methods immediately. Develop measures to ensure the implementation of the headquarters plan. Obviate the epidemic.

3) If the epidemic has reached the scale of the country, *form a committee to eliminate the epidemic and the consequences of the epidemic*. Break the country down into sectors, in each sector to organize the headquarters of the committee for coordination and control. Give the headquarters authority and funding.

4) *Headquarters should engage business leaders of the regions*. Provide funding and allow them to take leadership to eliminate the consequences of the epidemic in the areas entrusted to them.

Here is a suggested systematic tactic to combat the epidemic, which considers the needs of the modern democratic society. The presented scheme allows us to isolate the threat at the early stage or deal with the threat and its consequences. It cannot be stressed enough that scientific developments are vital to prevent the expansion of pandemic scenarios.

Ph. D. Oleg Maltsev
Ukrainian Academy of Sciences,
The Memory Institute

Post-pandemic social changes

Dr. Geoffrey Brian West

(based on online-discussion panel dedicated to prognosis)

COVID-19 is a unique global event by its nature, it has never happened in the history of the human race. The pandemic has affected at least every human being on the planet, the only other thing comparable to it, presumably is climate change which will affect every human being on the planet. Both of them have a characteristic of being global and also that they will potentially affect choices and life changes both at the individual level and national level. With the pandemic, we are not sure what the end state will look like, we don't know about how many rebounds there will be, there's a lot of inhomogeneity in the system and different countries have reacted rather differently to it, some countries like the US, UK, Spain, and Italy got themselves into big trouble by not acting quickly enough. Much of this goes to something that I hope does change and that is a much deeper appreciation for science and experts' advice, it has to be taken seriously in certain areas. Another important thing related to what the outcome will be and what kind of changes it will engender is that there's a tension between the obvious fear and threat that many of us feel obvious reasons on the one hand and the other that one could imagine in a year or two, that people will look back and say «Well, actually it wasn't that bad» and gradually the system might «relax» back to where it is or was before; these are two extremes. In my viewpoint, the consequences of the pandemic will stay with us for the foreseeable future and it will take time for us to adapt to it. Also, it is not clear whether a vaccine will be developed or if we will become immune to it naturally.

I term this event to be a «mother of all butterfly events»: some random mutation of the virus in a Chinese city — who would believe it that within a couple of months football matches no longer would be played in Spain, a shortage of yeast in the United Kingdom, a crash of the markets in the United States and so on... all these totally unintended consequences and I think psychologically it's hard to believe that that won't have an effect. Also, many, I hope will have an appreciation and an understanding of what transmission and the word exponential really means, not that it means very fast, but it signals that if you don't control something it may lead to serious trouble. So what might really change in terms of the social? Apparently, there will be much less social interaction. I think despite all of the pressures people return to having football matches, concerts, social and cultural events. Some of that will happen, but I think there will be a degree of caution and degree of restraint in people participating and that of course also depends on the age profile. Senior citizens will be much more cautious and restrained for obvious reasons. Besides, most of us have some underlying condition which only exacerbates the problem.

Transportation will change and cities may have to adapt to that, roads are not cleared of traffic and there will be more room for walking and bicycles. It may be that the time of electric bicycles or electric kinds of transportation on a personal level will go to another level. I think the other thing that will happen is that it will exacerbate inequality, which is already a serious problem globally; rich people will look to remove themselves from the potential threats or getting infected, they might not actually move out of the city, but they will buy more and more second, third homes. The aforementioned will inevitably change the social structure of the city. The other aspect which we already see is the very fundamental dynamic that has given us all of the great things that we enjoy, the quality and standard of living, many of us were privileged to have arises out of social networks, social interaction, the transmission of ideas, creating wealth, creating innovative. But it turns out that it is exactly the dynamic that gives rise to a pandemic. One the one hand, if you diminish social interaction and tie to physicality then you are going to decrease, potentially, innovation, wealth creation, etc, and that's of course represented by the decrease in socio-economic activity. Cities and social organizations will inevitably adapt to that and it is unforeseen what the end outcome will be. Besides, in an event like this, a major change over a very short time also tends to accelerate processes that are already in play and we are participating in exactly one of those. Obviously, internet communication was already there before and probably it will develop regardless of the outcome. It has its advantages but it reduces everything to a two-dimensional scale and the world we live in is multi-dimensional.

All of these dynamics will be in play in the near future. So I think the other thing that is crucial it is that and I wish this were true. I had hoped, when this began and it was very clear that it was a pandemic that people would unite to fight the threat. It happens at the national level during a war when people come together, feel the bond between them, and «rally» together to fight it. Unfortunately, the United States may be one of the worst cases of this where we have not seen that, quite the contrary we've seen greater forces of polarization that play. There has been sort of coming together, I do not want to deny that but nevertheless in times of world wars, and even during the 2008 meltdown, there was much more of a feeling of unity. We do not see is truly a global unity to fight the common enemy and, ironically, even though the use of the war as a metaphor, which I do not like, has not led to another metaphor that «we need to galvanize together as an army». That might have profound effects on at least the near future and it may have long-term effects.

Dr. Geoffrey Brian West

*Santa Fe Institute, Imperial College
(London), Oxford University*

How post-capitalism would look like?

Dr. Geoffrey Brian West

(based on online-discussion panel)

«What do we mean by «post-capitalism» and «business»? Are we going to be moving into a post-capitalist society?». Does that simply mean that there's more or less government involvement? I believe the ideas mentioned above should be defined more clearly. There is a big issue which is the transition from one extreme to another, meaning that companies are there not just to facilitate between «houses and the community» but to make a profit. That was the fundamental drive in the past. However, what has been evolving slowly in the last couple of years is the transition towards an idea of social responsibility for companies; in some ways, they are obliged to take over roles that were embodied in the culture or were the part of what governments, administrations should facilitate. Nevertheless, having said that I would say that some of the things that are very clear in the present circumstance are that, first of all, when you have a major impact, major perturbation like we are going through now, that inevitably is an accelerator of processes that are already in place. Not only it starts new things, but more importantly, it accelerates things already happening, such as the role of IT, machine learning, and AI, etc. in formulating the way businesses are managed.

I'm not a businessman, but as an academic who has studied businesses, it is apparent that if you want your business to survive, you must keep in mind (history lesson) that all businesses eventually die. Usually, their lifetime is not very long. In the United States, even a successful business that is already posted on the New York Stock Exchange, for example, cannot expect to survive for more than about ten years. So there is already this dynamic of a relatively short life span; of course, there are many exceptions to that, but in general, if a company wants to survive, it has to learn «what kills company» lessons in crisis. What typically kills them is that they have become ossified; they tend to have a burst of energy initially, but they quickly lose that spark of innovation, get dominated by bureaucracy and administration. Thus, companies can survive the way cities survive — the only way is to reinvent themselves at various times. In times of crisis, when the propensity is to contract and to get rid of those innovative parts of the company, they should think long-term and take

advantage of opportunities that undoubtedly will occur (are occurring) to maintain or reinvent oneself. There is a long history of that, in the United States, companies like General Motors and old ones are dying now, some of them were simply bailed out by the government.

Companies should adapt to new conditions, keep innovation at the forefront, change with the conditions, that means to be more flexible and adjust to remote working in times of need. I believe that there are a lot of lessons to be learned from this pandemic. It is important, especially for companies that haven't done it yet — to engender a culture of «caring,» support employees, and recognize the struggles that people are going through.

How to make the country's economy and business environment independent from an ineffective government?

Logically, we need government, we need law and constraints. Still, at the same time, there should be room for a sense of freedom, freedom of action, freedom for markets to work, for entrepreneurship to develop and so on, but in a way it has a human dimension to that (with social responsibility). It became relevant even more in recent years because of the development of the internet and social media, especially companies like Facebook and Google, which are in a strange way playing the role I mentioned earlier: the government's play. In some ways, they are setting the style, providing a platform, but at the same time, they are controlling what is allowed and what is not allowed. So we're getting this integration of confusion much more than we had in the past. I think between culture, social networking, government controls, and compliments. I don't think there is a simple answer to this; the government's role should be moderate, not too extreme, and not too loose. I think we have to agree that we need government, we need law, we need constraints but we also need a sense of freedom, and freedom of action, freedom for markets to work for entrepreneurship to develop and so on. But in a way going back to some of the conversation we had before in a way that has the human dimension to it, and I use the phrase with social responsibility the companies. Now they need to make as part of their culture not just a good idea of making a profit which is obviously crucially important, otherwise the company dies, but equally important is now social responsibility and their role in being able to play that. And we see that of course it's come much more to the fore in recent years because of the development of the internet and social media, especially companies like Facebook and Google which are in a strange way playing the role as I mentioned earlier really the government's play. Because they are in some ways setting the style, meaning they're open they're providing a platform, but they're also selling a style and a modality for social interaction, for the structure of social networks. And they themselves are in that governmental role or controlling flows, and what is allowed and what is not allowed and so on. So we're getting this integration of confusion much more than we had in the past. I think between culture, social networking, government controls and compliments. Education is key to the future. Sadly in many countries, including the United States, education has become more narrow, more superficial and in many ways inadequate for the 21st century, and dynamics that are already taking place. Ironically the idea of appreciation of real knowledge began back in time (especially in the 19th century) and somehow we lost it along the way into the late 20th century.

Dr. Geoffrey Brian West
*Santa Fe Institute, Imperial College
(London), Oxford University*

How to Destroy Civilization

Dr. Steve Best

"Imagine the amazing good fortune of the generation that gets to see the end of the world.

This is as marvelous as being there in the beginning"

Jean Baudrillard

1. Apocalypse

Many past cultures have thought that they lived in apocalyptic times and expressed a foreboding sense of doom and ending. From the Book of Revelations to cyberpunk, apocalyptic visions have been a mainstay of human culture. In contemporary 21st century conditions, the signs of apocalypse are everywhere, from collapsing ice shelves in the Arctic to wildfires raging in California, Australia, and Brazil; from superstorms pummeling coastal towns and island communities to millions of refugees fleeing the ravages of drought, poverty, famine, and conflict; from lingering specters of nuclear annihilation and (bio)terrorist attacks to species extinction, and runaway climate change. And now the scourge of a global pandemic inflicting suffering and death around the globe, a massive economic meltdown, and cities turned into ghost towns or petri dishes. Authoritarianism rises, democracy wanes, power concentrates into ever fewer hands.

Whereas all the apocalyptic visions of the past were rooted in fear, paranoia, fantasy, and superstition, visions of chaos and collapse today find grounding in mathematical projections and scientific facts. In our current era, apocalypse is an immanently unfolding objective reality that we are accelerating toward at breakneck speed. For the last 50 years or so, postmodern forms of culture and theory have articulated pronounced feelings of exhaustion and endings. We have heard much about the death of metanarratives; the end of history; the disappearance of the social; the demise of truth, reality, and the subject; and of course, the death of postmodernism itself. Postmodernism arises amidst paradigm shifts that register across the disciplines. but these changes barely scratched the surface of seismic changes unfolding in society and the objective world that had allegedly disappeared into the text. For what we are witnessing is not the end of modernism or modernity, but rather the inevitable collapse of the expansionistic, growth-oriented enterprise we call civilization — the dominant institutional structures and ideologies that human beings have built over the last 10,000 years during the Holocene epoch.

Our present moment is so radically novel and extreme we have to think of it in geological, not merely historical terms, for we have created a new geological epoch — we are transitioning from the Holocene to the Anthropocene.[1] Humans have expanded their technological and world-altering prowess to such an extent they have disrupted every living system on the planet – most evidently in the emergence of a sixth (human-caused) mass extinction (right now, 150 species go extinct every day) and with the rise of fossil capitalism and its causal effect in global warming – and created a radical break in the history of humanity and the earth itself.

As we glean by its name, Anthropocene means "age of the human" (literally, "Anthropos," human, and "cene," new") and it marks the time when human beings became the main driving force of natural change on the planet, surpassing or equal to the powers of nature itself. Humans have become a powerful super-agent driving changes in the planet, and there is no natural process – not wind, not rain, not tides and sea levels – that humans have not altered. Today, "natural disasters" are really social disasters – disasters caused by human disruption and degradation of natural processes. Indeed, we have pushed back the next anticipated Ice Age by some 50,000 years and possibly the ones that would come after that. In contrast to the stability of the Holocene, the current Anthropocene epoch is highly unstable and extremely hostile to humans and other life forms. By 2050, vast areas of the earth will be uninhabitable; indeed, many areas today are already.

2. Orgy

Baudrillard asks, "What would life look like after the orgy?" Well, let's open our eyes and look around at the detritus and decay. What is the orgy but the last 10,000 years of wanton growth, extraction, plunder, slaughter, colonization, consumption, and destruction of the predatory, growth-oriented, ever-expanding and globalizing system we now call advanced capitalism? And what we're witnessing now is not the collapse of a local ecosystem, but of the planetary ecosystem, not any particular empire – Roman, Mayan, and so on – but of the human empire itself.

Viruses are parasites who depend on a host they hijack and take over for their own purposes, with no mind of the sustainability of the enterprise, until the host dies. Humans too, although they have their own reproductive machinery, are parasites, and our host is planet earth, its “resources,” and all of its resplendent biodiversity. We have hijacked this planet, exploited its animals, and we are mindlessly killing our host and thus killing ourselves. Viruses act only to reproduce, humans often seem to operate with similar lack of consciousness. A smart virus spares its host, at least until it can spread to other hosts, but earth-bound humans do not.[2]

3. Zoonosis

What happens after we indulge in a prolonged orgy? Well, one likelihood is that we contract a disease. After centuries of ever-increasing slaughter, plunder, population growth, territorial expansion, relentless consumption of the earth's finite resources, habitat destruction, and species extinction, Western civilization has contracted many diseases, the latest being COVID-19.

“All societies end up wearing masks,” Baudrillard says in his book, *America*, and now this is literally true in the streets and stores around the world, where people are not confined to home. We are all carriers or potential carriers, but no one is safe because the clever virus delays symptoms, some people are symptomatic, and the seemingly healthy person next to you could be an infected host. This uncertainty, danger, and enforced distancing breeds paranoia, isolation, mental illness, and the degradation of social existence. And because we live in a globalized world, a supersonically-connected planet packed with densely inhabitable urban zones, it is axiomatic that a virus anywhere is a virus everywhere, and thus we share the same fate.

With the emergence and spread of their empire over this earth, *Homo sapiens* came into ever-more intimate contact with other animals and the viruses they carried, leading to the rise of zoonotic diseases – bacterial and viral diseases transferred from (nonhuman) animals to human (animals). Roughly three-quarters of new or emerging diseases that infect humans originate in animals. Older zoonotic diseases include the bubonic plague, rabies, and influenzas (including the “Spanish” flu of 1918-1919 that killed between 50-100 million people). Newer diseases originating from animals include AIDS, Ebola, Marburg, Lyme disease, West Nile fever, SARS, MERS, and COVID-19 — which most likely came from a live animal market in Wuhan, China.

Zoonotic diseases began with animal domestication, they have afflicted humanity throughout the history of civilization, and they will plague us long into the future, so long as we continue our rapacious extraction of resources, destruction of habitat, decimation of biodiversity, and exploitation of nonhuman animals. Infectious agents such as viruses involved in zoonotic diseases can hide or lurk within a reservoir host (like a bat), waiting patiently wait for a prolific host like humans to provide transport.

Microbes are everywhere in the bodies of species with which they have evolved but can cause disease or death in humans when there is a spillover. The Ebola virus, for instance, doesn't cause disease in bats but is lethal when it crosses over into human bodies. Similarly, the West Nile virus doesn't cause illness in birds, but does in humans, just as Lyme disease is an affliction of human beings, not ticks or rodents. In each case, there is a spillover when human beings encroach upon, disrupt, and degrade habitats and ecological systems – through logging, road building, mining, creating farmland, rapid urbanization, and population growth – and bring animals into closer contact with us.

Eating wild animals killed in the “wet markets” of Asia or as “bushmeat” in Asia and Africa are a more direct pathway of disease transmission. Intensive confinement of thousands of animals in factory farms provides a very efficient means of transmitting zoonotic diseases. We saw this in 1997-2009, when a highly pathogenic strain of H5N1 bird flu spread from poultry farms in China to numerous countries. In April 2009, a novel combination of swine virus genes – producing the H1N1 swine flu — circulated in pig farms in North Carolina then jumped to humans and quickly became a global pandemic, killing thousands of people, and still circulates seasonally worldwide. It is important to note also that we live in a post-antibiotic age, where the “miracle” cure for bacterial diseases is often no longer effective, to an important degree because of the overuse of antibiotics in feed to control disease spread in factory farms.

Like humans, pathogens do not respect species boundaries. Overall, nearly eight billion people, many with advanced technologies and rapacious appetites, are tearing ecosystems apart and within these ecosystems are millions of different kinds of viruses, bacteria, and other pathogens. As Sonia Shah observes in her book *Pandemic*, society operates with an erroneous paradigm of disease, treating diseases as foreign invaders into

our territory, when in fact we are the invading species encroaching on the habitat and communities of animals and ecosystems. It is wrong to say that these diseases are happening to us, rather they are the unintended results of what we are doing to the natural world. All too often, we are the causes, not effects, the culprits, not victims, of pandemic-inducing pathogens. Why is it, we must ask, that the microbes that have existed for ages suddenly begin “causing” diseases? In the last fifty years, we have lost over 60% of all wildlife, as over three hundred infectious diseases have emerged or reemerged around the world. It is no coincidence this is happening as the human empire expands and globalization increases. Zoonotic diseases spillover to humans far more readily in disrupted and fragment systems than intact and diverse ecosystems.

Ironically, while the virus is hidden and invisible, it acts to make dramatically visible numerous crises and problems in nations such as the US. Better than any Marxist theory of crisis, the virus showed that the world capitalist system is extremely fragile and built on a house of cards that can be toppled by an ill-wind. More so than depressions, world wars, or terrorist attacks, COVID-19 brought the world to a standstill. It exposed the mighty US Empire as a third-rate power and a failed state in its inconceivably feeble response to the pandemic and the plight of its citizens. It revealed Emperor Trump to be without clothes — not only grossly incompetent as a leader, but a truly dangerous sociopath indifferent to the suffering he causes. Trump not only presides over the greatest health crisis in a century, he is a health hazard, a danger to public safety. The new pandemic laid bare our debilitating dependence on China for drugs and medical supplies. Moreover, the virus shed a blinding light on the already clear racial and class inequalities in the US, for the poor and people of color have the least resources, the worst access to healthy food and health care, and are the most vulnerable. As well, COVID-19 laid bare the nihilistic logic of capitalism, when anxious elites insisted that the elderly, the vulnerable, and “essential workers” will have to be sacrificed for the greater good of the economy and revivification of the sacred “American Way of Life.” Just as surely, the virus put on display the supremacy of politics over science, ideology over facts, and personal ambition over public health. The respect for and preeminence of science has never been lower in this country. Perhaps most of all, the virus pulled back the curtain on how radically unprepared the world is for crises, especially the much larger planetary crisis already unfolding. It surely is a vivid reminder of our dysfunctional relationship with nature, and a warning to be heeded.

4. Climate Emergency

If a virus can stop the world in its tracks in just a few weeks – shutting down sports events, ending university classes, confining people to their homes, and throwing armies of workers into unemployment — what kind of chaos does the far greater challenge of runaway climate change portend? Flooding, superstorms, drought, desertification, asphyxiating heat, and so on – these are the conditions the earth is preparing for us. But the climate emergency is a problem of the present, and not the distant future. If the chaos and suffering we already are witnessing has occurred with the planet heating up just over one-degree Celsius average temperature since the Industrial Revolution, what lies ahead on the current trajectory leading to a possible 4-degree spike by the end of the century?

In addition to the numerous forms of chaos climate change will unleash on the world, it will aggravate the problem of viral outbreaks. As temperatures climb higher, so too do diseases spread. Increasingly, mosquito-borne diseases such as yellow fever, Zika, and malaria will migrate northward. Malaria alone already kills a million people every year, and by 2030, the World Bank estimates that 3.6 billion people will have to reckon with it, 100 million of them as a direct result of climate change. And as humans continue to decimate forests and habitats, we will confront ever-new viruses hidden away, just as both old and new terrifying diseases are locked in the melting Arctic ice.

Thus, COVID-19 is just a warm-up and trial run for the crises of far greater magnitude coming with climate change. Unlike COVID-19, however, there is no vaccine for runaway climate change, no technofix allowing global capitalism to ignore its addiction to growth. Both COVID-19 and climate change are global problems, but climate change is not solvable within capitalist society and demands far more radical vision and solutions to Anthropocene crises. Human beings globally will have to learn how to develop sustainable lifeways and to radically change both their social institutions and their anthropocentric and speciesist worldviews, values, and practices. If there is one positive development to emerge with this pandemic, it should be awareness of how complacent and humanity is for a crisis like a global pandemic and how urgent is the need to develop global cooperation, medical infrastructure, and support systems for the most vulnerable.

5. Post-Human Postscript

"There is hope, though not for us" - Kafka.

What is most surprising about this new global pandemic is many were surprised at all, given that we are doing everything necessary behaviorally, sociologically, and economically for such outbreaks to erupt. For decades, scientists have been warning about the imminent danger of pandemics, and with our ecologically alienated and disruptive lifeways we continue to ensure that there will be plenty more pandemics and catastrophes to come. Here in the US, Trump ignored urgent warnings of an emergent pandemic in the first two months of 2020, squandering two critical months needed to stop the spread of the virus. and when he took office in 2017 he gutted medical infrastructure and research projects on infectious diseases, moving critical resources from public health to the military and defense industry. Infectious diseases and climate change, however, force a radical rethinking of what we mean by "security" and there is surely no danger greater that pandemics and the furies of an unbalanced planet. In addition to new models of security that must include environmental components, we need new holistic models of health that recognize the interconnectedness of the well-being of humans, (nonhuman) animals, ecosystems, and the planet as a whole.

Short of a safe and effective vaccine, the coronavirus will never disappear, it will hide and emerge where there is opportunity, and exist alongside of newer and perhaps even more deadly viruses to come. Countless pathogens could evolve to become serious threats to humans, and must now be considered a cost of development. The constant danger, uncertainty, and need to contend with deadly viruses and infectious diseases, and above all with the catastrophic effects of climate change, is a fact of life in the disrupted world of the Anthropocene. We have turned a corner as a species, there is no going back.

To Baudrillard's quote that opened this essay: exactly what "world" is ending and why? The physical "world"? The planet? Not likely – the earth is 4.6 billion years old, will exist for another 5 billion years before being devoured by the sun. The planet has survived and thrived through tremendous climatic and geological changes and five mass extinction events, and it will survive the current sixth mass extinction event and the Anthropocene epoch that humans are rapidly bringing about. The problem is these new planetary adaptation conditions will not be hospitable to human life.

Isn't it rather that the "world" that is now ending is the Holocene epoch and the ten-thousand-year-old experiment we call "civilization," an experiment that has not turned out well and now stands at a critical crossroads? Given the portentous changes still to come, I would hardly say that we are living after the apocalypse, but rather that we are living now during it, amidst its infant beginnings. Our brief window of opportunity is closing and by the end of this century infectious diseases, runaway climate change, drought, famine, scarcity, disease, and war will reveal their full horror. We are facing the greatest challenge in human history – are we up for the task? Or will this experiment of intelligent apes armed with potent technologies end tragically? We are well aware of the consequences of a failed state, but what if the true problem we face is the possibility that we will prove to be a failed species? If so, and we persist in being destructive parasites rather than responsible members of the global biocommunity (Gaia), the planet and its sundry life forms will only heal, revivify, and regenerate, but only in our wake.

Dr. Steve Best

University of Texas, El Paso

REFERENCES:

"Nature's Way," by Spirit: <https://www.youtube.com/watch?v=f53Rfnilhww>

[1] I am well aware of the intense debates raging about the semantics, periodization problems, and politics of the discourse of the Anthropocene, and can't deal with them here. Suffice it to say, I believe the Anthropocene is an entrenched scientific and cultural concept here to stay, just like the discourse of the postmodern, which many thought was merely transient. The concept is useful in forcing us to grasp the magnitude of changes we are unleashing on the planet, and the need for radical changes.

[2] While human beings literally act like parasites, viruses, and cancers on the planet, such discourse are problematic in its association with the dismal position of eco-fascism, which by all means we want to avoid.

Epidemic and post-epidemic models

Ph. D. Oleg Maltsev

Certain stages play the role of obstacles for any epidemic and human disease. Human beings have a robust multilevel protection system of their own. Any epidemic descends «from top to bottom» crossing echelons of human protection, or it infiltrates on a certain level similar to an «entry from a side,» which excludes the necessity to pass through levels.

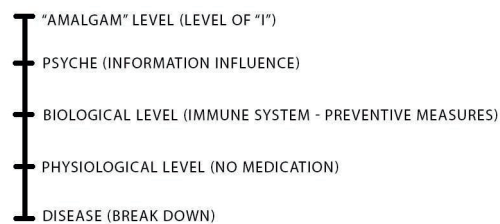
The top-level is related to «amalgam» («I», psychoanalysis). The main characteristic of this level is that conditions are created for a particular **environment** — a world where certain things are considered to be normal or abnormal. If one considers COVID-19 through the prism of the epidemic model organization — its first «amalgam» level corresponds to an entire collection of movies about the epidemic produced by different motion picture companies in recent years. These films have created a certain environment of normalization of the epidemic. For example, the scenario of «Contagion» (2011) corresponds to the current epidemic; the only difference is that «Contagion» depicts that the virus is spread in the U.S. but not globally. The next level is the **human psyche**, a powerful «spring» of admittance of different kinds of scenarios. Usually, mass media is used as a tool to pass through this level; it helps to pass this echelon of human defense system, as a consequence of which, he believes in something and remains in fear. The next level relates to **psychobiology**, disease prevention level — immune system, and psychosomatics. In the context of the current situation, preventive measures are not actively conducted, and no institute is in charge of informing people about how to strengthen their immune system.

In view of the fact that people's immune systems work differently, it is quite easy to get through this echelon. The next level is **physiology**, it is directly linked to the infection itself. In other words, it means that preceding echelons of protections were passed through before he got infected. At this level, one is in awe that there will be no appropriate treatments and no way to recover from illness. He feels helpless — one-on-one with an obscure disease.

The last level is when a person is already **ill**. By this time, he is not the only sick person, the number of infected people increases; they infect others, and the epidemiological situation comes into the scene.

Considering this tactical model of the epidemic unfold and comparing it with the current events, clearly shows that this is how COVID-19 was spread out. Initially, people were «prepared» by dozens of films about the epidemic; the media was actively involved, together with the fact that people are not knowledgeable about

TACTICS OF EPIDEMIC UNFOLD

preventive measures (which were not conducted by governments nor other entities).

Living in fear and anxiety in an infected environment is the primary psychological problem; desperate search for a vaccine that does not exist does not solve anything (there is no flu vaccine; otherwise, it would have appeared long ago). Even if the vaccine is found, it will have an emotional effect only — since some viruses invariably mutate and some are the product of lab experimentation. Therefore, any vaccination is purely psychological; it will never guarantee that a person will be resistant to a disease. There is no better vaccine than an immune system of a person himself. Searching for the treatment when people are already sick, instead of developing them beforehand, **leads to traumatic effects and group infection**. When people get diseased and feel consequences faster than they recover, it «traumatizes» society and heavily affects the society itself, different institutions and the economy of the state. On the assumption that 80% of the population is in bed with an acute respiratory viral infection businesses, factories, and many other establishments stop functioning as they did.

Since viruses are intangible, there is no way to fight epidemics in a way people envision. Sooner or later, some die, some recover and gradually come back to normal; it is not new, that is how it has been in past years and centuries. It is crucial, though, that treating people when the disease has already spread is a guarantee of a new epidemic. To prevent an epidemic from taking place again, it is necessary to return to the top of the model — to the first level of the epidemic («I» — amalgam level), and do not adopt an epidemic as a norm of living, i.e. marketing or a political tool.

Media work must be regulated by states and make them financially liable for disinformation. Given that media reports concern the state and national security, and it is revealed that particular media outlets accepted payment for the dissemination of misleading information, they should be held criminally liable for it.

The prevention of diseases is crucial and necessary in our communities; in the best-case scenario, preventive measures and their implementation should be regularly broadcasted. Meanwhile, the development of effective treatment methods should take place before any potential emergency, just so the medical sector has time to handle the situation at an early stage. Society should be freed from post-traumatic syndrome, a psychosocial phenomenon that implies that such an epidemic will not happen again. Governments must bear severe responsibility for incapacity to function in the conditions of the epidemic and control the situation; if that is the case, it would be fair for an incapable government to resign.

What to expect after the epidemic is over? Reasonably, during an emergency, no one can promise anything; almost all scientists refrain from predictions. For lack of a better word, it is about a «PIN-code» that no longer serves in the circumstances unfolded today. Many people do not believe the promises of governments and are tired of restrictions on their rights and freedoms. «Getting rid of the problem» is not their purpose any longer. Instead of the vision for the future, the level reflexes and instincts reign in the front. «New society» that will occur after the pandemic will be offered a «new PIN-code,» in other words, a new approach. Many have already started using the «Media-Emergency-Action» triangle, but it is not a new pin-code, but a way of justification before society.

Nevertheless, in the post-pandemic period, a new «PIN code» will be found to drive modern society into hyperreality again (Baudrillard). Let us suppose what kind of a new «PIN code» might be suggested in the post-pandemic era? Apparently, what has happened is going to be remembered for a long time; thus, the first element of the «PIN code» will be **security**. The necessity to introduce changes into the legislative system will, in turn, restrict human rights. People are inclined to sacrifice their freedoms, agree with the changes as long as emergencies as such will not take place again. But no laws will stop people that are after power, which has been a recurrent course at all times.

The second element of the «PIN code» presumably will be a guaranteed **future** instead of a dream. That is, no matter what happens, this future is warranted. The credit system does not allow people to fulfill their dreams anymore. However, consumer society cannot exist without credit; it always needs something like a loan. There will probably be direct payments by installments bypassing the banking sector (related to those who will be able to trade their resources circumventing the banking system, leading to the collapse of the latter). Extensive direct installment payments would be possible with long-term contracts only. The current state of affairs is driving the breakdown of the banking system and its replacement by a multi-vector free monetary and electronic system of money. Moreover, the wider is the spectrum of backward calculation, the more people will agree on these conditions influencing manufacturers to be in immediate contact with the consumer.

If the pandemic is the antecedent of the banking system's breakdown, then banks will become useless. Consequently, all money in the world automatically becomes criminal. Convertible currencies will disappear, the only currency remaining to be an e-money. If cash ceases its circulation, there will be no other money, except for cards leading to an **open monetary electronic system without banks**.

Considering the professional activities of people, presumably, many will rush to search for jobs that would maintain their positions in any crisis. Most people will search for remote job opportunities so that they are not at risk of «losing a job.» The economy, in general, will become even more globalized. This new «PIN code» will be the commencement of a «different» society. It will no longer be a consumer society, but global communications society. The «state» and its permanence as an institution with all its outcomes will be jeopardized. For instance, revolutions and mass revolts against the establishment will arise more frequently with a subtle goal to begin a different form of human existence. People do not want to depend on governments incapable of making effective decisions and providing a decent way of life. We already see how businesses are holding more and more power separately from the state. To conclude, it is most likely that the current world order will fall apart. Perhaps, the global order will return to the form of some principalities (in the global and economic sense), presumably organized from large organizations to small ones. There is no doubt that the world will never be the same after the pandemic, but the ideas outlined in this paper are merely hypotheses.

Ph. D. Oleg Maltsev

*Ukrainian Academy of Sciences,
The Memory Institute*

The Chinese Communist Virus: Never again after the Covid-19 pandemic

Willy Fautre

In 2020, the world faces a very challenging and dangerous transformation. The Covid-19 pandemic not only threatens the health and lives of hundreds of millions of people but also puts the global economy at risk. In China, where the pandemic originated, the Chinese Communist Party (CCP) bears the full responsibility of the Covid-19 pandemic. Its management of the virus, its mishandling of the outbreak, its lies, and its purposeful omissions in reports to the world media have shaken the international community.

Half of the earth's population is under some form of lockdown; national economies are falling apart as businesses go bankrupt and dozens of millions of people lose their jobs; increased impoverishment is sketch out on the horizon. This catastrophe is unprecedented. From the beginning, in November 2019, the CCP silenced the doctors and whistle blowers who were sounding the alarm about the danger of a pandemic. These humanists were neither politically motivated nor anti-communist; they were just highly concerned about public health in China and abroad. The CCP, however, did not appreciate their efforts and quickly gagged and imprisoned them.

Though the virus responsible for Covid-19 is new, this form of repression is not. Throughout the 20th century, the lack of freedom of thought and freedom of expression has been one of the main characteristics of all communist regimes around the world. Censorship and propaganda are in their DNA.

Censorship and propaganda

Exposing any failure of the Communist Party in China can be seen as almost equivalent to an act of **blasphemy**, with the CCP as God and its doctrine a sacred text. It is a matter of life or death for the CCP, and any criticism is severely and quickly repressed. In March 2020, Bitter Winter reported on the case of an online paper, written

by two Chinese researchers, that strangely disappeared from the international scholarly database Research Gate a few days after it was uploaded. The paper did not claim that the novel coronavirus was intentionally created in a Chinese laboratory but suggested that the virus came from bats. As there are no wild bats carrying the virus in or around Wuhan, the authors asserted that the virus could have come from bats kept in one of two laboratories operating in Wuhan. The activities of these two research centers named in the paper are shrouded in secrecy. France, a partner in some of their projects, has never been allowed access to their facilities.

Chinese society is saturated by CCP propaganda. Chinese journalists have no freedom of expression once the political management of the country is questioned. It is usually ordinary citizens who whistleblow, violating political taboos and risking their personal freedom and their lives.

In the case of Covid-19, the first victim of repression by the CCP was **Dr. Li Wenliang**, an ophthalmologist at Wuhan Central Hospital. Although no one understood the nature of the illness at the time, he was the first to sound the alarm on the possibility of a coronavirus pandemic. Dr. Li spoke about the ongoing epidemic for the first time on 30 December 2019, when he sent out warnings to a WeChat group of former faculty of medicine students. His messages were shared very widely on the microblogging website Weibo, and it was also seen by CCP watchdogs.

Two days later, on 1 January 2020, Dr. Li and seven other doctors were questioned for spreading false information about Wuhan's pneumonia, as it was officially called in China.

On 2 January, China Central Television publicly announced the punishment of eight people spreading «rumours» on Wuhan's pneumonia.

On 3 January, the eight doctors (including Dr. Li) were forced to sign a statement recognizing that Dr. Li had «spread false rumours.»

One month later, the young doctor tested positive for Covid-19; he died the following week. Online posts on Weibo about his death were viewed by more than 1.5 billion people. A photo of him wearing a face mask that went around the Chinese blogosphere with the hashtag #WeWantFreedomOfExpression was used in more than two million posts before being censored.

Dr. Li was the first, but others were silenced for speaking out about Covid-19 as well. **Chen Qiushi**, a Chinese lawyer and human rights activist, became widely known for providing first-hand coverage of Covid-19 in China and criticising the government's response. His videos were viewed by hundreds of thousands of people on Weibo and WeChat despite being quickly censored. Qiushi's Weibo account was deleted two days later. He was last heard from on 6 February 2020, and, as of May 2020, his whereabouts remain unknown. Friends of the family say he is being detained by the CCP.

Fang Bin, a textile businessman living in Wuhan, never regarded himself as a journalist. However, he felt obliged to share the real situation in the city with his fellow citizens, contrary to the images supplied by the CCP's propaganda machine. In his first video report on 25 January 2020, he documented the saturation of the hospitals in Wuhan. The report showed the bodies of coronavirus victims inside buses that had been turned into improvised hearses. After the video's release, the police confiscated Bin's laptop and interrogated him at length. He later recorded a live video from his home, stating that it was surrounded by plainclothes policemen. Fang Bin has not been heard from since 9 February 2020.

These are examples of just a few cases. However, according to Reporters Without Borders, since January 2020, more than 450 Internet users have been detained in China for sharing information about the coronavirus that the authorities regard as «false rumours.»

Never again, but how? Through extensive use of new technology, President Xi Jinping has successfully imposed a social model in China based on severe control of news and information and online surveillance of its citizens. China languishes near the bottom of the Press Freedom Index of Reporters Without Borders. It is ranked 177 out of 180 countries, only followed by Eritrea, Turkmenistan, and North Korea.

Freedom of investigative journalism and freedom of expression in China can only be reclaimed by Chinese citizens. It will be a lengthy, uphill battle against the rule of the CCP. Freedom of expression activists and whistleblowers have already paid a high price, losing their freedom and sometimes their lives. Such courageous people deserve the full support of the international human rights community for the long haul.

After the pandemic, the world cannot go back to business with China as usual. Beijing must be held to account. Under international law, China and/or the Chinese Communist Party can and should be sued for the enormous damages they caused worldwide. There are several avenues of possible redress. The 2002 SARS

epidemic, also of Chinese origin, prompted the World Health Organization (WHO) to adopt new International Health Regulations (2005) that are legally binding on all WHO member states, including China. These Regulations cover diseases such as SARS and the virus responsible for Covid-19, and require member states to share relevant information with WHO «within 24 hours.»

The International Court of Justice provides another legal recourse to hold not only China as a state to account but also entities (such as the CCP) or persons (such as President Xi Jinping and others) for contributing to Beijing's breach of its obligation to promptly share information with WHO. China may reject the jurisdiction of the International Court of Justice, however, there are alternative ways to apply sanctions.

Law firms in North America are preparing civil lawsuits to hold China, the CCP, and Xi Jinping and his accomplices accountable for the cover-up of the Covid-19 pandemic and to seek damages for the enormous number of deaths and financial damages they caused. Additionally, the Global Magnitsky Act (2016) authorizes the United States to take action against human rights offenders. As countries around the world seek accountability, the question remains: what will the European Union, which claims to be a soft power, courageously dare do? Human rights NGOs should call upon the Chinese government to:

- Lift censorship and allow the free flow of information, press and media reporting, and free expression;
- Respect the right of Chinese population and the international community to know about the spread of the Covid-19 outbreak and its response;
- Restrict police power to end the harassment, intimidation, and arbitrary detention of netizens.
- They should also press the international community, including the World Health Organization and other UN human rights agencies, to urge the Chinese government to end censorship, the criminalisation of freedom of expression and information sharing as well as the arbitrary detention of citizens.
- Last but not least, they should support Chinese human rights activists and citizens in their quest to sort fact from propaganda and to safely exercise their right to share their findings.

Willy Fautre

Human Rights

Without Frontiers International

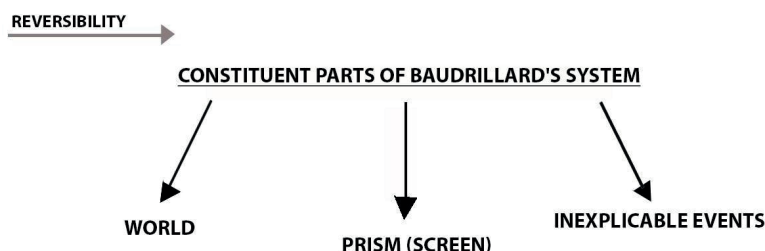
Current events through the prism of Baudrillard

Ph. D. Oleg Maltsev

If we analyze the European continent's situation in the last four months from the viewpoint of philosophy, radical anthropology and sociology, we should formulate basic questions in the first place. What is going on (1) and why did hysteria happen(2)? Often it is all about «what» and not «why» and «how,» finding out an answer to «what» does not cardinally change anything. Before coming to «why» and «how» Baudrillard's philosophical system's main points will be outlined as concisely as possible in this short paper. Some rightly believe that Jean Baudrillard «built» a system (for illustrative purposes «a structure»), numbered every block of it, and later dismantled the structure, ripped apart the sketches and left his system to people without clues. As a result of studying his writings and photography, in the book co-authored with Lucien Oulahbib *Maestro. The Last Prophet of Europe*, I deduced and described the principal model — **a compound philosophical system of Baudrillard**. His system permits us to accurately understand events that occur in the world and answer questions such as what, when, why and how. The model gives answers through one discipline or several.

An outlook through Baudrillard's system has a triad model:

- a) the world we live in;
- b) the prism (screen) that we look through
- c) inexplicable events

At the same time, reversibility perpetually hangs over the world like a Domoklov sword. Godfather of postmodernism regularly indicated that the world is reversible, and sooner or later, all phenomena terminate. According to Baudrillard, the world we live in is a large «structure,» it entitles so many concepts that he singled out. Therefore I have grouped all notions related to the definition of the world by Baudrillard into specific groups: «Stimulation», «Mechanisms», «Condition», and «Reversibility. «Stimulation» is a direct impact on something, which was expressed by Baudrillard through «fascinating disasters», «resurrection» and «extreme reality.» Following notions refer to the «mechanisms of the world»: a crime that has no punishment (*Perfect Crime*), «modern science as a generator of profitable ignorance», «network of symbolic exchange» (*Symbolic Exchange and Death*), «substitution of notions», «double standard», «reality replaced by simulation models» (*Transparency of Evil, Simulacra and Simulation*).

«Condition» or rather the status of everything today is described by Baudrillard by means of concepts such as the «silent majority» (*In the Shadow of the Silent Majorities, Or, the End of the Social*), «the code», «problems of the social», «a world that cannot be interpreted socially», «world of chaos and chance». The last fourth group is about the manifestation of «mysticism» or «reversibility.» Thus, there is a particular structure of **interaction between these groups of phenomena**. The «condition» is produced by «stimulation», and this «impact» is carried out by specific «mechanisms» with reversibility hanging over at all times. It can be described as follows: some mechanisms provide momentum, which in turn provides a certain state on a global scale. Speaking of «Stimulation», Baudrillard believes that «Extreme reality breeds fascinating disasters, and the media and ignorance of the «chosen» pass animated signs to them, and arrange by mystical or other human forms.»

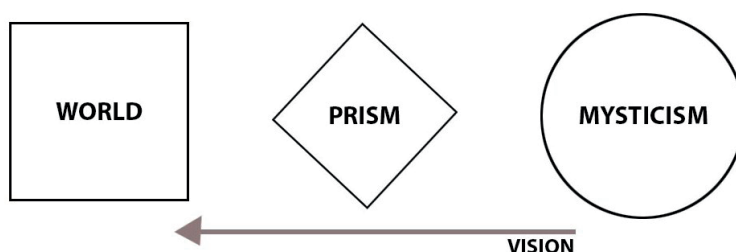
«Extreme reality» generates «fascinating disasters», they in turn, along with the media and the «ignorance of the chosen,» endow them with human properties and animate them. Drawing a parallel between the world singled out by Baudrillard in his writings with the events that took place during the pandemic, we could see the same pattern. **The extreme environment in which we operate produced the pandemic.** The media worldwide and leaders of different levels have turned it into an animated thing (for example, interviews are conducted with the coronavirus). Coronavirus becomes an animated object to communicate with; besides the devastating physical consequences of the pandemic, it is a vivid illustration of what happens after the impact or stimulation.

Another block as «mechanisms» described by Baudrillard could be divided into two categories. Crime and evil — from one side, they are interrelated (*Perfect Crime and Transparency of Evil*) because «evil» generates crime. Another group constitutes «science as a generator of profitable ignorance,» «symbolic exchange networks,» «substitution of notions», «reality replaced by simulation models.» At the same time, science in this model has a dual meaning, because it creates the screen (the prism) and generates profitable ignorance.

By means of a primary and secondary method, we can conclude that the «transparency of evil» produces «committed crimes», «science as a generator of ignorance» that allow and generate «substitution of values», which, in turn, through «network and symbolic exchange of networks» provide «reality, superseded by simulation models». This is the way the mechanism works in simple words. Correspondingly, the group of «Condition»

phenomena works in the following sequence: «a world of chaos and chance» that cannot be «interpreted socially», generates «social problems.» Further on, problems are amplified and «orgy» begins. **Power strives to take shape and form during the orgy**, by trespassing all thinkable and unthinkable laws, thus generating the silent majority a «reality» with reversibility hanging over it as a Domoklov sword (please see the image).

FUNDAMENTAL CONCEPT OF JEAN BAUDRILLARD'S PHILOSOPHY

The aforementioned described the causes and consequences as well as mechanisms that produce events in the world in a way they are now. As stated in the beginning, Baudrillard's philosophy is a powerful scientific tool in understanding the causes of events that take place in the world. At the same time, it is evident that the system «works» coherently like a single machine. Baudrillard's philosophy is straightforward for one who is not only familiar with his works, but has a thorough understanding of them. Thorough analysis and studying with a pencil every book and interview of Baudrillard allowed me to deduce the concept presented in this brief paper. As for the «prism» according to Baudrillard's philosophy, it consists of 5 components: «illusion,» «simulation,» «hyperreality,» «virtuality» and «mechanisms that produce aforementioned». These mechanisms are tightly interconnected with the world. The Mysticism of Baudrillard is a complex order characterized by six phenomena: «Symbolic System,» «Destiny,» «Fatality,» «Death,» «Mechanisms of dependency and interaction (seduction)» and «what provides possibilities for humans.» Apparently, his system allowed him to prognose future events with astonishing precision that many people consider him to be a «prophet» (a title that Baudrillard had disagreed with). Baudrillard clearly described not only what is happening in the world but also explained the causes of it.

Ph. D. Oleg Maltsev
 Ukrainian Academy of Sciences,
 The Memory Institute

Covid-19, climate change and other challenging issues of today.

Psychology of inferiority

Dr. (HDR) Lucien Samir Oulahbib

The current «crisis» is undoubtedly multiform, even if some people in power attempt to hide it. Not only sanitary but civilizationally we shall not be feared by this word. The alleged superiority of the «record carriers» (scientists) has failed in our eyes, but we are still under hypnosis. It has to imply that we should no longer allow

ourselves to be inferior under the pedantic pretext that their implanted science could tell us something more.

The Ferguson and Co, who frightened Macron, Johnson, Pelosi/Obama, were mistaken about the lethal gravity of this virus, which, all in all, tends to join those who annually «killed» between 200.000 à 500.000 people worldwide.

Same applies for the supposedly catastrophic future of «climate change» (whereas it is a pleonasm the climate is constantly changing as the late Marcel Leroux reminded us); other holders of «learned» tablets are ecstatic about the same frightening, exciting curves (even imploring for some a Covid crisis per year) as demonstrated day after day by the very competent members of the climate realists; especially when they indicate to the insane sums of money spent for these «green» energies (the anti-bushist and anti-trumpist Michaël Moore is forced to admit it in his latest film).

The «Simulators» react as some «Terminators» manipulated by the global business to perfect their hyperrealism model as Jean Baudrillard mentioned many times: to make the planet a cube with multiple removable faces, and this more by obligatory summoning than by the simple desire for each of us to live in another place, on a different planet than our own. These (false) technos imagine themselves on an editing mixing table where human sounds and images would be mixed and the mixture would be shaken and then spread out or confined according to the pressure of the political-media brushes declined in mutually exclusive and hostile audiences.

When are we going to wake up from this multiform hypnosis that is making us more and more inferior?

However, «the» problem is not so much free trade or «the» state per se as their destructive manipulation by deep and often secret forces that monopolize them. Health care is mostly private in South Korea, and yet it has dealt with the situation better than Italy, France and the UK, even their taxes are much higher (Korea pays much more for its health care system in return); Germany competes with several social security funds, which has not prevented it from having many more intensive care beds...

Some countries like the USA also pay much more for their health care than French country for instance but are also much less taxed... And the poorest have Medicare. We have hardly heard (as usual) that sick people have been left on the pavement...

Africa, which has massively adopted the Didier Raoult Protocol (with four elements: test, isolation, hydroxychloroquine and antibiotic) is doing much better than Europe and USA if it were not for all the corruption and statist affairism that is throwing millions of its children into South-South and then South-North emigration (which usually is not said by demographers). Hyper-bureaucratized countries with such a «heavy» public service, at least on the surface, have sought to make inadequate savings (medical beds, maternity hospitals, police, taxes, courts, prisons, universities...) not so much to open the door to «competition», as the political and trade union bureaucracies say, but instead to the monopoly of the «rascals and cronies.» We can see how the Raoult protocol, concerning drugs as a treatment, was omitted because more expensive products were in sight (although they gave inferior results without being denounced daily by triumphant «papers»...). The very «nasty» AXA offers, for instance, social insurance much cheaper than several countries have, why not benefit from it? It is up to the Political democratic System to ensure that the interests of its most modest policyholders are protected, by providing, for example, that they are well represented in its bodies.

In general, the co-management system must be generalized everywhere (including digital voting), and municipal and regional council meetings must be filmed permanently. Generally speaking, the co-management system must be generalized everywhere (digital voting too), municipal and regional council meetings must always be videotaped, there must be a direct and representative multi-purpose system, there must be a more general end to this official system of elitist/people, labor/capital conflict, while unofficial connivance exists to maintain trade union and political bureaucracies to the detriment of employees and citizens; which does not mean that the trade union and political function should be subordinated to this co-management as was the case in totalitarianism countries; the conflict is permanent between us, humans, and therefore the counter-powers are very necessary; this is the real debate unfortunately little understood by our tablet scientists, including «materialists» who are just a variation from those last ones.

There is so much to be done, at least if we want to get away from ready-made thoughts, leave behind the security blinkers for a while, and accept to read the real reports that stall the bureaucratic cupboards. Basically, it would be less a question of reducing «public spending» or «the perimeter of the State» than of working in

horizontal and vertical synergy to curb in the long term the excessive swelling of large cities that are turning into Gotham City, then transforming themselves into Babel megacities, to the detriment of the entire cultural and genuine social roots upstream; which does not mean that we should «confine» each other...

Do we want really live each other only by screen interaction inside an aseptic city? Do we want cut off the head of all alterity effacing for instance, the real difference between sex genres cultures, all those kinds of kinds of stuff which are building the hyperrealism way as which was described by Jean Baudrillard?

The current crisis has clearly shown that the frenzy and fancy life of the big cities are reduced to nothing when the techno people on the assembly table of global command demand that the «mixture» (i.e., us) goes back into the consumerism social tube (and they do (!) which is delirious...)

What do we really want? Sovereignty and not inferiority? The «real thing»? So be it! Should not we rather series the above questions, identify their issues instead of those eternal «it's because of»? As if suppressing the «Kapital» or bureaucratizing it would promulgate a brighter tomorrow (and a free shave and pancakes every morning). How is it that doctors can't deliver the medicines of their choice? Is it because of «liberalism»? Come on! Who are we making fun of?... (Of us, the water carriers) How is it that many doctoral students in climate physics adopt GIERC's theses alone, without a critical spirit, under the pretext that the debate would be «closed», which is anti-scientific by its very essence, especially since the current crisis has shown the vanity of over-modelling?

Why is it that many doctoral students in the social sciences adopt Michel Foucault's theses alone, which assume that individuals are dominated by «codes» and that it is therefore not systematically their fault if they commit various abuses (including these ransacked churches) when the notion of «extenuating circumstances» says what it means: it is not automatic; except that it has been misled by a judicial system considering that the real victim would be «only» the collateral damage at the bottom of this so-called «illegibility» of the «codes», especially when the aggressor is a foreigner and therefore «dominated» by «essence»; say this to all the raped: your executioner did not have the right decoder... And if he is a foreigner, suffered but still finds «somewhere» to enjoy as the Germans women had suffer the 31 TH December few years ago...

How is it that in the economic and social sciences the partisans of anti-capitalism remain these (naked) kings always showing the (big) company in itself as a hell? Certainly some universities resist or go to the opposite excess by over-mathematizing economic science... However, the logical calculation of optimizations cannot fail to integrate their rational consequences that Politics must take care of (it was the Baudrillard's dream by the way): thus can one relocate such and such a company when the global negative effects are greater than its relative positive effects? But, in this case, it would be necessary to study why the costs are so high and lower elsewhere while the wage share, median, is not so immense... In short, it would be necessary to make «political, psychological economy» and not only «economic and social sciences» supplant Politics when it is central in decision making in the corruption of monopolization, affairism...

We still walk on our heads, with our shoulders tucked in, despite our efforts to put the debate of politics back on its feet. The difference between existentialism, situationism, postmodernism and now neomodernism is not to consider «we» (People...) are outside the «System» but inside; and we have not only to reform or at opposite to scramble all interactions and alterity with suicide squads to «save the Planet» (without us) but revolutionize permanently our local and global institutions because «we are wearth it» but not in the way as said the hyperrealism slogan... Which way?... Good question it seems. Anyhow not in the inferiority path for sure...

Dr. (HDR) Lucien Samir Oulahbib
Albert le Grand Institute

СБОРНИК СТАТЕЙ
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «PALE-2020»
ЖИЗНЬ В ЭПОХУ ПОСТ-АПОКАЛИПСИСА
(на русском языке)

Тенденции и ключевые изменения в постпандемической ситуации
в предметном поле социального прогнозирования
Prof. Максим Ленский

Постараюсь кратко дать свое видение исследования социального прогнозирования после пандемии. Рассмотрим субъектов (акторов), тенденции и ключевые изменения, к которым чувствительны социальные отношения, связи, институты и организации, и в конечном итоге человек.

Первое, если до недавнего времени социологи обращали внимание на развитие микросоциологии, референтных, контактных для каждого отдельного человека отношений теоретически, то теперь после «технологии Нила Фергюссона и Компании», которая в основу поставила изоляцию человека и его семьи от таких референций, как работа, передвижение (транспорт) и общины, в профилактике коронавируса заморозка пришлась, прежде всего, на референтные микросоциологические отношения. Все это, как разрушение социального фундамента, ударило по всем ключевым, «надстроечным» социальным уровням – мезоуровню (организациям, общностям, институтам связанности), макроуровню (изменило отношения в медицинской, информационной, экономической, политической, социальной, культурной, технологической, криминальной сферах жизнедеятельности общества и государства), мега (в международных отношениях и глобальном мире).

В этом вопросе на микроуровне я вижу также серьезные изменения – социально-психологические массовые, духовные, и мировоззренческие – индивидуальные. Повышение физической дистанции, введение посредников страха (маски, полиэтиленовые экраны и т.д.) определило развитие недоверия и страха людей к друг другу и ритуализации их снятия официально разрешенными средствами. Если в иной глобальной угрозе терроризма, носитель – террорист – это человек в определенном психологическом состоянии, и оно может быть идентифицировано и исследовано в социальных отношениях, то при вирусе социальные и психологические состояния не имеют значение – человек может быть носителем «заболевания бессимптомно». Создана база подмены социальных проблем биологическими и медицинскими, начиная с борьбы с диссидентами, гражданским обществом до... – тут границу интервала тоталитаризации я оставляю открытой.

Атакованная контактная социальность перевела основные социальные взаимодействия при посредничестве интернета и онлайн технологий в виртуальную сферу и это тиражировалось на бизнес продажи и покупки, доставку, согласование цепочек поставки и т.д. Одновременно необратимый характер приобрело онлайн обучение, сменившее статус со вспомогательного, дополнительного на основной и обязательный. Эти тенденции определили и сферу социальной работы и помощи.

При этом следует отметить и экзистенциальный кризис. Одним из симптомов стало по информации психологической службы помощи в Запорожской области увеличение эпизодов насилия в семье на 30%, думаю подобная тенденция отмечается и в других населенных пунктах и городах, и странах.

Второе, отметим изменившуюся роль государства под влиянием глобальных институтов управления. С одной стороны, государство получило возможность в нарушение законодательства ограничивать права людей, вводить дисциплинарные практики, апеллируя к безопасности и угрозе для жизни. И широко обсуждавшийся патриотический акт в США после 11 сентября 2001 года представляется уже невинной игрушкой политиков. Напомню, мероприятия, введенные вслед за ним, например, досмотр в аэропортах, получили необратимый характер. Постпандемические мероприятия уже в будущее вводят в практику мероприятий постпандемической безопасности. Государство получило все возможности для авторитаризации и тоталитаризации.

С другой стороны, государства серьезно стали ранжироваться геополитически по следующим критериям:

медицинскому – наличие развитой, способной к быстрому развертыванию экстремальной ме-

дицины, ее обеспечение, психологической устойчивости и профессионализм медперсонала; способность государства подчинить свои интересы разрешению медицинской составляющей кризиса (без распространения его на другие сферы), позитивным примером, является Швеция; наличие собственных научных школ вирусологии и лабораторий высокого уровня работы;

экономическому – способность рассчитывать экономические волны пандемии и минимизировать ущерб этих волн (смотрите мою статью). При этом, кто первый выходит из пандемического состояния, получает инициативу работы на глобальном рынке при обязательном условии умения работать в рискованных рынках. Примером выступают действия Китая, Японии, Южной Кореи после выхода из пандемического кризиса;

политическому – под этим критерием мы рассматриваем «послушание» государства глобальным игрокам (Всемирной организации здравоохранения, мировому банку и т.д.), например, Беларусь вошла в статус «непослушного государства», и даже РФ оказалась «послушной»; подражание (мимесис) основным глобальным игрокам в проведении мероприятий по борьбе с пандемией.

Третьей важной стороной изменения роли государства стала смена формата отношений государства с бизнесом и гражданским обществом, как ключевыми противовесами. Бизнес оказался под угрозой, с потерями «заморозки» экономики и подрывами материальной основы. Гражданское общество стало обесценено, поскольку его крайнее выражение – массовые мероприятия протеста – запрещены. У нас, в Украине, после озвучивания послабления мер предприниматели попытались выйти с протестом под стены Верховного совета (парламента) с сохранением дистанции 1,5 метра, масками и другими атрибутами борьбы с пандемией. Результативность была не высока.

Третье, изменилась роль глобальных институций, например, Всемирной организации здравоохранения, которые своими действиями и включением не только медицинских мероприятий против пандемии, но и созданием информационной пандемии (которая пропагандирует страх и тревогу) стали способствовать при неграмотных действиях государства масштабированию медицинского кризиса в экономическую, политическую, социальную сферы, и в конце концов в достижении кризиса глобального характера.

Появилась новая технология кризисного (подчеркиваю – не антикризисного, а именно, кризисного) управления, как формы бизнес-модели и взятия под контроль глобальной транспортной системы, глобализации криминальной сферы и т.д. Под «шумок», и под ширмой пандемии изменилась глобальная финансовая система. Одним из показателей стало введение сельскохозяйственным банком Китая криптовалюты, есть и другие показатели.

И четвертое, изменились духовные и экзистенциальные координаты картины мира. Рассмотрим только несколько таких существенных изменений, которые обозначим как «удар пандемии»:

- удар пришелся по церковным, различным конфессиональным организациям, поскольку вирус в информационной и профилактической деятельности оказался сильнее «веры в Бога», верующим запретили осуществлять главные культы, например, у христиан – Пасха, Воскресение Христово. Соответственно церкви были идентифицированы как послушные и непослушные дисциплинарным мерам;

- удар пришелся по вере в науку. Ее критической функции оказалось недостаточно для противостояния абсурду и неадекватности действий, а часть ученых стали апологетами информационной пандемии, как например, Нассим Талеб с его «разумной паникой» (паника по определению не может быть разумной), Нил Фергюссон и т.д.;

- удар пришелся по вере в людей (актуализировались идентификация чужие и другие), люди могут быть угрозой без идентификации, «бессимптомные носители вируса»;

- удар пришелся по вере в себя (все могут заболеть) и по вере в будущее – пожилые точно заболеют – «статистика такая».

Эти удары осуществили переход в картине мира к неомифологизации в ритуальных ношениях маски и других атрибутах профилактики, например, проезд в общественном транспорте требовал пропуска-справки (как будто справка стала гарантией безвирусности в транспорте) и т.д. Существенной постпандемической тенденцией стала тренировка в безропотности принятия дисциплинарных практик.

Следующей тенденцией стало неофеодализация, частично в значении Умберто Эко, частично как развитие локальных контактных систем жизнеобеспечения, не связанных с глобальной транспортной связанностью; развитие коррупции в глобальных транспортных системах доставки, как, впрочем, и супермаркетов и т.д.

И наконец, тенденция гиперреальности (по Ж. Бодрийяру), которая стала доминирующей и устойчивой сферой взаимодействия, при разрушении объективности и отражением среды проводников «грязных игр» политиков.

Ph.D. Максим Лепский
Украинская академия наук,
Запорожский национальный
университет

Пандемия как социальная аномия

Ph.D. Александр Сагайдак

Для определения состояния современного западного общества, триггером которого стала пандемия, применимо множество терминов из разных сфер научного знания. На наш взгляд, особой релевантностью в данной ситуации обладает термин, введенный французским социологом Э. Дюркгеймом – аномия. Наблюдая за процессами социальной, культурной и психологической энтропии, которыми сопровождалось становление массовизирующегося индустриального общества, Э. Дюркгейм объяснял их состоянием аномии, которое обусловлено отсутствием должного количества социальных образцов – “обязательных способов действия”. Носителями этих способов действия являются прежде всего ведущие социальные институты: государство, культура, экономика, право. Но в ситуации масштабного общественного кризиса, когда аномия охватывает и эти системообразующие структуры, образующийся вакуум социальных образцов начинает заполняться деятельностью социальных групп, среди которых особое место Э. Дюркгейм отводил корпорациям.

Зарождение современного европейского корпоративизма уходит корнями к практике средневековых ремесленных цехов, купеческих гильдий, религиозно-просветительских братств, церковно-приходских и монастырских общин. Возникновение таких организаций, начавшееся в V—VI вв., было спонтанным процессом, призванным преодолеть именно социальную аномию, охватившую тогдашний Западный мир после падения Римской империи. Достаточно быстро функции таких корпораций стали включать в себя представительство интересов, упорядочение религиозной и общественной жизни, социальную и материальную поддержку, регулирование межличностных отношений и обеспечение монопольных условий профессиональной деятельности.

Современный корпоративизм является не только продолжателем этих давних традиций, еще в XIX веке он стал позиционировать себя как ответ на вызовы эпохи модернизма и массового общества. Становление капитализма, а затем и масштабный социалистический эксперимент, коренным образом трансформировали систему социальных отношений и вызвало разрушение многих общественных институтов и поддерживавшимися ими норм. Кроме позитивных – повышение материального благосостояния, социальная защита, равноправие etc – этот процесс имел и негативные следствия – атомизация и поляризации общества, нарастания антагонистических противоречий между классами, утрата социальной стабильности, манипулятивность масс, падение социальной инициативы. И мы сейчас наблюдаем процесс заметного усиления этих негативных тенденций модернизма.

Еще в начале XX века корпоративизм прогнозировал бесперспективность как либеральной

социально-экономической модели, так и плановой социалистической. Суть корпоративистского пути заключалась в идее перехода от индивидуалистического к функционально организованному обществу, где ведущей социальной единицей выступает не масса, а сформированная по функциональному принципу корпорация, главной целью которой является социальная соорганизация входящих в них индивидов в соответствии с творчески развиваемыми традициями данной культуры. Государство при этом лишь координирует взаимодействие данных вертикально интегрированных групп, формируясь на основе системы корпоративного представительства. Ведущей ценностью деятельности всех корпораций является “не делать ничего, что наносит ущерб социальной солидарности, и делать все, что в состоянии осуществить и развить социальную солидарность”[1]. И особое значение в связи с этим приобретает продуцирование социальных образцов, осуществляемое научными корпоративными сообществами.

Из истории мы знаем, что научные школы и университетские сообщества возникали и развивались именно как корпорации, и этот процесс продолжался вплоть до конца XIX века, когда в эпоху промышленного капитализма и вызванного им усиления влияния государства на все сферы общественной жизни, стала происходить масштабная этатизация науки и образования, доведенная в наше время до почти полного поглощения науки государством. Однако традиции корпоративной – коллегиальной – научной автономности сохранились и сейчас активно возрождаются именно в контексте корпоративистского ответа вызовам эпохи кризиса модернизма. И нас очень радует, что деятельность таких научных сообществ, как НИИ Памяти, Экспедиционного корпуса, Украинской Академии Наук, Ассоциации глубинной психологии «Теурунг» и многих других является составляющей этого набирающего силу движения, направленного на преодоление аномии современности и формирования новых горизонтов развития общества и культуры.

*Ph.D. Александр Сагайдак,
Ассоциация Теурунг,
Психолого-философское общество*

ЛИТЕРАТУРА:

[1] Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. Одесса, 2005. С. 18.

О возникновении эпидемии

Ph.D. Олег Мальцев

Рассматривая вопрос эпидемии, первое, что необходимо выделить – это видимую часть эпидемии (как это было на самом деле). Необходимо рассмотреть важный фактор – реакцию общества на пандемию. Так, за последние пару месяцев я наблюдал, как реагируют на эпидемию правительства стран, бизнес, общество, экономика. В силу этого передо мной возникло целое исследовательское поле.

Вторым важным фактором является, собственно, сама причина происходящего. В данном случае пандемия началась еще три месяца назад, что стало достаточно неожиданным для всего мирового сообщества. Поэтому прослеживаются причины большие, чем антропологические. Следовательно, можно выделить три важные гипотезы возникновения эпидемии.

Первую гипотезу можно охарактеризовать как «неизвестная гипотеза». С одной стороны, подобная эпидемия в мире не новая, но для огромного количества людей, для современного человека, такая пандемия произошла впервые. И самое главное в данном случае это неожиданность. К примеру, для людей, которые могли видеть подобное в 1930-х годах – она совершенно не новая, но для современного человека это абсолютно новое явление. По вышеупомянутой причине, мы вынуждены говорить об «неизвестной гипотезе», а также учитывать масштаб пандемии.

Вторая гипотеза: экономическая; еще древние римляне говорили: «Ищи, кому это выгодно». Мы же наблюдаем, как за два месяца мир экономики абсолютно изменился. Так, Уоррен Баффетт продал свои крупнейшие компании, немецкая авиакомпания Lufthansa потерпела убытка на сумму 1,2 млрд долларов. Кто мог подумать, что ещё три месяца назад такая сильная компания сможет оказаться на грани банкротства? По этой причине можно говорить о диверсии. Хотя, очень многие люди отвергают эту теорию. Но сложившаяся ситуация имеет все признаки именно диверсии. Подтверждением этому служит и то, что большинство людей воспользовались условиями эпидемии, что полностью соответствует антропологической модели.

Третья гипотеза – это шоу, то есть, никакой фактической пандемии не существует, она создана искусственно. В Германии, к примеру, возникла новая партия противников теории пандемии, которая называет себя «Сопrotивление2020» (Widerstand2020), в эти майские дни в стране прошли массовые протесты против ограничительных мер. В числе протестующих был представлен достаточно разноплановый политический спектр: от левых, правых, в том числе и неонацистов до христианских объединений, противников прививок и сторонников организации “Q-Anon”. В партию вошли достаточно известные и знаменитые люди: ученые, врачи, адвокаты, блогеры и многие другие. Протестующие выходят на митинги с требованиями получить объяснения от действующего федерального канцлера Германии Ангелы Меркель относительно пандемии. Не менее интересная картина наблюдается и во Франции. В результате проведенных там расследований выяснилось, что коронавирус на самом деле был уже в стране в декабре 2019 года, а не в марте 2020 года, как утверждалось об этом позже. Это указывает на то, что неизвестные люди «занесли» во Францию коронавирус намного раньше. При этом помним, что коронавирус начался еще в ноябре 2019 года в Китае, около полугода назад! Подобные подтверждения можно встретить и в Великобритании, где уволили ведущего британского эпидемиолога Нила Фергюсона, который пропагандировал жесткий карантин в стране и усиливал придуманную симуляцию. Он был уволен из экспертного научного совета при правительстве после того, как сам нарушил режим самоизоляции во время посещения любовницы. Кроме того, в официальных отчетах заболеваемости в Великобритании показатели были обнаружены завышенными в 25 раз! По этой причине повод увольнения понятен: теперь уволенному эксперту больше никто не поверит, чтобы он не говорил...

С моей точки зрения, данная пандемия является только репетицией. На сегодняшний день уже видны все огрехи эпидемии. Я изначально говорил и писал в своих статьях, что это все созданное масштабное шоу, а пандемия – придуманная. Еще одним подтверждением этому является поднятая из архивов в Германии статистика смертности за последние 10 лет, данные которой в те годы почему-то не отличаются от нынешней статистики. Всё, что мы видим, имеет признаки «шоу», которое еще Жан Бодрийяр описывал как «великолепную катастрофу», которой на самом деле не было. По сути, проделана серьезная спецоперация посредством СМИ и Интернета. Таким образом, людей держали в страхе, а целые правительства – в состоянии карантина. Затраты на такую спецоперацию безусловно несопоставимы с прибылью, полученной в результате всех последствий. К примеру, ситуация с жилой и коммерческой недвижимостью, где произошло существен-

ное обесценивание миллионов квадратных метров. Именно поэтому необходимо рассматривать сразу три гипотезы.

Безусловно, существует еще одна, четвертая гипотеза – несчастный случай. Эта гипотеза очень маловероятна, но её также необходимо рассмотреть. Но, обращая внимание то, как грамотно работали СМИ, насколько точно была выстроена пропаганда – эта четвертая гипотеза становится крайне маловероятной. Так, например, выяснилось, что некоторые СМИ в Германии получали деньги за распространение недостоверной информации. После этого были обнаружены и банковские счета, на которые поступали деньги. Поэтому важно смотреть на совокупность всех трёх причин одновременно, которые более подробно описаны в моей монографии **«Как меня заставили изучать психологию Европы, или Момент истины»**, в которой ситуации вокруг пандемии уделено сразу несколько глав. Так, в первой главе описана общая ситуация касательно этого, а во второй и третьей главах описаны реакция общества и правительств на пандемию.

Замечу, что в рамках исследования этой эпидемии, я пообщался с экспертами в этой области, в результате было записано больше 20 интервью, которые находятся в свободном доступе в сети Интернет. Отмечу, что мнения экспертов разделились на несколько частей. Так, 50% экспертов считают, что эта пандемия придуманная, она является симуляцией; 30% ученых придерживаются собственной версии возникновения эпидемии и эти версии разные; 20% экспертов придерживаются антропологической версии. К примеру, на точку зрения Ph.D. Дона Пиннока, которую он озвучил в рамках нашего интервью, причиной пандемии являются летучие мыши. Другой версией причин возникновения пандемии называют проблему распространения незаконного оборота животных на китайских, вьетнамских рынках, где местное население употребляет в пищу, в том числе, и панголинов. Таким образом, подавляющее большинство ученых не придерживаются антропологической версии возникновения эпидемии: из более, чем 20 профессоров, с которыми у меня происходило интервью, антропологической версии придерживаются лишь 20% (по сути, только 5 человек). То есть, даже на уровне научного сообщества, только 20% ученых считают научно антропологическую версию верной, а 80% считают не верной. Поэтому, нельзя сказать, что антропологическая версия возникновения пандемии является единственной. И в силу необходимо рассматривать все 4 гипотезы.

Следует отметить, что я лично, на собственных глазах, наблюдал данную пандемию во время экспедиции в Португалию в марте 2020 года. Мне пришлось лично столкнуться со сложностями во время посещения Германии, Франции, Испании и Португалии: сложности с закрытыми супермаркетами, отелями, границами, с посещением объектов исследования во время экспедиционной работы. Ключевым симулятором этой ситуации является тест на коронавирус. В подавляющем большинстве стран никаких подобных тестов на коронавирус не было. То есть, сами тесты появились только в 2020 году, уже во время пика эпидемии. И это говорит о том, что данных тестов все предыдущие годы не было. Именно на основании этих тестов пытались сформировать статистику заболевших. Но эта статистика ничего не даёт, поскольку не существует статистики за предыдущий период (невозможно провести сопоставительный анализ). К примеру, в прошлом году также свирепствовала эпидемия гриппа в Европе. Но при этом никто не поднимал панику, не говорилось о заболевших или умерших, никто не запускал продажу новых тестов для формирования статистики. Это достаточно странно, исходя из нынешней обстановки. В таком случае, правительство должно было также отреагировать подобной реакцией, но ничего подобного не происходило.

Такая эпидемия была в 2018 году, а также в предыдущие годы. К примеру, в январе этого 2020 года заболело около 80% личного состава сотрудников наших научно-исследовательских институтов. В то же время и 80% жителей города Одесса также заболели сильным вирусным заболеванием, который чем-то похож на нынешний вирус. При этом, в аптеках был недостаток медикаментов, а скорая помощь не выезжала по вызовам по адресу, потому что они просто не успевали при таком количестве обращений ко всем приехать, и консультировали граждан дистанционно. При всей этой обстановке в январе, режим эпидемии объявлен не был. Практически все люди переболели и благополучно самостоятельно выздоровели. Однако на сегодня уже несколько месяцев продолжается поиск больных коронавирусом. В таком случае возникает вопрос, что мы подразумеваем под «эпидемией»? Если в январе это была не эпидемия, тогда что же называется эпидемией?

На мой взгляд, эпидемия – это согласие определенного конгломерата лиц о том, что эпидемия существует. По сути, эпидемия – это искусственно декларируемый факт. Так, достаточно было двоим сомнительным «учёным» из Великобритании написать несколько статей на эту тему (заме-

чу, что статьи даже не прошли рецензирование), как на следующее утро по всей стране началась массовая паника пандемии. В таком случае возникает вопрос: «Зачем были написаны эти совершенно глупые и симулятивные статьи?» Именно по этой причине эпидемия – это декларируемое состояние. Безусловно, это не относится к ситуации, когда люди действительно фактически болеют. Поэтому эпидемией нужно называть то время, когда люди действительно болеют, когда существует нехватка лекарств, когда больницы переполнены больными. Сегодня же ситуация иная: например, абсолютно здоровый город Одесса находится на карантине. Граждане, которые переболели вирусным заболеванием еще зимой, закрыты в своих квартирах, из-за чего остались, по сути, безработными.

Это абсолютный абсурд, который наблюдаем в XXI веке. И как говорил Жан Бодрийяр: «мы получим придуманную, задекларированную эпидемию, плодами которой воспользуются те, кто её организовал».

Ph.D. Олег Мальцев
Украинская Академия Наук,
НИИ Памяти

Правонарушения в стране в период пандемии

Prof. Александр Саинчин

Карантин из-за пандемии коронавируса длится в Украине уже почти более месяца и, возможно, снова будет продлен. Власти отмечают, что жесткие ограничения не только предотвратили распространение болезни, но и позволили снизить преступность в стране.

Эксперты же предупреждают, что это временное снижение, а тяжелая экономическая ситуация приведет к всплеску преступности вообще и бандитизма, краж после окончания карантина. Правительство ужесточило карантин в ответ на рост числа заболевших COVID-19 по всей стране. Как минимум до 24 мая в Украине объявлен режим чрезвычайной ситуации. В связи с этим правоохранители перешли на усиленный режим работы.

Для контроля за соблюдением правил карантина Министерство внутренних дел вывело на улицы почти 18 тысяч полицейских и нацгвардейцев. Отряды полиции с привлечением членов муниципальных формирований патрулируют улицы, лесопарковые зоны и зоны отдыха. Преимущественно они выявляют тех, кто нарушает условия карантина, и выписывают им админпротоколы. Другие силовики, например, Служба безопасности Украины, также переориентировали часть своих сотрудников на борьбу с актуальными проблемами, связанными с COVID-19. Так, СБУ по состоянию на 26 апреля обнаружила две ботофермы и 115 распространителей фейков о коронавирусе в интернете.

Патрули на улицах, усиленный мониторинг киберпространства и самоизоляция населения, по словам представителей МВД, дали свои результаты. Руководство министерства уверяет, что за время карантина преступность в Украине уменьшилась на треть и уточняет, что в первую очередь снизилась статистика по квартирным кражам и воровству в общественном транспорте. При этом и общая криминогенная ситуация также существенно успокоилась. «На данный момент преступность снизилась... Видимо, преступники тоже ушли на карантин и стараются контактировать меньше с другими людьми», – отметил Геращенко.

Согласно статистике Нацполиции за 1-26 марта, в течение месяца в правоохранительные органы поступало ежедневно около 26-30 тысяч звонков на линию «102». В то же время количество

зарегистрированных сообщений с признаками уголовных правонарушений снизилось с 2,7 тысяч в начале месяца до 2,1 тысячи в конце. Наиболее заметно уменьшение на примере грабежей и воровства. Пик по грабежам пришелся на 7 марта (54 случая), постепенно он снизился до 26 зафиксированных преступлений. По фактам воровства статистика еще более красноречива: в начале месяца около 1000 сообщений и только 649 – по состоянию на конец марта.

Экономический кризис в условиях эпидемии может привести к мародерству. Среди объектов в зоне риска, к примеру, дачные дома, временно оставленные без надлежащего надзора. Также мародеров могут соблазнить закрытые на карантин магазины техники, парфюмерии или бутики. В то же время полиция утверждает, что на данный момент случаи разбоев и, тем более, мародерства не возросли.

“Нет увеличения количества преступлений. Не зафиксировано каких-то резонансных случаев ни мародерства, ни разбойных нападений. Такого сейчас совершенно нет”, – сказала в комментарии РБК-Украина спикер Главного управления Нацполиции в Киевской области Виталия Грохольская. Более того, снижению фактов преступных нападений может способствовать и то, что в наиболее “жирных” местах столичного региона: в Обуховском и Киево-Святошинском районах – начали функционировать полицейские пункты пропуска.

“Было распоряжение Киевской областной государственной администрации создать КПП около села Лесники в Киево-Святошинском районе и около села Козин Обуховского района в связи с тем, что там находятся больные (коронавирусом, – ред.) люди. Это чтобы контролировать въезд и выезд, чтобы, в частности, не выпускать из этих населенных пунктов заболевших”, – пояснила Грохольская. Эксперты в правоохранительной сфере признают, что жесткие полицейские меры плюс опасность заражения вирусом действительно могли существенно снизить уровень преступности в стране.

Реальная статистика преступности, по нашему мнению, не отвечает общим цифрам о преступности, так как карантин дает возможности органам власти и особенно силовым структурам большего контроля за населением, им сейчас многое дозволено с точки зрения нарушения прав человека, в первый месяц карантина преступность перешла в “латентный режим”, то есть скрывается и от населения, и от правоохранителей.

“Уличная преступность действительно сокращается, да и другие виды преступлений. Все, кроме мошенничества, кроме “кидалова” – тут уровень преступности может сохраняться и даже увеличиваться. Это мошенничество происходит под видом предоставления услуг, в том числе медицинских, или разнообразных продаж по интернету и телефону”.

Уверен: “затишье” временно, и ближе к концу карантина украинское общество ожидает всплеск преступности. После карантина будет всплеск. Он будет, во-первых, потому, что они “изголодались”, и выйдет на улицы как в конце 1980 – начале 1990-ых очень большая масса “голодных” во всех смыслах слова, и обиженных, кто на бизнес, кто на чиновников, ухудшение общей экономической ситуации и желание людей после длительной самоизоляции максимально социализироваться приведут к росту “открытой” преступности – грабежам и разбоям.

Будет также всплеск квартирных краж и карманных краж в транспорте. Люди же забудут, что есть “изголодавшиеся”, что антисоциальная среда никуда не исчезла... Они пойдут и будут готовы и за 100 долларов нападения совершать на заправки и на торговые точки.

Государство уже сейчас должно заняться тем, чтобы по окончании пандемии максимально сдержать стремительный рост преступности. Для этого эксперт предлагает возобновить полноценный формат работы участковых полицейских, которые занимались бы не статистикой раскрытых преступлений, а эффективной профилактикой для их предупреждения. Кроме того, необходима качественная работа уголовного розыска. Это, по его словам, позволит как предотвратить, так и быстро раскрыть совершенное преступление. Чтобы не стать жертвой бандитов и воров, гражданам самим следует проявлять бдительность и объединяться в добровольные общественные формирования.

“Мы можем с уверенностью говорить только о том, что есть сейчас. Полиция готова (к всплеску преступности). Мы будем реагировать на это быстро, как раз потому что у нас сейчас усиленный процесс несения службы”, – подчеркнул Антон Геращенко. Рейды полиции в общественном транспорте и публичных местах уже стали обыденностью для жителей украинских городов. Правоохранители, пользуясь данными им чрезвычайно широкими полномочиями, активно отслеживают и наказывают нарушителей карантина.

Преступность, в свою очередь, на определенный период взяла паузу. Но экономическая ситуа-

ция, скорее всего, вынудит ее в ближайшее время вернуться к возобновлению “охоты” на граждан, покинувших зону самоизоляции. Таким образом, ближе к концу карантина у МВД будет все больше возможностей показать свою эффективность не только в поимке “гуляк-безмасочников”, но и опасных преступников, временно скрывшихся от силовиков.

В условиях карантина, введенного в Украине из-за эпидемии коронавируса, снижается количество уличных преступлений, заявил в интервью агентству “Интерфакс-Украина” руководитель Национальной полиции Игорь Клименко. По его словам, за время карантина уровень уличной преступности (грабежей, разбоев) в Украине снизился на 19–30%, стало меньше ДТП. “Думаю, что это временно, преступность просто перестраивается. Она немного трансформируется в связи с тем, что люди находятся дома. К примеру, появляется мошенничество на масках, дезинфекторах, выманивание у людей денег”, – сказал он. По словам Клименко, многие преступники “ушли в интернет”, также активизировались лаборатории по изготовлению наркотиков. “Домушники” в большинстве своем сейчас без работы”, – добавил он.

Источник издания “ГОРДОН” сегодня сообщил, что в марте 2020 года количество убийств в Украине сократилось на 14%, однако выросло на 6% число зарегистрированных производств по статье о нанесении тяжких телесных повреждений. Количество разбоев и ограблений сократилось на 31%, краж – на 27%. 6 апреля пресс-служба МВД Украины сообщала, что за время карантина, введенного из-за коронавируса, количество ДТП в стране сократилось на 63%.

Проф. Александр Саинчин
Украинская Академия Наук,
Херсонский государственный
университет

“Последствия пандемии: победа криминала над миром?”

Ph.D. Олег Мальцев

(на основе онлайн-дискуссионной панели)

Криминализация общества. Когда государства демонстрируют неспособность справляться с экстремальными ситуациями в условиях глобальных угроз - возникает криминализация (самостоятельная организация людей по определенному принципу и определенным правилам). А все, что само организовывается, без учета интересов государства и других людей, тенденциозно направлено в криминал.

Как будут выглядеть общество и криминал после пандемии? В рамках онлайн-дискуссионной панели “Прогнозирование: что будет после оргии?” доктор Джеффри Брайан Уэст сравнил пандемию с войной. Это очень интересное сравнение для того, чтобы понять последствия пандемии. К примеру, после любой войны наблюдается всплеск преступности, о чем писал еще Никколо Макиавелли в своем трактате “Искусство войны” (Dell’arte della guerra). Поэтому для того, чтобы понять, как будет выглядеть преступность в обществе после пандемии, сперва необходимо разобраться в том, как эта преступность жила до пандемии, и как она живет сейчас.

Любая преступная организация (неважно - это человек, маленькая группа или большая тайная организация) привыкла жить в состоянии постоянной войны. Общество, наоборот, стремится жить в мире. По этой причине для него война или пандемия являются катастрофой, а для кри-

минала - это не имеет особого значения, поскольку это его обычное состояние. Следовательно, обрушение экономики или глобальных связей на него никак не влияет. Как подтверждение этому мы наблюдаем то, что преступные корпорации являются более приспособленными к жизни в кризисных ситуациях, нежели обыкновенные общества. Они владеют огромными капиталами, и эти средства никак не пострадали в период пандемии. При этом, большинство предприятий и компаний, которые существуют на сегодня в мире (в Европе, в США) - понесли достаточно серьезные убытки в результате этой катастрофы.

Обратите внимание на то, что та форма общества, которое появится после пандемии - это общество, в котором очень многие люди предстанут перед выбором "какой заниматься деятельностью после пандемии?", поскольку немало людей потеряют работу, а сами корпорации - развалятся. В связи с этим, им нужно будет создавать себе новое будущее, а самыми сильными организациями в период постпандемии окажутся криминальные структуры.

Большинству людей придется выбирать между существенным снижением своего уровня жизни, к которому они не привыкли, либо связывать свою жизнь с какими-то сильными криминальными организациями. В силу этого, у данных структур сейчас есть возможность не только стать хозяевами огромного числа собственности, но и существенно увеличить свою численность, поскольку появляется огромное количество людей, которые могли бы присоединиться к ним в силу сложившихся обстоятельств. Поэтому нельзя сказать, что преступность победила, но почва и среда для нее стали на данный момент наиболее благоприятными: как для пополнения собственных рядов, так и для расширения сферы влияния. Тенденция такова, что преступные организации, вероятно, станут еще более могущественными, чем были до пандемии, а для нормального демократического общества - это очень плохой пример.

Способы криминализации. *Как это может происходить? Какие новые способы организации криминала возникают? Действительно ли сегодня криминал победил? Какие формы криминала еще могут появиться во время постпандемии?*

Прежде, чем рассматривать вопрос о том, "каким будет новое криминальное сообщество после пандемии", сперва необходимо разобраться в том, что подразумевается под словом "криминал", поскольку само понятие достаточно широкое. К примеру, отчаявшегося человека, который ограбил кого-то на улице, до этого никогда не совершив преступлений, мы ведь также относим к криминалу? По этой причине, вначале важно задаться вопросом - какую часть криминала мы рассматриваем в данном случае.

В докладах моих коллег - многоуважаемых мною и Дона Пиннока, и Антонио Никасо, кто является для меня самым главным экспертом в области криминологии в мире, совершенно точно подмечено о тенденциях. Рассмотрим структуру криминала как трехэтажную конструкцию. На первом уровне этой модели находится уличная преступность, которая всегда существовала и будет продолжать существовать в той или иной форме, и сила государства еще имеет на нее какое-то влияние.

Следующий уровень - это тайная организованная преступность, для которой государство никогда не являлось препятствием. Особенно для тех организаций, которые существуют уже более 300-400 лет. Почему так? Представьте криминальную организацию, которая выжила на протяжении 400 лет, а зародилась еще во времена, когда многих государств еще даже не существовало. Какое государство может оказать влияние на такую структуру? Я много раз задавался вопросом, как в центре Европы, в демократическом обществе может существовать самая могущественная криминальная структура в мире; и никогда не находил ответа на этот вопрос. При этом, важно понимать, что это не просто организация, а как государство в государстве.

На третьем уровне рассматриваемой модели располагается само государство. К примеру, в Украине существует такая шутка: "Криминология изучает преступников-неудачников, а наука, которая изучает успешных преступников, называется политология". По этой причине, подходя к вопросу о том "как изменится криминал", прежде необходимо четко понимать, о каком уровне криминала идёт речь.

Сегодня пандемия создала очень мощный силовой компонент, который эти организации будут реализовывать в своих интересах. Любая подобная мощная криминальная структура, которая выживала более 400 лет, имеет в настоящий момент огромные преимущества в экономике перед любыми формами капитала в мире. Поэтому подобные криминальные структуры обладают огромной способностью действовать в сложных условиях и "втягивать" классический бизнес в преступную деятельность, поскольку пандемия создала такие условия, когда и простые люди,

и бизнесмены оказались в состоянии нужды. При этом, многие бизнесмены даже какое-то время не будут понимать, с кем на самом деле они сотрудничают. Всем, кому нужна помощь, она будет оказана, но приняв ее, обратной дороги уже не будет.

Безусловно, будет ретрансформироваться современная система преступности, потому что в рамках всеобщего карантина криминал также сидит дома и ему нечем заняться. Поэтому он пойдет по пути создания без карантинных частных зон. Предполагаю, что возникнет новая волна электронной преступности, новые виды мошенничества, связанные с телефонией, новые формы игорного криминального бизнеса. В результате этого сформируются новые формы преступности, а точнее, произойдет ретрансформация ее старых форм.

Самая большая проблема на сегодня состоит в том, что очень много людей попытались использовать эту пандемию в своих интересах, и у очень многих - это получилось. Следовательно, это им может понравиться. По этой причине впоследствии могут возникнуть новые искусственные пандемии, как инструменты маркетинга.

Ph.D. Олег Мальцев
Украинская Академия Наук,
НИИ Памяти

Проблемы деловых кругов в условиях постпандемии

Константин Слободянюк

Исторически каждая глобальная угроза всегда оставляла свой отпечаток на состоянии общества, формах и способах взаимодействия объектов и субъектов экономического пространства. Пандемия COVID-19 не является исключением. Этот глобальный вызов брошен не только политическим элитам, законодательным и исполнительным органам власти большинства стран, академическим кругам или медикам, он также коснулся практически каждого жителя нашей планеты. Целью этого доклада является анализ тех изменений, которые коснулись деловых кругов, изучение природы этих изменений, а также прогнозирование вероятных правил и парадигм нового делового мира, с которыми столкнется бизнес в период постпандемии COVID-19.

Парадокс высокорентабельности на фоне быстрого банкротства

Доклад начну именно с этого парадокса, который представляет особый научный интерес. На первый взгляд может показаться, что экономическая ситуация, в которой оказалась немецкая компания «Lufthansa» является феноменом. Вряд ли вы сможете найти аналитиков и прогнозистов, которые еще полгода назад пророчили для компании «Lufthansa» смутные времена и борьбу за живучесть. Для огромного числа как локальных, так и транснациональных компаний, «Lufthansa» является символом надежности, стабильности и благополучия. По крайней мере так было до пандемии COVID-19. Что же изменилось за последние 3 месяца и почему высокорентабельная компания «Lufthansa» оказалась в нескольких шагах от банкротства? Почему «Lufthansa» начала давать сбой? Само по себе явление банкротства мы в данном случае рассматривать не будем, потому что это понятие имеет больше юридический подтекст, чем экономический. Нас же должны в первую очередь интересовать скрытые проблемы, которые пандемия COVID-19 в ка-

кой-то степени оголила, и к которым даже гранды оказались не готовы. Сама модель изменений подобна срыву стоп-крана на поезде, однако далеко не любые аварийные остановки приводят к таким критическим последствиям.

Обратите внимание на понятие «оборотный капитал», которое ввел Адам Смит – один из основоположников экономической теории как науки. Это одна из причин существования кратковременных ссуд и банковской деятельности. Возвращаясь к примеру немецкой компании «Lufthansa», возникает определенная экономическая цепочка. Одним из главных параметров этой цепочки является дистанция между покупкой авиабилетов компании «Lufthansa» и моментом выполнения обязательств. Порой эта дистанция может составлять от нескольких дней до 6-9 месяцев. Что же произошло в период пандемии COVID-19? Остановка международных, а в последствии и внутринациональных перелетов исключила возможность выполнения обязательств со стороны компании «Lufthansa». При этом капитал, который аккумулировался внутри компании за счет авансовых платежей клиентов, постоянно распределялся на различные задачи, связанные с текущей деятельностью компании «Lufthansa» (амортизация, инновации, обновление авиационного парка и прочее). В результате, в момент «срыва стоп-крана», «Lufthansa» была просто не готова вернуть своим клиентам суммы, оплаченные за будущие периоды. Так, один из наиболее надежных и благополучных авиационных гигантов, оказался всего в нескольких шагах от банкротства. Подобную ситуацию вы можете также наблюдать на примере мануфактуры «Hasselblad». Причина идентичная в обоих случаях. Как никто лучше, природу этого явления описал французский социолог Жан Бодрийяр. По мнению Бодрийяра, «деловая репутация в условиях XX века превратилась в товар». Именно поэтому мы с вами доверяем свои деньги «Lufthansa» и «Hasselblad». В итоге эти и многие другие компании начали брать на себя несвойственные для бизнеса функции банковской системы. Фактически, множество компаний стали кредитоваться за счет своих клиентов и, таким образом, обеспечивать себе краткосрочные ссуды. Мотив подобных компаний прост и понятен. Банковский кредит имеет массу последствий в виде выплаты процентов за использование денежных средств, залоговые активы и множество других аспектов. В то же время всех этих последствий можно избежать, если превратить деловую репутацию в своего рода залог, а клиентов компании в кредиторов. В такой модели кредитования, любая остановка экономики приводит к катастрофическим последствиям и невозможности вернуть клиентам вложенные денежные средства.

Симулятивная стоимость

Уже из названия второго блока доклада становится понятно, что речь пойдет о некой симуляции, которая лежит в основе расчета стоимости на товары и услуги. Чтобы разобраться с этим явлением, нам следует провести короткий исторический экскурс. Бизнес как таковой имеет вполне определенную точку отсчета, а именно – середина XIX века, когда произошла последняя буржуазная революция. Именно в этот период в Европе завершилось изменение устройства общества. Серия буржуазных революций, которые начались еще в первой половине XVII века, менее чем за 200 лет полностью изменили мировой порядок: сословно, духовно и физически. К власти пришли владельцы крупного капитала.

Первые попытки осмысления стоимости на товары и услуги принадлежат перу английского экономиста Альфреда Маршалла, которого по праву считают основателем Кембриджской школы. Как вы помните, в основе расчетов Маршалла лежит зависимость между спросом и предложением на том или ином рынке. Следующей концепцией стала прибавочная стоимость Карла Маркса. Как вы видите, до начала XX века стоимость не носила симулятивного характера и определялась теми или иными экономическими инструментами. Однако с появлением Дэвида Огилви и целой плеяды его учеников и последователей, возникла третья концепция, которая к экономике уже не имела никакого отношения. Не случайно в 1962 году журнал «Time» назвал Дэвида Огилви «самым известным волшебником рекламной индустрии». В середине XX века на передний план выходит экономика знака. Международные корпорации вкладывают миллионы долларов в брендинг и рекламные кампании. Стоимость начинает формироваться на основе рациональной составляющей и некой симулятивной добавочной стоимости бренда. Об этой симуляции и влиянии коммуникаций на общество потребления начинал писать Маршалл Маклюэн еще в первой половине XX века. Позже уже французский социолог Жан Бодрийяр рассматривал знаковую стоимость и изобличал ее симулятивную составляющую.

Возвращаясь к ключевым изменениям в эпоху постпандемии, стоит обратить внимание на при-

нудительный возврат потребителей к рациональной стоимости товаров и услуг. Безусловно, это происходит на фоне мощнейшего экономического удара по среднему классу Европы и США. Даже на таких площадках онлайн-торговли как «eBay» наблюдается снижение стоимости на различные товары. К примеру, в мае 2020 года продавцы раритетных фотоаппаратов готовы уменьшать стоимость на 30-40%. Те фотоаппараты, которые раньше стоили 10-15 тысяч долларов, сегодня оказываются доступными по цене 7-10 тысяч. Аналогичная тенденция наблюдается и на рынке услуг. К примеру, один из экспертов в Германии в области консультирования и использования фототехники «Leica», был вынужден снизить цены за курсы повышения квалификации для фотографов со 190 евро до 35 евро. Так или иначе, мы становимся свидетелями эпохи рационализации при формировании цен на товары и услуги.

Криминал и необходимость в обеспечении безопасности сделок

На фоне глубокого экономического кризиса, порожденного пандемией COVID-19, у людей возник серьезный дефицит в денежных средствах. Это касается как наемных сотрудников и их семей, так и предпринимателей, и владельцев бизнеса, которым нужен оборотный капитал для перезапуска и возврата к плановому режиму деловой активности. Кто сегодня готов предоставить капитал? Банки, частные финансовые структуры и тем более государства разных стран не способны компенсировать убытки, причиненные экономической истерией, спровоцированной COVID-19. При этом хорошо отлаженные и организованные криминальные структуры подобного дефицита не испытывают. Криминал привык к работе в режиме «войны». Чаще всего оппонентами криминала являются представители власти и правоохранительные органы. Как выразился во время конференции известный американский прогнозист Джеффри Уэст, то что происходило во время пандемии COVID-19 можно было бы описать на модели войны. Как вы понимаете, криминал привык работать в таких условиях. И, безусловно, представители криминальных структур сегодня имеют возможность значительно расширить свое влияние на мировой арене, посредством втягивания в свои криминальные схемы представителей бизнеса и людей, которые остались без работы на грани выживания. Именно этому аспекту было посвящено недавнее выступление итальянского профессора Антонио Никасо, который абсолютно заслуженно считается одним из наиболее авторитетных криминологов в мире. Масса примеров мошенничеств в сети интернет за последние несколько месяцев демонстрирует возможность криминала к быстрой адаптации к новым условиям.

Все эти тенденции указывают на то, что в деловой среде возникнет концентрация гибридного бизнеса, который выставляет на показ социально приемлемую модель, но по сути является элементом криминальных схем различных организаций. Именно по этой причине для деловых кругов на первый план выходит необходимость обеспечения безопасности при заключении сделок. И если в США, западной Европе и Японии существуют некоторые инструменты и методики для проверки добросовестности тех или иных контрагентов, то в странах восточной Европы подобных систем практически не существует. В качестве примеров таких компаний можно рассмотреть австрийскую компанию «KSV-1870», американскую корпорацию «The Dun & Bradstreet Corporation», британскую компанию «Deloitte» и японскую компанию «Nomura». Очевидно, что подобная отрасль профессиональных услуг в ближайшее время должна возникнуть и в странах восточной Европы.

Старые инструменты генерирования потока клиентов сегодня не работают

Генерирование и управление потоком клиентов уже давно является заметной проблемой для деловых кругов. Любые попытки автоматизировать эту задачу заканчивались крахом. Отсутствие научного подхода порождало массу приемов и алгоритмов, которые возможно и давали определенные результаты, но исключительно в краткосрочном периоде. Модели агрессивного или push-маркетинга, различные виды лидогенерации как в online, так и в offline – не дают устойчивых результатов. В период постпандемии стагнация этого рынка стала предельно очевидной и потому требует максимально оперативной перезагрузки. Практически в каждом секторе рынка сегодня наблюдается высокий уровень конкуренции. В то же время, над технологическими преимуществами сегодня задумывается абсолютное меньшинство бизнесменов, способных их реализовать и внедрить – таких предпринимателей единицы. Всем остальным остается рассчитывать либо на случайность (которая может, кстати, и не наступить), либо на длительное выстраивание деловых отношений с будущими клиентами. При этом скоростные режимы в сегодняшних реалиях требу-

ют принятия быстрых, эффективных и безошибочных решений. Очевидно, что для разрешения этой задачи применение научного подхода неизбежно. Алгоритмы, набор приемов и линейные схемы для решения такой задачи неприменимы и это уже исторический факт.

Требования к модели организации бизнеса в период постпандемии

На стратегическом уровне ключевым требованием для новой модели является необходимость интеграции бизнеса и прикладной науки. Это очевидный вывод, который прямо следует из первой части доклада. Во время проведения бизнес-панели в рамках международной конференции «PALE-2020» к этому же выводу пришел бизнесмен Вячеслав Лысенко, а также академик Олег Викторович Мальцев. Если рассмотреть классический треугольник, вокруг которого выстраивается любой бизнес (цена, качество и сервис), становятся понятными плоскости приложения усилий. На тактическом уровне деловым кругам предстоит научиться создавать собственные системы, которые будут соответствовать трем ключевым требованиям:

Наличие механизмов управления временем выполнения обязательств. Именно эти механизмы должны обеспечивать выполнение обязательств как со стороны самого бизнеса, так и со стороны партнеров/контрагентов/клиентов. В условиях локальных и глобальных экономических кризисов, а также криминализации ряда бизнес-направлений, которые носят неявный характер, это требование становится одним из ключевых;

Наличие собственных механизмов генерирования клиентов. Данный механизм позволит исключить зависимость от неэффективных инструментов, которые многократно скопированы и тиражированы на рынке, но при этом носят временный характер;

Непрерывное расширение бизнес-конфигураций, которые позволяют конструировать необходимые решения для клиентов в условиях динамических изменений на рынке, которые порождены временными угрозами на рынке, а также глобальными угрозами, такими, как разного рода пандемии и гибридные войны.

Константин Слободянюк,
Украинская академия наук,
Института Информационной
безопасности

Традиційні апокаліптичні уявлення та їх сучасні трансформації

Prof. Людмила Филипович, Dr. Віталій Докаш

Абстракт. Спільна стаття двох українських релігієзнавців базується на багаторічному досвіді проф. В.Докаша у дослідженні есхатологічних вчень християнства і соціологічному аналізі сучасної релігійності, який пропонує проф. Л.Филипович. Рішення взяти участь у конференції “Життя в епоху Постапокаліпсису”, зокрема в секції, присвяченій релігії, спричинено декількома факторами. По-перше, стійким інтересом вчених до класичних релігійних тем, якою є тема кінця світу. По-друге, актуалізацією цієї проблеми в сучасних умовах пандемії COVID-19, коли в черговий раз постало питання виживання людства після глобальної катастрофи. По-третє, бажанням помислити наслідки, до яких може призвести пандемія, як вона вплине на світові та локальні тенденції змін в релігіях. Вважаючи, що COVID-19 з повним правом можна вважати певним соціальним та економічним, політичним і інформаційним апокаліпсисом, автори задумалися, чи може релігія в постапокаліптичну добу зберегти за собою функцію соціального регулятора в суспільстві. Трактуючи постапокаліпсис як час після будь-якої глобальної катастрофи, в даному разі пандемії, виникли питання: чи не призведе ця пандемія до перезавантаження світу? чи готовий світ до таких змін? чи не буде він зруйнований в результаті довготривалої пандемії? чи знайде людство сили побороти вірус в прямому і переносному значенні? чи є альтернативи традиційному, релігійному уявленню про кінець світу?

Залишаючись в межах саме релігійної парадигми, автори поставили собі за мету:

- звернутися до такого хрестоматійного описання кінця світу, який присутній в Біблії, зокрема в книзі Одкровення, та проаналізувати його з огляду на нові виклики пандемії;
- зрозуміти, чи сучасні релігійні вчення пропонують щось нове? чи йдуть шляхом нових інтерпретацій вже відомих сценаріїв?

Ключові слова: есхатологія, кінець світу, християнство, апокаліпсис, пандемія.

У всі часи людина прагнула заглянути подумки у майбутнє. Особливо підсилюються ці бажання у переломні епохи історії. В ці періоди у свідомості людей виникають неймовірні уявлення, які фіксуються різноманітними релігійними вченнями і джерелами. В межах релігій авраамістичної традиції йдеться про передбачення, віщування, пророцтва про майбутнє не тільки народу, серед якого ці вірування поширені, а і всього людства. Симптоматично, що саме в період загострення соціальних, екологічних, духовних криз й інших потрясінь, що є характерним для сьогоденної цивілізації, активно підсилюються різноманітні прогнози про майбутні долі світу, про близький всезагальний колапс, близьке світопредставлення. Характерно, що ці есхатологічні мотиви супроводжують історію постійно, для їх виправдання завжди знаходяться відповідні пророчі ознаки, які обґрунтовуються догматично. Відзначимо, що актуалізація чи підсилення есхатологічних настроїв виникає саме тоді, коли розмивається віра, перестає працювати відповідна епосі система цінностей, відбувається надмірна секуляризація духовного простору.

На сьогодні вже сформований корпус творів переважно релігійної літератури, езотеричного змісту, який постійно доповнюється сучасними інтерпретаціями відомих джерел або новоствореними фантазіями, художніми творами, кіноверсіями, “науковими” прогнозами щодо кінця світу і приближення страшного суду. Посилаючись на природні (землетруси, повені, засухи, погана екологія) та соціальні (голод, хвороби, епідемії, насилля, тероризм, війни) катаклізми, пророки, історичні і сучасні, віщують близький кінець земної цивілізації, на зміну якій повинна прийти інша, “нова” Божественна історія, яка поверне людство до часів відновленого раю. У зв’язку з цим хвилеподібно напливають різні теорії, концепції, які замішані на месіанізмі, есхатології (вчення про кінець земного існування людства і окремої людини), різного типу пророцтвах.

Частина пророцтв є надзвичайно лякливими, сумними, але частина сповнена надією на відродження до нового життя та очікування не тільки кращого, але й блаженного майбутнього. Як виявляється, релігійні рухи, будучи оптимістичнішими за раціональних і прагматичних світських людей, публікують інформацію, в якій прослідковуються дві тенденції:

- з одного боку, проводиться звеличування першородної чистоти, блаженної повноти буття, які передували історії та до яких пропонується повернутися;
- з іншого боку – пропонується нові можливості, які з’являться в прийдешній, оновленій історії після кінця цієї цивілізації за принципами лінійного розвитку.

Варто нагадати, що теологічні догмати в будь-якому християнському віросповіданні найтіснішим чином пов’язані з очікуванням есхатологічних подій – кінця світу і другого приходу Христа, який повинен відкрити для людства ідеальний вимір існування. Тобто традиційна християнська свідомість наскрізь апокаліптична, яскраво есхатологічна. Саме цим можна пояснити відносний спокій християн аж до свідомого ігнорування небезпек, які несуть в собі різні катастрофи, в т.ч. і пандемії, бо вони знають, що кінець буде і знають який саме буде кінець. При цьому християни бадьоряться і налаштовані загалом оптимістично, оскільки вірять в Царство Боже і в свою спасенну долю після смерті.

Але таких переконаних і обізнаних в кінці світу християн – не більше третини. Опитування, які робилися вітчизняними та зарубіжними соціологами свідчать про певну байдужість християн до майбутньої долі світу. Вони не хочуть про це думати чи в силу незнання Біблії, чи в силу страху перед пророцтвами, тому й ігнорують інформацію. Вони свідомо чи несвідомо противляться цьому фінішу, про який постійно читають в Біблії, і не тільки в Одкровенні Івана Богослова, тобто Апокаліпсисі. Саме для них в релігійному середовищі розробляються доктрини, які або відстро-чують цей кінець, або ж подають есхатологію у привабливому вигляді. До них можна віднести, у першу чергу, різноманітні міленіалістські теорії (вчення про Тисячолітнє Царство). Сюди ж можна зарахувати велику кількість напрямків теологічних доктрин, які ще у XX ст. спробували пояснити есхатологію і доказати, що вона виконалась першим приходом Христа[1].

В контексті модернізації міфологічних есхатологічних сюжетів Біблії та надання їм привабливості через оновлену термінологію особливо успішно працюють Церква адвентистів сьомого дня

та Свідки Єгови. Будучи представниками саме актуальної есхатологічної течії в християнстві, вони постійно говорять про есхатологію як вчення про кінець світу. Сучасні інтерпретатори Апокаліпсису прагнуть зняти з біблійних текстів архаїчні апокаліптичні нашарування і ввести ідеї етичного та соціального оптимізму.

Уявлення свідків Єгови про кінець світу – найбільш проказові для розуміння осучаснення біблійних пророцтв. В багатьох своїх брошурах, присвячених кінцю світу і приходу Ісуса Христа, віруючі ставлять конкретні запитання: “Які події чекають нас попереду? Як наш Цар захищатиме нас до і під час Армагеддону? Як нам підготуватись до майбутніх подій?”[2] Свідки чітко знають, які події невдовзі відбудуться, тому їх важко здивувати різними природничими та соціальними катаклізмами. Вони переконані, що все вже описано в Біблії, тільки треба вміти прочитати ті пророцтва. До початку великого лиха має відбутися проголошення миру і безпеки, що, власне, і роблять різні міжнародні організації, зокрема ООН. Це стане першою явною ознакою наступних невідворотних подій, зокрема напад на істинну релігію, якою себе вважають Свідки (Об’яв. 17:16). Саме тому вони так стійко переносять переслідування, яких нині зазнають наприклад в Росії. Про Армагеддон[3] сповістять небесні феномени (Матв. 24:29), що можна вже зараз спостерігати в достатку. Очікуваний суд над вівцями та козлами (Матв. 25:31—33), напад Гога з краю Магога (Єзек. 38:2,11, 15) передуватиме збиранню останку помазанців (Матв. 24:31), тобто свідків Єгови. Наприкінці великого лиха Єгова пошле свого Царя, щоб захистити всіх своїх відданих служителів (Єзек. 38:18). Ось такий біблійний сценарій розгортається на очах сучасного покоління, але не всі люди здатні його відчитати та усвідомити. Свідки активізували свою проповідницьку діяльність, щоб попередити людей про прийдешні події.

Нинішня хвиля апокаліптичних очікувань не нова. Вчення про кінець світу завжди було притаманне багатьом релігіям. Воно пройшло складний шлях еволюції, виступало у різноманітних формах на різних історичних етапах, але завжди живило надію на зміни і краще майбутнє. Зокрема християнство часто вповні скористалося актуалізацією цих тем для підняття зацікавлення до себе загалом. Коментуючи кінець світу, часто з діаметрально протилежних позицій – радикально – через повне знищення існуючого стану або еволюційно – шляхом моралізації суспільства, християнство утримується на історичній арені тисячоліттями. Есхатологічні вчення в залежності від того, які проблеми вирішувались тією чи іншою епохою, змінювались. Разом з тим в них завжди залишалися незмінними положення, котрі підживлювали апокаліптичні настрої віруючих.

Сучасна конфесіональна есхатологія шукає аргументи для виправдання апокаліптики і захисту основоположних доктринальних принципів. Але це їй вдається не в повній мірі, оскільки ідеї кінця світу, незважаючи на об’єктивні фактори екологічної, соціальної чи політичної кризи, не дуже популярні серед християн. Про це свідчать соціопитування, в яких хоч і не ставилося прямо питання “Чи ви вірите в кінець світу?”, але присутні деякі складові традиційних есхатологічних уявлень. Зокрема українські соціологи питали, чи вірять українці в життя після смерті, в рай, не деталізуючі всі особливості християнської есхатології. Послідовний християнин мав би вірити в кінець світу, в друге пришестя Христа, Царство Боже. Але в реальності християни мало знають про кінець світу, що свідчить про відповідно низьку якість їх християнської віри.

Так, за даними, які наводить український соціолог релігії М.Паращевін[4], 31% респондентів-християн заперечували існування життя після смерті, 29% не вірять в існування раю, 30% — пекла, 25% — відкидають релігійні дива. Отже, лише третина опитаних християн вірять або мають уявлення про кінець світу, який пов’язується із Армагеддоном. Найбільш послідовними і релігійними тут виявилися греко-католики. Рівно половина з них задекларували віру в згадані елементи християнського вчення і лише 2% не вірять в жоден з них. А от серед православних відповідну віру задекларували 29% при 18% тих, хто не вірить ні в що з перерахованого. Отже, в потойбічне життя вірять 62% греко-католиків і 41% православних, в існування раю — 76% греко-католиків і 42% православних, в існування пекла — 73% греко-католиків і 41% православних, в релігійні дива — 48% греко-католиків і 48% православних. Греко-католики виявляються, так би мовити, канонічнішими, ніж православні. Останні більш схильні до неглибокого розуміння, а отже і вільного трактування основ віри.

Нещодавній інтерес до апокаліптичних подій був викликаний подією, яка очікувалась у 2012 році: кінець календаря майя. Виявилося, що майже 15% жителів нашої планети вірять у те, що кінець світу відбудеться за їх життя, 10% вважають, що це могло статися у 2012 році.

З цього приводу у 2012 році проводилися масові опитування. Так, компанія Ipsos Global Public Affairs спеціально для Reuters опитала 16262 людини з понад 20 країн. Відсоток таких, що

вірять у швидкий кінець світу сильно коливається, від 6% у Франції до 22% у Туреччині та США, у Південній Африці й Аргентині відсоток трохи менший. Тільки 7% жителів Бельгії і 8% жителів Великобританії побоюються, що кінець світу настане протягом їх життя. Кожен десятий житель у світі сказав, що його лякає або хоча б хвилює можливість кінця світу в 2012 році. Найбільше число таких людей виявилось в Росії і Польщі, найменше – в Великобританії. Цікаво, що більш схильні вірити в апокаліпсис люди з низьким рівнем освіти або низьким рівнем доходу, а також ті, кому менше 35 років. Саме вони відчують хвилювання з цього приводу[5].

Тоді ж опитали і українців[6]. 86,9% українців не вірять в настання кінця світу 21 грудня 2012 року. Кінець світу найбільше хвилював мешканців Півночі та Сходу країни – саме в цих регіонах більше тих, хто так чи інакше повірив в знаковість 21 грудня цього року. Також високий відсоток впевнених у настанні кінця світу серед киян. З поміж інших регіонів відрізняються жителі Автономної республіки Крим – які частіше за інших вагаються з відповіддю. Чим старші респонденти, тим більше вони схильні вірити в настання кінця світу. Так, серед молоді ствердні відповіді надали 4,6%, в той час як серед тих, кому понад 60 років, таких вдвічі більше – 10,5%. Також в настання “останнього дня” більше вірять жінки (9,7%), ніж чоловіки (4,4%).

Серед невіруючих частка тих, хто принаймні частково вірить в кінець світу становить 6%, а серед тих, хто зазначив свою належність до певних релігійних конфесій та вказав, що є віруючою людиною, цей показник становить 7%, – отже статистично значущої відмінності не спостерігається.

Описуючи своє ставлення до інформації про настання кінця світу 21 грудня 2012, переважна більшість респондентів дуже скептично поставилася до реальності такої загрози: 78% опитаних висловили згоду із тим, що це “порожня балаканина” та “безглузді плітки”; 77,2% погоджуються, що чутки поширювалися для того, щоб змусити людей купити різних товарів, речей, створити запас на “чорний день” тощо; 77,9% пов’язують активне поширення інформації про кінець світу зі спробою відволікти увагу від реально важливих речей та суспільних проблем, переключити увагу.

Пандемія COVID-19 об’єктивно актуалізувала традиційну апокаліптику. Тема кінця світу як одна із центральних тем в Біблії обговорюється і в православ’ї. Так, священник Василь Фазан стверджує: “Так, ми знаємо, що із Священного Писання та Передання Православної Церкви кінець світу обов’язково буде, і настане він під час другого пришестя Христового і Страшного Суду. Тоді всі люди постануть перед Богом дати відповідь за своє життя. Праведники увійдуть у блаженну вічність з Богом, грішники підуть на вічні муки. Земля і все, що на ній, буде у вогні і згорить, і буде нове небо і нова земля”[7].

На відміну від свідків Єгови, православні не пов’язують кінець світу із природними причинами, в тому числі з будь-якими астрономічними чи епідеміологічними явищами. Кінець світу наступить в результаті падіння людства у найгірші гріхи, беззаконня та духовно-моральне зuboжіння. Саме тому вони скептично ставляться до якихось конкретних порад, як пережити кінець світу, бо він прийде до всіх і всього. Але “про день той і годину ніхто не знає, тільки Отець мій Небесний”, казав сам Ісус Христос.

Той, хто живе з Богом, вважають православні, не боїться ні стихійних лих, ні епідемій, ні злих вчинків людей, ні самої смерті, ні кінця світу: “Якщо Бог зі мною, то хто проти мене тоді?”.

Сучасній людині цікаво знати, що заховано під поняттями “кінець світу”, “страшний суд”, “апокаліпсис”, “Армагеддон”, щоб зорієнтуватися, до чого треба готуватися. З’ясувалося, що свідомість сучасного християнина, не кажучи вже про невіруючого, втратила первісне розуміння кінця світу. Мало хто бачить його в релігійних шатах[8]. Поширені уявлення технологізовані, візуалізовані різними фантастичними серіалами, однокі, похмурі. Такий загальний песимізм ніколи не був притаманний християнству. Сучасні інтерпретації кінця світу напрочуд раціоналізовані, навіть прагматизовані. Традиційний смисл апокаліпсиса втрачається, біблійні уявлення про кінець світу дерелігієзуються/десакралізуються. Апокаліпсис оголошується виключно техногенним, з нього вихолощується первісний смисл: кінець світу – це відплата за гріховність людини, за забуття, ігнорування Бога в своєму житті, за невиконання його заповідей.

Тому світ в очікуванні нових есхатологічних передбачень, які логічно впишуться в традиційні християнські доктрини, не змінюючи його суть, а тільки оновлюючи традиційні форми.

Таким чином, аналіз Біблійних книг, зокрема Одкровення, свідчить про те, що традиційна християнська свідомість наскрізь апокаліптична, яскраво есхатологічна, оскільки орієнтована на потусторонній світ і на життя після смерті. Загалом християни відносно спокійно ставляться до небезпек вірусу, оскільки вони, на відміну від невіруючих, які не озброєні знаннями про кінець світу, оптимістично вірять в Царство Боже і в свою спасенну долю після смерті.

Серед усіх християн тільки Церква адвентистів сьомого дня та Свідки Єгови буквально сприймають кінець світу. Будучи представниками саме актуальної есхатологічної течії в християнстві, вони постійно нагадують своїм послідовникам про есхатологію як вчення про кінець світу. Сьогодні вони з ентузіазмом використовують ситуацію, що склалася, щоб довести правоту самих своїх віровчень. Правда, сучасні інтерпретатори Апокаліпсису прагнуть зняти з біблійних текстів архаїчні апокаліптичні нашарування і ввести ідеї етичного та соціального оптимізму. Вони модернізують міфологічні есхатологічні сюжети Біблії, надаючи їм привабливості через оновлену термінологію, технологізацію, візуалізацію.

Сучасна конфесіональна есхатологія шукає аргументи для виправдання апокаліптики і захисту основоположних доктринальних принципів. Але це їй вдається не в повній мірі, оскільки ідеї кінця світу не дуже популярні навіть серед християн. За соціопитуваннями, трохи більше половини християн сповідають деякі складові традиційних есхатологічних уявлень.

Ще менш обтяжена страхами про кінець світу нерелігійна частина суспільства. Переважна більшість людей до 70% скептично ставляться до цих пророцтв, а решта змінює традиційне розуміння кінця світу, яке поступово дерелігієзується/десакралізується. Але це не означає, що християнство втратить свою роль соціального регулятора суспільства, оскільки пережило безліч пандемій і катастроф, при цьому зберігаючись як релігійна система, що здатна задавати смисли людському існуванню в будь-яких умовах.

Нинішня пандемія COVID-19, актуалізувавши есхатологічні побоювання та очікування людства, має бути додатково досліджена з фокусом на стан сучасної релігійності людей в частині їх вірування в кінець світу.

Проф. Людмила Филипович
Інститут філософії імені
Г.С.Сковороди НАН України

Проф. Віталій Іванович Докаш
Чернівецький національний
університет ім. Юрія Федьковича

ЛІТЕРАТУРА:

- [1] Докаш В.І. Кінець світу: еволюція протестанської інтерпретації. – Київ-Чернівці: Книги – XXI, 2007. – 544с.
- [2] Кінець світу // <https://wol.jw.org/uk/wol/d/r15/lp-k/102015407>
- [3] Армагеддон — подія, на яку варто чекати // <https://wol.jw.org/uk/wol/d/r15/lp-k/2019561>
- [4] Паращевін М. Релігія та релігійність в Україні / За ред. С. Макеєва. — К.: Інститут політики, Інститут соціології НАН України, 2009 // https://polityka.in.ua/userfiles/religiya_i_religijnist_v_Ukraini_2008.pdf
- [5] У кінець світу за календарем майя в 2012 році вірить кожен десятий житель Землі // https://dt.ua/SOCIETY/u_kinets_svitu_za_kalendarem_mayya_v_2012_rotsi_virit_kozhen_desyatiy_zhitel_zemli.html
- [6] Опитування проводилося з 5 по 15 грудня 2012 року в 24-х областях України, АР Крим та м. Києві. Всього опитано 2003 респондентів.
- [7] Кінець світу для людини несуть не природні явища, а гріховне життя // <https://poltava.to/news/19387/>
- [8] Докаш В. Соціальний характер есхатології в апокаліптичній і пророчій літературі // Релігія і Соціум, 2013, № 3-4 (11-12), с. 179-188; Бардін М. Апокаліптичні очікування в сучасній релігійній літературі відкві Єгови та адвентистів сьомого дня // СХІД, 2017, № 3 (149), с. 53-57.

«Веры нового времени»
Ph. D. Олег Мальцев
(на основе онлайн-дискуссионной панели)

Никто не предвидел ни угрозы пандемии, ни последующих событий. А как же религиозные пророчества, которые должны содержать подобные прогнозы?

Во время начала пандемии я находился непосредственно в Европе, поэтому имел возможность наблюдать все происходящее своими глазами. Очень многие ученые занимаются рассмотрением разных вопросов, в то время, как меня больше всего интересуют два из них — это «Зачем» и «Почему»; это именно те вопросы в науке, на которых я специализируюсь. Когда мы задаемся вопросом «почему великие религии, которые столько лет существуют, не предсказали пандемию?» — необходимо вернуться к представлению о том, что связано в религиозном мире с понятием «пророчества». Пророчество — очень мощный инструмент в руках религиозного аппарата (если им, конечно, уметь пользоваться); в противном случае — он является бесполезным. Преимущество пророчества заключается в том, что за него никто не отвечает. Аллегорически, люди, которые называют себя священниками — не несут на Земле ответственность «за небесную канцелярию».

Прогнозирование можно осуществить двумя методами: с помощью аналитических способностей, либо с помощью какого-то божественного дара (например, человеку во сне Бог что-то сказал и это сбылось). К сожалению, современные религии давно уже не видели никаких великих пророков, а религиозные представители — превратились в неких функционеров. Они не способны прогнозировать не при помощи аналитического аппарата человеческого разума, не при помощи каких-то человеческих сверхспособностей. За последние сто лет не было ни одного человека, который мог бы что-то предсказать, и при этом его предсказание сбылось; причиной этому является сегодня крайне низкий уровень подготовки священников. Безусловно, на данный период времени существуют образованные священники, но это не значит, что они способны прогнозировать будущее, поскольку это очень специфическая область. Никто и никогда не занимался подобного рода вещами в истории и поэтому за пророчество никто не отвечает.

Рассматривая новые религиозные движения, как некие коммерческие структуры, созданные посредством маркетинга, точно можно говорить о том, что они не предназначены прогнозировать. Как точно отметили в своих докладах профессор Массимо Интровинье и профессор Людмила Филиппович: сегодня от церкви никто никаких прогнозов не ждет.

Большое число священников и монахов заразились коронавирусом.

Тенденция, когда большое число священников и монахов заразились коронавирусом, оказывает большое влияние на паству и порождает массу вопросов и сомнений. Так, в докладах моих коллег было отмечено мужество итальянских католических священников и православных священников во время пандемии. В любой религиозной концепции есть ответ на вопрос, почему священники заболели и почему им Бог не помог. Из докладов я отметил для себя классификации, предложенные моими коллегами — профессором Л. Филиппович, профессором Массимо Интровинье и Вилли Фотре — разделение этих людей на две категории. Но, позвольте, внесу свою классификацию: люди, которые считают себя очень «сильными», и те, кто давно не верит в Бога. Те, кто бросился подчиняться всем правилам карантина — люди, которые давно не верят в Бога. Те, кто были очень «сильными», по странным причинам сразу же заболели коронавирусом. Ни в первом, ни во втором случае никакого Бога мы не видим; заболели и те, и другие. Тогда в чем проблема? В своё время Максим Исповедник сказал очень интересную фразу: «Бог спасает нас не без нас». Как вы понимаете, те церкви, которые существовали триста-четырееста лет назад, и церковь сегодня — это две совершенно разные церкви. Важно понять, что современная религия в своем составе не содержит «сверхлюдей». Почему так? На этот вопрос я дам ответ в конце своего доклада.

Все религиозные учения, которые сегодня существуют в мире, без инструментальны, у них отсутствует методология, и они не направлены на создание каких-либо сверхлюдей. Современным религиям нужна паства, а не сверхлюди. При изучении документов XVI–XVII веков я отметил важные моменты, а именно то, что наука психология на то время была сосредоточена именно в руках религиозных деятелей, и эти люди были очень образованными, но сегодня священники учат психологию. Это значит, что пройден определенный круг деградации, и то положение дел, которое существует на сегодня, является его конечной точкой. То есть, религиозные представители, которые несколько столетий назад были своего рода «носителями определенных знаний» и передавали эти знания людям, на сегодня деградировали до того состояния, что сейчас сами ходят учиться к тем, кому они передавали эти знания.

Один из выдающихся антропологов, мой коллега, Аллан Стив сказал: «*сегодня дети учат родителей*». По сути, церковь перестала быть «родителями» для паствы. Сегодня это совершенно обыкновенные люди, которые могут болеть коронавирусом или другими заболеваниями, и им совершенно не стыдно болеть, поскольку никто от них никакой божественности уже давным-давно не ждет.

Взгляд самих верующих на ситуацию.

Вера — это то, что должно защитить от невидимого. В случае если, та или иная вера не смогла защитить человека, то возникает вопрос: насколько эта вера правильная, и главное — насколько она необходима человеку. Все, кто со мной знаком лично, знают, что я достаточно взвешенный и крайне объективный человек, но возникшая ситуация с COVID-19 меня сильно разозлила. При этом, разозлило не само наличие пандемии (хотя я совершенно убежден, что эта пандемия выдуманная), а действия правительств Евросоюза, которые совершенно не придерживаются демократических устоев. Я имел возможность лично наблюдать все происходящее в Европе во время экспедиции с профессором Лепским, где мы оказались в самом эпицентре событий. Так, мы проехали через всю Европу и наблюдали подобное в Германии, Франции, Испании и Португалии. По завершении экспедиции я написал монографию «*Как меня заставили изучать психологию Европы*» (она находится в свободном доступе в сети Интернет). Изначально мной была запланирована другая книга — о психологии юга Италии, но обстоятельства вынудили изучить психологию всей Европы. В монографии я подробно изложил насколько правительство Европы было неспособно справиться с возникшей пандемией, и на каком уровне духовного и интеллектуального падения сегодня находятся жители Европы.

В Европе Украину считают страной третьего мира, но, если обратить внимание на супермаркеты в Украине в момент пандемии, то там вы не увидите людей, которые скупают все продукты в магазинах, не увидите поведение людей подобно животным в цирке. Я сделал более тысячи фотографий в Европе в момент пандемии, на которых наглядно отображено, как на самом деле вели себя европейцы в этот период.

С моей точки зрения, вся проблема в религии — от рождения, которое ведет к разочарованию. Закон, принятый в Евросоюзе и запрещающий в Европе крестить детей при рождении, вызвал активные споры в странах ЕС. Наши церкви привыкли к «автоматической» пастве, но я думаю, что решение, принятое в Европе, очень правильное (пусть разные религиозные конфессии поборются за паству). На мою точку зрения, крещение при рождении — это грубое нарушение фундаментальных прав человека, и каждый человек должен самостоятельно в осознанном возрасте выбирать ту или иную религиозную конфессию, с которой он хочет связать свою жизнь, и где он, в том числе, будет сам отвечать за свой выбор.

Сегодня вопрос стоит в другом: нужно ли искать что-то иное. Считаю, что поиск идет уже очень давно и не прекращается по настоящий день, иначе откуда бы у нас появлялись новые религиозные движения (как на любом рынке, если будет существовать спрос — будет предложение). Сегодня пандемия — это катастрофа для всего мира. При этом, любая катастрофа — это кардинальные изменения и на религиозном «рынке». Если обратить внимание на историю, то очень многие религии появились как раз на волне пандемии (вспомните чуму в Европе). Катастрофа, которая происходит сегодня, многоуровневая: духовная, психологическая, социальная, экономическая, биологическая. При этом, данная пандемия — всего лишь репетиция. Вряд ли, она произведет глобальные изменения на религиозной арене в Европе, но когда придет настоящая пандемия, как настоящая катастрофа, это станет предтечей возникновения новой религии в мировых масштабах. Такая религия может возникнуть, с моей точки зрения, прежде всего, как альтернатива христианству, поскольку христианство на сегодня — самая уязвимая религия из всех. Новая религия, которая может прийти вслед за настоящей пандемией, будет иметь следующие характеристики: низкая интеллектуальность, что обеспечит массовость, и виртуальность. Это две основные характеристики, которые точно можно отметить, хотя допускаю, что у такой будущей религии могут быть и другие характеристики.

Исходя из вышеизложенного, достаточно очевидно, что в наше время можно создать несуществующую пандемию во всём мире в качестве репетиции перед настоящей угрозой. Настоящая пандемия вряд ли произойдет скоро — между такими событиями промежуток обычно составляет не менее 5 лет, чтобы люди успели забыть то, что было создано искусственно. Возникновение новой катастрофы будет предзнаменованием появления новой религии, с совершенно иными характеристиками, которые будут нам крайне непривычными. Что делать в этой ситуации? Во-первых, ученые поделились на две категории: активно поддерживающие пандемию и здравомыслящие ученые, которые понимают, что пандемия выдуманная. С моей точки зрения, именно сейчас учёные должны

активно высказывать свои позиции, однако большинство из них просто смотрят на происходящее со стороны: как правительство нарушает законы и права человека, и все это объясняется определенными мерами безопасности. Но никакая «безопасность» не может оправдать нарушение закона, иначе придется менять систему права, а на это вряд ли кто-то согласится. И самое главное — никто не несет за это ответственность.

Хотелось бы, чтобы «организаторы пандемии» понесли ответственность за содеянное, но вряд ли это произойдет. Но при активной позиции большинства ученых в мире подобные «пандемии» можно будет не только остановить, но и предотвратить. Это касается не только пандемии, но и относится к поведению госчиновников, служителей церкви и всех остальных. Так появится возможность совместно выработать программу, которая бы позволила совершенно спокойно больше не допускать подобного рода ситуаций.

Бессилие: ни один из религиозных деятелей не смог сказать, что делать в ситуации глобальной угрозы.

Почему церковь не взяла управление на себя и не ликвидировала пандемию? Первое, что нужно отметить — менеджмент очень серьезная наука. Многим кажется, что менеджмент изучают во всех университетах, но то, что преподают в университете, к менеджменту никакого отношения не имеет. Спросите любого человека, который управляет людьми, что он думает об университетских лекциях по менеджменту, и вы увидите, как он будет смеяться. Две составляющие менеджмента: выдающиеся стратегические способности руководства и очень серьезная система подготовки кадров. Параллельно с тем, люди давно привыкли к тому, что в государствах все серьезные решения принимает правительство. Полностью согласен с профессором Массимо Интровинье, что сегодня у церкви существует определенная символическая власть, и это касается именно Европы. На русскоязычном пространстве, наоборот, власть — традиционная, хотя такую власть сложно назвать «властью». Люди привыкли, что все решения принимают президенты, министры и правительства, в зависимости от формы правления в стране. В момент пандемии церковь также ждала от правительств правильных решений, но на этот раз европейское правительство превзошло все ожидания и продемонстрировало свою полную беспомощность, о чем подробно описано в монографии.

Касательно церкви, необходимо отметить следующее: любая власть, основанная на выборах, обречена. То есть, когда она основана на выборах — это требует других способностей, нежели способностей управлять. Правительство, которое пришло к власти в мирный для Европы период времени (когда всё давным давно отлажено и работает) — неравно той власти, которая попала в центр пандемии. Религиозная власть никак не повлияла на правительства, никак не повлияла на прогнозы и ничего не смогла предложить для общества, поскольку они — обыкновенные люди, точно такие же, как и люди в правительствах.

У любой религиозной конфессии давным-давно главным критерием стремления является власть. Никто не предлагает становиться лучшим управленцем и занимать какой-то важный пост. Всё происходит несколько иначе: по сути, это политика, а политика не требует никаких способностей к управлению. Многим кажется, что достаточно просто прийти к власти и начать управлять, но затем выясняется, что они не умеют этого делать. Подобная позиция в церкви и в правительстве — крайняя степень безответственности. Например, в Украине сегодня полностью копируют немецкие правила карантина, что легко проследить, сопоставив действия правительств в Европе и на Украине. При этом, даже не стесняются сообщать об этом в СМИ. Почему Украина повторяет за Европой? Потому, что в правительстве не знают, что делать в подобной ситуации. А когда любой человек не знает, что делать, он ищет за кем повторять, и это подтвердит любой психолог. В заключение отмечу, что когда люди выбирают правительство, когда голосуют за какую-то церковь, становятся членами этой религиозной организации, прежде необходимо задаться вопросом: если завтра начнется война, как они будут действовать? Если вы не знаете ответ на этот вопрос, вероятно, лучше за эти конфессии и правительства не голосовать. И если, при рассмотрении религиозных конфессий и всех правительств, вам не захочется ни за кого голосовать — лучше проголосовать против всех; это как минимум позволит избежать разочарования.

Ph. D. Олег Мальцев
Украинская Академия Наук,
НИИ Памяти

Будущее человеческих сообществ непредсказуемо. Однако, отдельные черты политических режимов в тридцатилетней перспективе вполне можно спрогнозировать в виде определенных сценариев.[1] В этом докладе я попробую указать на набор политических альтернатив, к которым политические сообщества подталкивает нынешняя пандемия. В зависимости от сделанного выбора, существовавшие до пандемии нации продолжают свой путь к политическим пертурбациям середины двадцать первого века.

Общие черты будущего можно видеть сейчас в силу того, что социально-экономические и политические последствия пандемии заставляют властные элиты, контрэлиты и многочисленные социальные группы пересмотреть свои привычные условия существования и принуждают к активному творчеству новых форм существования. Политическое устройство мира в тридцатилетней перспективе связано с тем выбором, который делают политические акторы сегодня, в условиях биополитического, политико-режимного и экономического кризиса.

ДОЛГИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Современные политические сообщества существуют в отношениях, установившихся после распада колониальных систем и в связи с политической и экономической глобализацией во второй половине XX века. В начале 2020 года политика в глобальном и национальном измерениях в значительной мере определялась набором долгих тенденций, которые в значительной мере влияли как на внешнеполитический статус сообществ[2], так и на внутривнутриполитические процессы[3]. Среди этих тенденций – проблемный экономический рост и связанное с нею неравенство, снижение эффективности старых властных институтов, упадок устойчивых демократий и сдвиг глобального центра в сторону востока, и, наконец, значительная разница в демографической ситуации Запада и остального мира.

Проблемный экономический рост. Многие исследователи указывают на взаимосвязь роста или упадка демократических режимов и экономического роста.[4] Особенно эта взаимосвязь была видна во время «третьей волны» демократизации.[5] Однако, начиная с мирового финансового кризиса 2008-9 гг., экономики мира демонстрировали очень скромный рост: от 3 до 5% в среднем по миру, во многом за счет 7-9% роста ВВП Китая. Однако, с 2018 глобальный рост реального ВВП стал замедляться до 2%. Под влиянием пандемии и анти-эпидемических мероприятий этот рост прервется, достигнув показателей ниже -5%.[6] И хотя рост восстановится уже в следующий год, удар по доходам и благосостоянию домохозяйств будет нанесен немалый. Усилятся социально-экономическое неравенство и политические противоречия как в «развитых», так и развивающихся странах. Эксперты Всемирного банка указывают, что проблемы с экономическим ростом приведут к тому, что глобальная бедность вырастет в 2020 и на время прервет тенденцию ее уменьшения.[7]

Снижение эффективности существующих политических режимов и систем. Данные об эффективности политических режимов в период 1900 – 2016 показывают, что эффективные демократии и автократии приходят в упадок.[8] По всей видимости, прежние институты, обеспечивающие эффективность этих режимов и систем, потеряли свою жизнеспособность. Вместо этого растет число дефективных демократий, где идет поиск институтов и учреждений, которые обеспечат свободу, контроль, справедливость и развитие уже в новом столетии. Пандемия и экономические проблемы будут вынуждать политические сообщества к политической креативности, которая должна будет сделать четкий выбор в пользу большей или меньшей свободы.

Беззападность и упадок устойчивых демократий. Выбор, который происходит в наши дни под принуждением целого набора кризисов, не всегда будет происходить в пользу свободных политических режимов. Это связано с тем, что упадок эффективных демократий создает идеологическую и институциональную инерцию разочарования в политической свободе во всех обществах.[9] Эти процессы уже привели к ситуации «беззападности», когда роль западных стран теряет функции глобального центра.[10] В этих условиях происходит сдвиг роли центра глобального влияния с Запада на Восток.

Разрыв в демографических процессах Запада и остального мира. Многие политические сообщества, установившие в XX веке эффективные демократии, социально-ориентированные государства и развитые экономики, в XXI веке имеют серьезные демографические проблемы: их население «стареет», уровень рождаемости снижается и их социально-экономические успехи привлекают большое количество мигрантов из других стран. По расчётам экспертной группы ООН (UN DESA), население стран нынешнего глобального центра (Северная Америка и Европа) не будет расти, тогда как населения стран Азии и Африки будет значительно увеличиваться в следу-

ющие двадцать лет.[11] Демографическое давление на страны Запада будет расти, что будет усиливать тенденцию к «беззападности» и политическим беспорядкам.

Итак, эти четыре тенденции будут влиять на то, как выбор современных политических сообществ предопределил из будущее.

Dr. Михаил Минаков

Институт Кеннана,
Международный научный центр
им. В. Вильсона

ЛИТЕРАТУРА:

[1] Метод сценарного прогнозирования используется с середины XX века и был проверен временем. Методы, примененные в данном докладе, основаны на разработке следующих прогнозистов: De Jouvenel, H. (2000). A brief methodological guide to scenario building. *Technological Forecasting and Social Change*, 65(1), 37-48; Lee, S., Cho, C., Hong, E. K., & Yoon, B. (2016). Forecasting mobile broadband traffic: Application of scenario analysis and Delphi method. *Expert Systems with Applications*, 44, 126-137.

[2] Minakov, M. (2019). On the extreme periphery. The status of post-Soviet non-recognized states in the world-system, *Ideology and Politics Journal* 2(13), 39–72.

[3] Brunkert, L., Kruse, S., Welzel, C. (2018). A tale of culture-bound regime evolution: the centennial democratic trend and its recent reversal, *Democratization*, DOI: 10.1080/13510347.2018.1542430.

[4] См.: Milner, H. V., & Mukherjee, B. (2009). Democratization and economic globalization. *Annual Review of Political Science*, 12, 163-181.

[5] Huntington, S. P. (1991). Democracy's third wave. *Journal of democracy*, 2(2), 12-34; Lührmann, A., & Lindberg, S. I. (2019). A third wave of autocratization is here: what is new about it?. *Democratization*, 26(7), 1095-1113.

[6] Real GDP Growth in 1980 – 2021, International Monetary Fund Data Mapper, May 5, 2020, https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD.

[7] Mahler, D.G. et al., The impact of COVID-19 (Coronavirus) on global poverty: Why Sub-Saharan Africa might be the region hardest hit, *World Bank Blogs*, April 20, 2020, <https://blogs.worldbank.org/opendata/impact-covid-19-coronavirus-global-poverty-why-sub-saharan-africa-might-be-region-hardest>.

[8] Brunkert et al., op. cit. p. 7.

[9] Ibid., p. 8.

[10] Munich Security Report 2020, Munich Security Forum, February 2020, <https://securityconference.org/en/publications/munich-security-report-2020/>.

[11] World Population Prospects: The 2015 Revision, UN DESA, May 2015, https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2015_DataBooklet.pdf.

[12] Rodrik, D. (2011). *The globalization paradox: democracy and the future of the world economy*. Boston: WW Norton & Company.

[13] Peters, M. A. (2007). Foucault, biopolitics and the birth of neoliberalism. *Critical Studies in Education*, 48(2), 165-178.

Жизнь в пост-капиталистическую (пост-коронавирусную) эру

Dr. Валентина Воронкова

Мир вступил в новый этап радикальных изменений, которые свидетельствуют о новом этапе истории развития человечества, – мире цифровой трансформации, глобального цифрового управления, глобальной цифровой платформы государства и образования. Передовые технологии, которые есть двигателями Четвертой промышленной революции, базируются на цифровых возможностях и цифровых платформах, которые формируют новые ценностные ориентации. Эти ориентации базируются на таких новых открытиях, как: 1) искусственный интеллект; 2) робототехника; 3) аддитивное производство; 4) нейротехнологии; 5) биотехнологии; 6) виртуальная и дополненная реальности; 7) новые материалы; 8) энергетические технологии. Весь мир развивается не в геометрическом, а в линейном измерении, формируется общество «больших данных» (Big AData), информации, которую на Западе называют новым ресурсом – нефтью или даже золотом.

Нам, философам, следует осмысливать жизнь в пост-капиталистическую или пост-коронавирусную эру. Тяжело смириться нам, философам, с тем фактом, но ни физика, но ясновидящие сегодня не могут предвидеть будущее. Наша цивилизация достаточно разнообразная, и нам надо научиться жить в пост-коронавирусном пространстве. Ситуацию с пандемией некоторые называют Карибским кризисом 2.

Мир пришел в точку бифуркации и нужен выбор траектории развития в точке бифуркации, нужен поиск нового аттрактора (точки притяжения), которая бы изменила ситуацию развития. В точке бифуркации, вырисовываются три пути развития, связанные с «конфликтом цивилизаций», о котором говорил еще С.Хантингтон: 1) новое средневековье; 2) мировая война; 3) информационно-компьютерные технологии, которые несут новое знание.

Наш мир 2020 годов отличается от мира 1970-1980 годов, по крайней мере тем, что мы эффективно используем информационные технологии, которые несут много вызовов нашей цивилизации. Мы не хотим вернуться в «новое средневековье», а хотим развивать «Просветительство 2.0», которое демонстрирует защиту идеалов разума, гуманизма, прогресса, гуманизма, перехода от техногенной к социогуманитарной цивилизации. Хотя это сегодня сделать сложно.

Посткоронавирусная эра несет нам много вызовов и проблем: рвутся торговые, экономические и культурные связи; разрушается стратегия многополярного и однополярного (американского) мира; создаются новые проблемы для отдельной экзистенции: истощение ресурсов, болезни, нехватка продовольствия, экология, новые материалы, новые виды энергии, лекарства, некачественные продукты питания, потепление климата. Средой обитания человека является теперь не природа, а техника

Главное, сегодня надо осознать переход от У технологического уклада (электроника, интернет, информационные технологии) к У1 (биотехнологическая новая медицина, нанотехнологии, робототехника). Уже на наших глазах появляется много инноваций. Технологический прорыв в настоящее время происходит в методах работы с геномом, что открывает новые горизонты для лечения ряда наследственных заболеваний, персонализированной медицины, существенного увеличения продолжительности активной здоровой жизни. Развивается искусственный интеллект, который возрастает и становится потенциально продуктивным, робототехника, система контроля промышленного оборудования через сеть Интернет (IP), беспилотные средства передвижения, 3d-печать, нанотехнологии, биотехнологии, материаловедение, квантовые компьютеры. Цифровая экономика Четвертой промышленной революции ускорила развитие цифровых технологий, стимулирующих переход к цифровым продуктам и сервисам. Программное обеспечение становится первым продуктом, который превращается в услугу.

Безусловно, нашему правительству следует обратить внимание на развитие новых технологий – искусственный интеллект, роботы, геномная инженерия, нанотехнологии – это список далеко не полон. Ни о прорыве, ни о технологическом суверенитете и даже о национальной безопасности не приходится говорить, если у нас нет своей элементарной базы, и мы не умеем делать компьютеры, поэтому необходимо стимулирование технологических прорывов.

Развитие и становление цифровых технологий способствует появлению нового социального креативного класса и появлению креативных профессий. Через 10-20 лет инфраструктурой «разумных городов» будут управлять цифровые технологии – искусственный интеллект, автомобили с автопилотами, дополненная реальность, генетически модифицированная еда, новые и активные

источники энергии, разумные материалы, неизлечимое количество гаджетов и устройств, соединенных между собой различными способами обмена информацией.

В последние годы много говорят о нанотехнологии. Ее «конечная, предельная цель» как раз и сводится к тому, чтобы «стать аналогом технологий природных» (Дж. Коатес). Действительно, нанотехнологии дают возможность воспроизводить окружающий мир, пользуясь теми же «технологическими приемами», что и сама природа. Вместе с тем сегодня биология стала оперировать огромными объемами информации, и ее дальнейшее развитие невозможно без использования информационных технологий. Следует учитывать и последствия новых открытий – и этические, и моральные, и практические. Возникает много проблем: замена людей роботами на производстве; кибертерроризм; истощение природных ресурсов; разрушение экосистем, природных ареалов.

Главным ключевым вызовом будущего является «бессубъектность развития человечества», блокировка рефлексии и высокая управляемость СМИ, которые «избегают» освещения актуальных проблем социальной несправедливости (нагнетание цифр, их несостыковка). Людьюми овладели паника, страх, отчаяние, все в предвидении чипизации, вакцинации и в связи с этим следует просвещать людей.

Выводы:

Люди должны стать субъектами развития как общего, так и личного, индивидуального мира. Концепции цифрового развития должны действовать в интересах общего блага, способствовать росту человеческого благосостояния и развитию, способствовать компьютерному благосостоянию. В основе цифрового мировоззрения и цифровой идеологии – творчество, инновации и технологии, которые содействуют развитию человека и человечества.

Мы живем в эпоху конвергенции, когда биты цифрового царства сливаются с атомами физического мира. Информационные технологии и цифровые изменения становятся одним из проявлений выразительной тенденции к взаимозависимости, когда взаимодействуют и взаимовлияют три мира – цифровой, физический и реальный миры. Цифровые технологии становятся движущей силой и главным фактором развития как экономического базиса, так и общества в целом, частью творчески – креативного проектирования цифровой культуры.

Мир есть взаимозависимым и мы все есть уязвимыми, так как взаимосвязь и взаимозависимость мира представляет обратную сторону технологических инноваций, которая угрожает миру. Все это свидетельствует о том, что мы должны пройти испытание прогрессом и можем прийти к «точке невозврата» или достигнуть «технологической сингулярности», когда машина будет превосходить разум человека.

Главная задача человека в условиях цифрового мира – научиться управлять этими сложными технологиями, которые влияют на людей и мир, а изменения происходят стремительно. Четвертая промышленная революция формирует ценности цифрового общества, цифровой личности, цифрового сознания и мировоззрения, детерминированные развитием ИКТ. Этот цифровой мир требует системного и структурированного мышления, гибкого менеджмента, систематизации информации, когнитивной перезагрузки, быстрой реакции на изменения в обществе, незамедлительного принятия решений, рефлексии, субъектности.

Dr. Валентина Воронкова
Запорожский национальный
университет

Пандемия COVID-19 как прожектор и катализатор глобальных изменений

Dr. Виктор Котигоренко

События, связанные с пандемией COVID — 19, стали своеобразным прожектором, в свете которого новейшие тенденции социальных трансформаций стали более очевидными. Эти события также катализировали изменения, делающие мир не таким, каким он был до недавнего времени.

Долгое время глобализация казалась безальтернативной и неодолимой. Ее спутники — антиглобалистские движения оказались неспособными на массовую мобилизацию сторонников. И только когда на политическую авансцену вернулся национализм, выяснилось, что именно он является наиболее естественным и действенным отрицанием глобализма. Когда одна из двух противоположностей угрожает существованию другой, эта другая усиливается.

Ренессанс национализма — этнокультурного, государственнического и государственного — происходит почти повсеместно. Неважно, называют этот феномен его собственным именем или заменяют более позитивным в восприятии словом «патриотизм». Таков ответ народов и государств на вызванные глобализацией угрозы их суверенности и самобытности, традиционным ценностям и исторической памяти, культуре и моделям поведения, экономическим и другим интересам. Фактически об этом на сессии Генассамблеи ООН в сентябре 2019 говорил глава до сих пор наиболее влиятельной державы мира: «Будущее не принадлежит глобалистам, будущее принадлежит патриотам, суверенным и независимым государствам, которые защищают своих граждан, уважают соседей и различия, которые делают каждую страну особенной».

Трудно спрогнозировать, насколько мощным, успешным и продолжительным будет этот тренд. Но его усиление очевидно во всех сферах международных и внутригосударственных отношений. На какое-то время глобализации придется пойти на уступки национализму. Но сама она не исчезнет. Темпы и масштабы распространения COVID-19 — убедительное свидетельство тому, насколько человечество интегрировано и взаимосвязано. Собственно, и сам национализм становится глобальным.

ЭКОНОМИКА. Максимизация прибыли в условиях свободного движения капитала и свободной конкуренции требовала снижения производственных затрат, в том числе более дешевых трудовых и других ресурсов. Лучшие условия предлагал Китай. Его власть делала все, чтобы использовать ситуацию в свою пользу: заимствование опыта, законное приобретение и незаконное присвоение чужих ноу-хау, подготовка китайских специалистов и поощрение собственных научных исследований, ускоренное развитие национального производства, стимулирование внутреннего потребления, внешнеторговая экспансия etc. Результат: опережающие темпы роста валового внутреннего продукта; положительный баланс торговли практически со всеми странами; развитие даже тогда, когда другие погружались в экономическую рецессию. Китайский национализм стал главным бенефициаром глобализации и заявил претензии на мировое лидерство.

На радикальный пересмотр торгово-экономических соглашений с Китаем первым решился 45-й Президент США, победивший с лозунгом «Make America Great Again». Когда началась пандемия, многие европейские и не только страны также ощутили, насколько опасна их зависимость от экономики одной страны. В частности, в Китае сосредоточены крупнейшие мощности мирового производства медицинских препаратов и веществ, здесь с ним конкурирует только Индия. Когда из-за карантина поставки начали тормозить, больницы и аптеки в Европе оказались не готовы к встрече с Covid. Пришло осознание необходимых изменений: перенос производственных мощностей из Китая в другие страны и прежде всего в пределы национальных границ, его научно-технологическая модернизация (в т.ч. роботизация) и ускоренное развитие, создание новых рабочих мест, увеличение внутреннего потребления etc. Этот императив может создать большие проблемы для китайской экономики. Однако его реализация откладывается как минимум до поры, когда будут устранены коронавирусные угрозы, а может она не состоится вовсе, или будет ограниченной.

Теперь Китай возобновляет производство, увеличивает свои доли в акционерном капитале различных отраслей по всему миру, готовится воплощать анонсированный еще в 2012 г. глобальный инфраструктурный проект «Belt and Road Initiative» (BRI). Он выгоден Китаю не только потому, что поможет с меньшими потерями пройти через неизбежный и беспрецедентно глубокий мировой финансовый и экономический кризис. В случае, если BRI — в полном объеме или частично — станет реальностью, это сделает мир еще более зависимым от «Поднебесной» и ускорит ее становление как мирового лидера.

Эти шансы немалые, поскольку проект интересен также всей Европе и Азии. Он предусматривает различные маршруты «торговых путей». Какие-то страны могут отказаться от участия в нем, чтобы

не увеличивать зависимость от главного бенефициара. Другие готовы к нему присоединиться, чтобы получить для себя экономические преимущества больше, чем будут иметь страны-соседи. Если этого не произойдет, КНР ожидают далеко не лучшие времена. Чтобы быть готовым максимально обеспечивать свои интересы при любой ситуации, Китай милитаризируется. Не только Тайваню важно брать это во внимание.

ГЕОПОЛИТИКА. Пандемия обострила давние экономические и другие противоречия между Соединенными Штатами и Китаем, между ними и другими мировыми акторами. Международные отношения и ситуация с безопасностью в мире приобрели больше турбулентности и стали менее предсказуемы. Среди причин этого — вектор политики Д. Трампа на изоляционизм и трансформацию отношений внутри НАТО.

Американская и китайская стороны возлагают ответственность за пандемию и ее последствия каждая на другую. «Назначение» врага — виновника проблем является апробированной технологией приумножения и мобилизации сторонников у себя в стране и за ее пределами. Но эта технология точно так же мобилизует и оппонентов.

Усиливается вероятность разделения мира на тех, кто с Китаем, и кто с Соединенными Штатами. При этом реальной становится перспектива формирования новых центров силы, например, вокруг Индии или Бразилии. На всех континентах будут конкурировать, укрепляться и ослабевать региональные союзы, будут образовываться новые. Будет расти их роль в экономике и международной политике. Ожидаемо стремительное развитие трансграничного сотрудничества. В ряде государств усилятся сепаратистские движения, возможно появление новых стран на карте мира.

Проблемы отношений США — ЕС не исключают нахождения баланса интересов в ситуации общих угроз и возможностей. В частности, по результатам продолжающихся переговоров о торгово-инвестиционном партнерстве. Пандемия обнажила противоречия внутри Евросоюза. Маловероятно, что они приведут к распаду ЕС, хотя бы вследствие преимуществ интеграции в экономическом соревновании Союза и его участников с США и Китаем. В то же время эти противоречия увеличивают шансы на воплощение идеи Европы разных скоростей, а также на более широкую автономию стран в рамках ЕС. Иначе трудно будет избежать новых «экзитов» вслед за Британским. На успех может рассчитывать польская Инициатива Трех морей (ИТМ) — экономическое и инфраструктурное объединение 12 стран ЕС, расположенных между Балтийским, Адриатическим и Черным морями. Украина должна сделать все необходимое, чтобы стать равноправным участником этой инициативы с ориентацией на Евросоюз в целом. А также налаживать взаимовыгодное сотрудничество со всеми соседними государствами и НАТО в вопросах информационной и военной безопасности, включая предотвращение угроз новой агрессии с Востока.

России, лучше многих умеющей создавать впечатление своего величия и производить оружие, придется выбирать между альтернативами. Первая — продолжать активное участие в локальных конфликтах и провоцировании таких конфликтов, насколько будет позволять экономика и статус ядерной державы. Вторая — избрать путь успеха через достижение взаимопонимания с США, Евросоюзом и странами-соседями, которое она разрушила агрессией против Грузии и Украины. Третья — становиться сырьевым и территориальным донором Китая. Выбор невелик. Делать его придется, согласовывая амбиции с возможностями: удельный вес России в мировом ВВП только уменьшается, в 2019 он составлял 1,83% — меньше Канады, Бразилии, Италии, Великобритании, Франции, Индии, ФРГ, Японии, а тем более Китая (16,9%) и США (24,7%).

Международные организации, образованные как инструменты воплощения идей глобализма — Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, Всемирная организация здравоохранения и другие будут трансформироваться в соответствии с новой ситуацией. Право вето при принятии решений Совбеза ООН останется фактором, ограничивающим эффективность Организации как главной институции по поддержанию мира, безопасности и стабильности в мире. Но даже в нынешнем состоянии она будет играть важную роль в предотвращении военных, экологических и других опасностей. Сохранятся угрозы региональных вооруженных конфликтов и ядерной войны.

ГОСУДАРСТВО И ЧЕЛОВЕК. Государство как социальный институт и гарант безопасности человека, национальных интересов и ценностей будет укрепляться. Государственный контроль над поведением людей будет усиливаться. Во многих странах обновится истеблишмент, в его составе вероятно увеличение сторонников изоляционизма и авторитарного национализма. Сократится средний класс. Увеличится имущественное расслоение, расширится пропасть между богатыми и бедными внутри стран, между странами и континентами. Расширится социальная база терроризма, правового и ле-

вого радикализма и экстремизма. Социальные протесты и конфликты приобретут большую остроту и масштабность. Обострятся проблемы нелегальной миграции, беженцев, уголовной преступности и ксенофобии на социальной, этнической, расовой, религиозной и другой почве.

Будут попытки движения от медицины как системы предоставления платных услуг диагностики и лечения к системе охраны здоровья человека и социума. Образование, культура и медиа частично перейдут в онлайн, там будут формироваться и развиваться. По мере затухания эпидемии и стабилизации социально-экономической ситуации активизируется движение за право людей на частную жизнь без государственного контроля.

Выводы. Эта версия во многих аспектах весьма достоверна, поскольку человечество и правящие в мире классы действуют в условиях пандемии сегодня и будут действовать после нее завтра в соответствии с привычной парадигмой общества потребления и конкуренции ради потребления, где больше приобретает тот, кто сильнее и кто быстрее адаптируется к переменам. Между тем посредством вируса природа предостерегла: если так будет продолжаться, всего всем не хватит. Ее не услышали. В итоге ускорится движение к The Day After Tomorrow. День Апокалипсиса, о котором предупреждали R. Emmerich, W. Strieber и A. Bell, может быть чем-то иным, нежели новый ледниковый период. И этот день принесет человечеству действительно кардинальные изменения. Если человечество выживет.

Dr. Виктор Котигоренко
Институт политических
и этнонациональных исследований
им. И. Ф. Кураса НАН Украины.

О тактике борьбы с эпидемией

Ph.D. Олег Мальцев

В мире сегодня — кризис, страх, опасность, карантин. Все внимание обращено на жертвы, страдания и убытки. И причина всему этому «интуитивно понятна» — бушует эпидемия, а точнее, пандемия некоего коронавируса. Развитые средства массовой информации и коммуникационные сети напрямую способствовали превращению ее в истинно массовое чрезвычайное событие.

Само явление «коронавирус» не является некоей инновацией или неизвестным для человечества феноменом. Напротив, это явление было настолько многогранно осмыслено, что ещё в диапазоне 20 лет назад кинематограф презентовал мировой общественности сценарии, где запускающим сценарным механизмом выступал именно «вирус», негласно меняющий условия среды, превращая её в опасную, а затем и смертоносную, плохо управляемую стихию. В частности, в 2011 году достаточно популярным был фильм американского производства под названием «Заражение», впоследствии дублированный на 38 языков мира, не считая еще десятка других фильмов, выпущенных на эту тему. Соответственно, такой прототипологический пример и сценарий фильма, где по описанию существовал и «вирус» подобного порядка, и потенциальный ход развития событий — все это было известно человечеству ещё до вспышки 2020 года. И в тот момент, когда подобного рода сценарий стал действительностью в Китае, представителями китайского правительства было принято решение бороться с вирусом собственными методами: жесткий карантин, ограничения и прочие социалистические методы, естественные для менталитетной составляющей Поднебесной.

Серьёзное внимание надлежит обратить и на факт появления немалого числа мировых автори-

тетных консультантов, например, в лице Нассима Талеба, который открыто заявлял, что «паника — наилучший способ сохранить себя».

Следующим этапом в подкреплении необходимости сплочёнными мировыми усилиями выступить против разворачивающейся эпидемии стал отчёт всемирно известной компании Маккензи (McKinsey&Company) — международной консалтинговой компании, специализирующейся на разрешении задач, связанных со стратегическим управлением. Тем не менее, помимо некоего рассуждения и обыкновенно представленных графиков, данный отчёт не содержал эффективных стратегических или тактических рекомендаций относительно потенциальных перемен в будущем, равно как и не было в нём объективных решений относительно противостояния эпидемии. Соответственно, с практической точки зрения, опираться на данный отчёт с целью выявления или формирования неких подходов в тактической системе разрешения задачи не представляется возможным. Таким образом, как ни парадоксально, вплоть до этого момента не было предложено ни единой тактической схемы борьбы с эпидемией, что, безусловно, вызывает ряд вопросов. И даже учитывая, что европейские и мировые державы, в основном, ориентируются на китайскую линию внедрения мер борьбы с вирусом, подход и ценз китайской практики не именуется непосредственно тактической схемой.

Если свести уже внедрённый комплекс мероприятий к логической парадигме, то китайский подход к изолированию (введенный карантин, когда жителям необходимо сидеть дома и не выходить на улицу — по сути, ждать, пока выздоровеют заразившиеся), пожалуй, является неким шагом, но не системой разрешения проблематики самого вируса. Представленный шаблон — это пассивная тактическая идея, но не схема.

С другой стороны, комплексно рассматривая понятие «тактическая работа в условиях глобальной угрозы» (эпидемия выступает разновидностью такой угрозы, наряду, например, с техногенными авариями и катастрофами), начинать выработку тактической модели для прекращения подобного рода явления надлежит с объективного понимания картины происходящего. Именно стартовая позиция — прямой взгляд на явление, максимально точный ответ на вопрос «Как в действительности сейчас обстоят дела?» — является трамплином и важнейшим аспектом в разработке валидной рабочей тактической схемы нивелирования чрезвычайной ситуации.

С прикладной точки зрения отмечу, что ответ на вопрос о картине происходящего не представляется возможным, если опираться на количественные показатели. Дело в том, что — и это следует из практики, — количественные показатели разных стран и даже разных служб в пределах одной, отдельно взятой страны, сегодня фатально отличаются друг от друга. По факту, исключительно опираться в суждениях и прогнозах на цифры, которые противоречат друг другу — означает самостоятельно вводить себя и других в заблуждение.

Первичный аспект, характеризующий эпидемию как разновидность чрезвычайной ситуации, это тенденция эпидемии к масштабированию. Для сравнения: иная разновидность чрезвычайной ситуации, например, техногенная катастрофа — не имеет тенденции к масштабированию (взрыв реактора атомной электростанции, безусловно, влечёт за собой ущерб, который имеет последствия, но при этом нет масштабирования). Угроза же, связанная с эпидемией по определению имеет тенденцию к масштабированию, соответственно, важно учитывать и этот параметр.

Мы живём и действуем в XXI веке. Следовательно, многим известно, насколько возросли скоростные режимы распространения (условно) вирусов посредством авиатранспорта, возможностей морского сообщения и перемещения по суше. Если буквально 100 лет назад путешествие из Пекина, скажем, в Амстердам, исчислялось неделями, а порой и месяцами, то сегодня — это вопрос лишь нескольких часов. Соответственно, существует вероятность заражения ещё на территории КНР. При этом, симптомы начинают проявляться только спустя некоторое время, к примеру, после возвращения в Мюнхен. По факту, интересует не столько инкубационный период того или иного заболевания (его сроки или особенности), сколько качественный фактор: скорости современного сообщения между странами обеспечивают масштабирование.

На основании этого фактора возможен следующий объективный вывод: чтобы избежать масштабирования, всё, что необходимо предпринять на начальном этапе — это прекратить авиасообщения с заражённым регионом, чего бы это ни стоило. Территория эпидемии должна быть закрыта. Исключение масштабного распространения эпидемии на начальном этапе не составляет сложностей при условии замедления скорости сообщения или ее прекращения. Так или иначе, именно транспортные средства и пути сообщения имеют способность масштабировать любые опасности, центростремительно увеличивая потенциал угрозы до глобальных размеров. Пре-

кращение транспортного сообщения со страной, поражённой эпидемией, нивелирует масштабирование. При таком концентрированном подходе пострадавшие выздоровели бы достаточно быстро, а число смертей было бы сведено к минимуму. Поскольку, чем больше масштабируется вирус, тем меньше возможностей управляемых эффективных действий остаётся у системы здравоохранения.

Следующий аспект, на котором обязательно надлежит акцентировать внимание — это люди (непосредственно те, кто образует интеллектуальный потенциал страны). Достаточно недальновидно с позиции развития страны ослаблять собственные возможности и заблаговременно делать себя слабыми в потенциально возможной ситуации глобальной угрозы. То есть, отсутствие учёных, исследователей и экспертов в области вирусологии и эпидемиологии, а также отсутствие финансирования разработок в этом направлении — недальновидно и крайне опасно. Равно, как и губительная политика, которая приводит к слабости или, даже, отсутствию медицинских учреждений, специализирующихся на вирусологии, не говоря уже о последствиях отсутствия научных институтов, чья деятельность направлена на изучение инфекционных заболеваний и их прогнозирование.

Нецелесообразно не разрабатывать сценарии действий при чрезвычайной ситуации, в частности, не готовить специальные средства, техническое оборудование, оснащение и всё прочее, что обеспечило бы эффективную работу в условиях, при которых возможно ликвидировать последствия внезапно возникшей и (или) разрастающейся эпидемии. Отсутствие таковых мероприятий, подготовленных экспертов и научного кадрового потенциала делают государства по определению слабыми по отношению к такому типу глобальных угроз. Соответственно, тактическая рекомендация такова: не нужно допускать ослаблений или им попустительствовать.

Увы, многие страны ЕС самостоятельно привели себя к этому ослабленному состоянию. И момент такового коллапса в науке известен: это прекращение научных разработок в области вирусологии и эпидемиологии. Так, во многих странах Европы более 20 лет в профессиональном классификаторе не существует такой специальности как «вирусолог» или «эпидемиолог». Ликвидация на правительственном уровне этой отрасли науки влечёт отсутствие кадров, методологий, рабочих процедур, системы оперативного реагирования и прочего. Соответственно, на сегодня совершенно естественным выглядит исход, при котором в момент фактического возникновения глобальной угрозы никто не знает, как работать в условиях эпидемии, поэтому неизбежны растерянность и паника. Печально констатировать, но сегодня в большей массе ни европейские государства, ни члены правительств, ни законопослушные граждане толком не знают, как себя вести в условиях эпидемии.

Эпидемии — это приоритетные глобальные угрозы. Неважно, в какой форме они будут возникать в будущем: как фатальное стечение обстоятельств, некий несчастный случай, или как явный маркетинговый инструмент в руках недобросовестных частных спецслужб, или каким-то иным способом. Важно иное: этим глобальным рычагом будут пользоваться и впоследствии. Поэтому исключать такие варианты нельзя. В таком случае, факт угрозы будет незримо присутствовать, а тип угрозы будет совершенствоваться. Именно поэтому так важен контроль над потенциальными событиями такого порядка, как эпидемия в государстве: заранее организовать и снабдить всем необходимым санитарно-эпидемиологическую службу, которая обязана специализированно осуществлять деятельность по устранению самой угрозы и её последствий.

Не менее важна задача обеспечения кадрового потенциала заранее: медперсонал, обученный экспертами и знатоками науки справляться с подобного рода задачами; профессионалы-вирусологи, которые способны «придумывать» лечение; эпидемиологи, которые постоянно сталкиваются с неизвестными проблемами (основная характеристика их деятельности — разработка клинических методов лечения). Такие эксперты должны с нуля придумывать и разрабатывать методы лечения, столкнувшись на малой модели с неизвестной угрозой (потенциальной эпидемией), и по факту обнаружения данной угрозы должны быть способны оперативно её исследовать и выработать клиническое решение. Навыки подобного уровня не приобретаются за несколько недель или даже месяцев. Обычно, счёт такого рода подготовки исчисляется годами, прежде чем рождается грамотный, компетентный и достойно подготовленный специалист.

Любая пандемия имеет достаточно серьёзный психологический фактор. Безусловно, тем, кто никогда прежде не сталкивался и не имел дело с глобальными угрозами и чрезвычайными ситуациями, становится страшно. Это естественная психологическая реакция. Соответственно, неподготовленные врачи, не имеющие практики, тоже испытывают нечто подобное. И при условии

возрастающего страха, тревоги и опасений, выполнять врачебный долг - не представляется эффективным, а порой и вообще возможным. Понимая этот принцип, такого рода исход также важно предвидеть заранее, не позволяя фобиям становиться препятствием на пути спасения людей. При подготовке медицинского персонала и высшего экспертного состава отдельное внимание надлежит уделять специальной психологической подготовке. Более того, врачи и работники этой сферы должны получать высокие финансовые компенсации, будучи действительными специалистами на службе государства.

Во-вторых, эти люди должны быть морально и идеологически подкованными, они должны знать зачем и почему делают своё дело, как их деятельность важна, уважаема и почитаема. Их философия должна быть направлена на борьбу со злом в виде глобальных угроз, которые не под силу неподготовленным и несведущим людям. Неизвестный вирус — это очень опасно для жизни и здоровья каждого человека, в том числе, и врачей. И государство, и общество должны быть благодарны этим людям за то, что живут спокойно; они должны всячески уважать профессию врача, эпидемиолога и, в особенности, вирусолога.

С точки зрения работы в условиях опасности возникновения эпидемии чрезвычайно важно разрабатывать соответствующие законодательные акты. В Конституции каждого государства должен появиться раздел, в котором будет указано следующее: порядок действия населения государства (граждан государства), правительства и президента в условиях глобальных угроз. В высших законодательных актах и документах должно быть чётко написано, что, если некоторые права человека и ограничиваются, то на весьма короткий срок - не более 30 дней, и в единственном случае: при условии чрезвычайной ситуации. Государство обязано не допускать подобного рода явления; не справляться с чрезвычайными ситуациями, а именно не допускать их. Но если государство допустило подобную ситуацию - значит, и вина лежит на правительстве, президенте, премьер-министре, министерстве здравоохранения, на парламенте и прочих исполнительных органах власти.

Мы вынуждены сегодня констатировать масштабную неспособность к выработке тактики борьбы с эпидемией, с одной стороны, и неспособность руководить мероприятиями с целью устранения эпидемии, с другой. Следовательно, речь идёт о двух параметрах: а) необходима тактика; б) необходимы руководители, которые обладают фактическими навыками внедрения этой тактики посредством организации людей. Что немаловажно: ключевая роль отводится руководству.

Первое, что необходимо — это всё-таки повышать квалификацию непосредственно менеджеров, объясняя им, как руководить людьми в сложных ситуациях. Эксперты-руководители должны проходить соответствующие учения и занятия ещё до того, как возникнет опасность эпидемии. При этом важно учесть, что просто занятий недостаточно - нужны именно практические учения, в том числе, с привлечением полиции, национальной гвардии и так далее. Человек должен заранее отчётливо понимать, что ему надлежит действовать в условиях нависшей угрозы, в противном случае он не будет готов к этому ни профессионально, ни морально-психологически.

В данном ключе крайне важно учитывать так называемый «непрогнозируемый психологический фактор». Речь идёт о поведении людей в экстремальных ситуациях — сегодня в науке, к сожалению, по достоинству этот вопрос никто не изучает (нет такой школы психологии). Равно, как и не было обращено должного внимания на менталитетную составляющую в условиях необходимости формирования прогноза. В любой тактической схеме, прежде всего, требуется учитывать менталитет территории, на которой она будет реализована. И если нужно руководить большими массами людей, эффективнее опираться на тех, которые ими сегодня и так руководят.

Таким образом, с прикладной точки зрения, чтобы разрабатывать тактику, прежде требуется тактическая модель. Появлению данной модели предшествует объективное понимание картины происходящего, что возможно на базе валидной логической модели. Далее, уже на основании итогового представления возможна разработка тактической модели. А чтобы выработать тактическую схему, надлежит понимать, кто способен руководить в этой ситуации.

Подводя итоги выше изложенного, резюмирую: тактическая схема, направленная на борьбу с эпидемией, должна выглядеть следующим образом.

1. *Пресечь масштабирование.* Этим шагом сценарий эпидемии может и ограничиться. Однако, если пропущен первый этап и эпидемия всё же набрала разгон, то надлежит идти к шагу №2.

2. *Изолировать площади эпидемии.* Организовать штаб по ликвидации заболевания и последствий заболевания. Немедленно разработать методы клинического воздействия. Разработать

меры, обеспечивающие выполнение плана штаба. Ликвидировать эпидемию.

3. *Если эпидемия достигла масштабов государства*, сформировать комитет по ликвидации эпидемии и последствий эпидемии. Разбить страну на сектора; в каждом секторе организовать штаб комитета по координации действий и контролю. Наделить штаб полномочиями и финансированием.

4. *Штабу задействовать руководителей бизнесов регионов*. Наделить их финансированием и полномочия по руководству ликвидацией последствий эпидемии и самой эпидемии в вверенных им секторах.

Описанная выше системная тактика борьбы с эпидемией, учитывающая требования демократического общества современности. При условии соблюдения шагов, разработанных с целью борьбы с эпидемией, как разновидностью чрезвычайной ситуации, рассмотренная схема обладает качественными характеристиками. В заключении, бесспорное достоинство описанной тактической схемы позволяет на ранних этапах нивелировать как саму глобальную угрозу, так и её последствия, предусматривая обязательную научную разработку специальных методологических систем и прогностических подходов, направленных на недопущение развития сценариев под грифом «пандемия».

Ph.D. Олег Мальцев

Украинская Академия Наук,
НИИ Памяти

О толпе, разогнанной по домам, о толпе, которой не разрешают распасться!

Ph.D. Виталий Лунев

Уважаемые коллеги, я рад возможности принять участие в обсуждении столь значимого с точки зрения вызовов современности явления, которое поставило под вопрос сохранность не столько здоровья и жизни отдельного индивида, или численности человечества, как такового, сколько возможность быть уверенным в том, что мы способны называть вещи своими именами.

Позволю себе заметить, что существующие системы цивилизации дошли до, так называемого, «горизонта событий», обесценившиеся как несостоятельные, они уже не смогут выступать гарантами цивилизационного порядка. За таким пределом должен появиться новый порядок. Вопрос лишь в том, дошли ли мы до этого горизонта? Или горизонт событий все еще впереди?

Пожалуй, впервые после второй мировой войны и крушения последних «политических монстров», таких как СССР и Варшавский договор человечество в глобальном контексте переживает войну без войны. Фактически, мы еще не до конца осознали, что нынешние политические и экономические союзы доказали свою несостоятельность, закрыв границы и став на рельсы риторики об исключительно национальных интересах в пределах собственных границ. Принцип «Свой — чужой — чуждый» нивелировал соглашения, свободные зоны и многое другое.

И, пожалуй, мы впервые сталкиваемся с социально-психологическим явлением, в которое вовлечен каждый житель планеты. И это тот случай, когда вовлеченность всех воскрешает «человека толпы», при том, что делает его толпой, вынуждая находиться в заточении, так называемой самоизоляции, которая преподносится как очень сознательный выбор каждого жителя планеты.

Это, скорее всего, первый случай, когда существует толпа, уже не просто без людей, а толпа без толпы. Кроме того, речь идет о толпе не жаждущей и эйфоризирующей, возмущающейся, претенду-

ющей на могущество, революционной, как мы привыкли обычно. Речь идет о толпе, разогнанной по домам, но (!!!) и это важно — толпе, которой не разрешают распасться!

Эта толпа, симулятивно представляющая общество, должна существовать уже всегда! Неизбежно, поскольку такой инфляции Я (по Л. Сонди) и неспособность преодолеть тревогу, чтобы выйти из желания Другого (по Ж. Лакану) мы еще не встречали. Точнее говоря, мы, возможно не встречали, но все мировые сценарии в различные эпохи, вероятнее всего, происходили именно по таким же закономерностям.

Вот почему люди, переживающие самоизоляцию, не испытывают счастья, или ощущения безопасности, в конце концов они не чувствуют себя спасенными или пережившими Конец света, как в случае фантазма о спасении послушных праведников (это отсылает нас к теме ритуализации поведения в период карантина). Люди чувствуют себя обманутыми. А это отсылает нас еще к более сложной теме — теме стыда и приобретенной, или научной беспомощности, когда именно ритуализация поведения спасает от распада.

Вернемся к психологии толпы, привычной нашей памяти — толпы уличной. В ней, как правило, присутствуют два важных механизма — паническая атака или тревожное состояние и обязательный механизм эйфории. По сути, тот компенсатор, куда тревога и паника должна выплеснуться. Сейчас мы с Вами неизбежно становимся толпой «не уличной»!

В ситуации карантинных мер выходит так, что в обществе индуцируют тревогу всевозможными слухами, фактами, рассказами. Вполне вероятно, они в реальности оправданы, как минимум в каком-то аспекте. Но тот контекст, в котором это всё бесконечно озвучивается и подогревается — все ориентировано на повышение панического фона. Для того чтобы запуганный человек, условно говоря, не вышел из дому, не проявлял никаких форм активности. Но что с этим состоянием делать? Смотрите, в революции человеку показывают большую цель, к которой необходимо идти (проявлять активность), а здесь человека запугивают, в конечном счете тормозят. И он, можно сказать «врезается в стену». У него нет выхода активности, отыгрывания. Не идёт следующий этап эйфории, который очень нужен в психологии массового поведения в революции. В случае карантинных мер этого не будет. Мы наблюдаем раскачивание панического настроения, а потом — фрустрация, лишения, ограничения. Это может привести к ряду различных негативных психических состояний, с которыми нам, как психологам, в дальнейшем придется работать, придется реабилитировать, чтоб они потом могли вернуться к привычному образу жизни.

Люди вынуждены таким способом расцеплять тревогу и оправдывать своё вынужденное положение. Положение вынужденности, которое издевательски называется в СМИ как самоизоляция — очень важный фактор. Когда есть вынужденность — есть торможение, а торможение — это не просто неделание ничего. Почему так сложно отказаться от ежедневной активности? Казалось бы, сядь и сиди! На самом деле, чтобы сесть и сидеть, то есть, отменить действие, согласно законам психофизиологии, нужно потратить ресурса больше, чем само действие совершить. Это как автомобиль на скорости переключить на задний ход. Это очень сложно морально. Поэтому состояние вынужденности является самым главным здесь, на фоне многого непонятного. И подогревается все этой же массой непонятного. К примеру, множество комментариев и лозунгов подаются, как «нас ждет новый миропорядок», «другой мир», «новый формат», «ничего уже нет».

Теперь, вернемся к тому, с чего все начинается — способности называть вещи своими именами. Согласно структурному (лингвистическому) психоанализу, все что происходит с человеком — происходит в его речи, отсылая нас к трем регистрам: воображаемому, реальному и символическому. Напуганные пандемией и строгостью карантинных мер, люди XXI века еще никогда не были так массово близки к одному вопросу — вопросу собственной смерти, не героической, преждевременной, овечной или конспирологическими теориями, или теориями о мести природы, новому витку эволюции и так далее. Парадоксально, но страх перед канибалистическими склонностями человека разумного вытесняет любые здравые доводы в пользу искусственности происходящего, заставляя его верить то в обновление природы, в виде появившихся у побережий морей дельфинов, в вирусологические теории эволюции на Земле.

И в этом случае мы становимся свидетелями того, как человек, думающий, что попадает в мир дикой реальности (вирус и мое тело), на самом деле попадает в исключительно символический порядок, заданный идеей смерти. Из лоно цивилизации он попал в лоно самой природы, которую оказался не способным понимать и метафоризировать, а поэтому начал вести себя как псих.

Страх смерти никогда не бывает в реальном регистре человеческой психики, поскольку смерть никогда не реальна, она, как бы за пределами той реальности, которой располагает конкретный

индивид, или группа людей. Я хочу подчеркнуть, что природа смерти всегда первопричинно касается символического регистра психики, так же, как и война, культура, вера. И только пройдя путь символизации значений, человек оказывается способным адекватным образом занять собственную позицию, вне контекстную по отношению к симулятивной конструкции. Хотя, на самом деле мы и не должны ждать сложных и рациональных типов поведения от толпы и человека, верящего, что кусок ткани, оформленный в виде маски защитит его от мира вирусов.

Готовясь к сегодняшней конференции, я пересмотрел ряд теорий, которые как мне кажется, наиболее емко объясняют происходящее сегодня. Прежде всего, это теория генетического подобию Филиппа Раштона, согласно которой: ксенофобия и альтруизм это две стороны одной медали; границы этносов (наций, мононациональных государств закрываются первыми при появлении угроз, а примитивный трайбализм африканских племен совершенно не отличается в таких ситуациях от сверх цивилизованных государств.

И концепция, известная как Окно Овертона (окно дискурса) — концепция наличия рамок допустимого спектра мнений в публичных высказываниях с точки зрения общественной морали. Согласно модели Овертона, в каждый момент времени некоторые идеи составляют действующую норму, образуя точку отсчёта, а остальные идеи могут либо входить в диапазон допустимых, либо нет. Собственно, мы видим, как в настоящее время во всех сферах жизни человека происходит дрейф от оценки новых укладов жизни по шкале: немыслимые, радикальные, приемлемые, разумные, стандартные, действующая норма. Таким образом, перед нами толпа разогнанной по домам, толпа, которой не разрешают распасться. Мы являемся свидетелями того, как самые фантастические сценарии и идеи дрейфуют в сторону действующей нормы.

Ph. D. Виталий Лунев
Украинская академия наук,
Американская психологическая
ассоциация

Пандемия – «демократия», которую мы не знали до 2020 года *Адвокат Ольга Панченко*

Свобода, права человека и европейские ценности всегда были своего рода ориентиром не только для Украины, но и для других стран, которые стремятся жить в демократическом обществе. Однако, с начала эпидемии Covid-19 стало очевидно, что права человека являются своего рода призраком. Что же мы увидели за последние 3 месяца?

Во-первых, это отсутствие тактики у властей, когда они столкнулись с эпидемией Covid-19. У них нет никакой тактики для борьбы с эпидемией. И это отсутствие тактики с моей точки зрения привело к грубому и незаконному нарушению прав людей, живущих не только в ЕС, но и в других странах.

О каких правах мы говорим? Например, это право на труд, право на свободное передвижение и право на возвращение человека в свою страну (статья 13 Всеобщей декларации прав человека). Например, в Украине правительство издало постановление, согласно которому граждане Украины, которые оставались в Италии после закрытия границы, если они имели температуру более 37,2, не имели права садиться на самолет, который летел в Украину.

Единственный способ борьбы с Covid-1 в 99 процентах стран – это ограничения и запреты в области прав человека. Правительства сражаются с людьми, а не с вирусом. Более того, эти запреты, с моей точки зрения, иногда приводили к еще большему распространению вируса.

Например, в Италии 4 марта был принят указ, согласно которому 14 провинций страны были

закрыты, однако в указе также указывалось, что те, кто не является жителями этого региона, могут их покинуть. Это означает, например, что итальянец, который не имеет постоянного места жительства в Милане, может покинуть этот город несмотря на то, что этот город был закрыт на выезд. В результате в Милане собрались толпы людей на вокзалах, в аэропорту, потому что люди начали массово покидать этот город – таковы последствия этого закона. То есть они были спровоцированы этим законом и начали срочно покидать эти регионы. Таким образом, Covid-19 распространился по всей Италии, так как итальянцы, не имевшие постоянного проживания в этих регионах, срочно начали покидать закрытые районы страны.

Но вернемся к ограничению прав человека. В целях ограничения прав человека в конституции должен быть раздел об ограничениях прав человека. Но их не существует, поэтому во многих странах уже возникли протесты, а также заявления юристов о том, что правительственные ограничения не являются законными. И эти юристы ссылаются именно на тот факт, что в Конституции нет соответствующих статей, которые предусматривают ограничение прав человека, соответственно – ограничения, введенные правительствами, не являются законными. Более того, я бы условно выделил категорию людей, которые стали «вне закона» – это туристы не европейского происхождения, которые находились в Европейском Союзе во время карантина и закрытия границы.

Как вы помните, 16 марта Европа закрыла не только внешние границы, но и каждая из европейских стран закрыла свои границы, оставив возможность въезда на территорию страны только гражданам стран ЕС и тем, кто имеет вид на жительство. Министр внутренних дел Германии заявил на пресс-конференции, что Германия закрывает свои границы, потому что у немцев не хватает еды и может не хватить расходов на больницу. Таким образом, сотни тысяч туристов – не граждан ЕС оказались своего рода «вне закона». Те люди, которые путешествовали на машине по Европе, были отрезаны от внешнего мира. Например, турист из США приехал на машине из Германии в Португалию. Он планировал вернуться в Германию на машине, а затем покинуть ЕС на самолете. Но после того, как Германия закрыла границу с этой страной, у этого гражданина США нет шансов въехать в Германию. Более того, чтобы добраться из Португалии в Германию на машине, ему нужно проехать хотя бы через Испанию, Францию, которая также закрыла свои границы.

Таким образом, никто не задумывался о правах и проблемах такого туриста, когда границы внутри ЕС были закрыты. Именно по этой причине я назвала таких людей «вне закона». То есть Европа, которая так страстно декларировала права человека, в условиях пандемии нарушала права своих граждан и не заботилась о туристах, несмотря на то, что туристический бизнес является одним из источников дохода в Европе.

В настоящий момент, например, Италия с 3 июня 2020 года откроет границы для граждан ЕС и граждан стран Шенгенской зоны, но для остальных людей граница фактически закрыта: въезд на 72 часа возможен и на документально подтвержденных основаниях. Я не знакома ни с одним законом, который гласит, что люди за пределами ЕС более заразны, чем люди, которые являются гражданами ЕС. Covid-19 не знает национальностей и гражданств – об этом неоднократно заявляли на разных экранах вещательных каналов ЕС. Но на самом деле – это не правда.

Следует отметить, что Украина начала копировать Европу. За последние 2 месяца украинское правительство нарушило столько законов, сколько, вероятно, не было нарушено за всю историю нашей страны. Учитывая все вышеизложенное, я думаю, что в постапокалиптическую эпоху права человека будут ограничиваться только под различными предлогами: пандемия, терроризм, а также различные другие угрозы, которые могут даже и не быть реальными. Мы ждем эпоху диктатуры под благородными предлогами.

Ольга Панченко

Украинская академия наук,
адвокатская компания "Редут"

Что такое права адвокатов и как с ними бороться

Адвокат Анна Боряк

Что такое права адвокатов и когда демократия offline. Профессия адвоката сегодня – это критерий демократичности любого государства. И сам факт необходимости ее защиты возникает исключительно в тот момент, когда государство расписывается в своей несостоятельности. По своей сути – адвокатура – это делегирование независимому профессиональному сообществу функций государства на защиту прав человека и профессиональное правовое представительство. То есть, права адвокатов обеспечивает государство, а иное свидетельствует об отсутствии потребностей власти в независимой профессии.

Почему так происходит?

В эру постмодерна и глобализма потребность в государстве как социальном образовании отпадает. В основу регулирования полагаются потребности глобальных элит, а, как говорят в узких кругах широкой общественности, проблемы индейцев шерифа не интересуют.

Необходимость заставить адвокатов молчать демонстрирует даже независимая и скрупулезно демократичная Германия. Помнится, история с Беатой Баннер, или история в Казахстане, продемонстрировавшая публично механизм как нужно лишать адвокатов лицензии за не такую правовую позицию адвокатов Аманжол Мухамедьярова и Ерлана Газымжанова. Такие же тенденции сегодня происходят и в Украине. Адвокатов привлекают к ответственности за обращение в ЕСПЧ. Как говорят, дожились и дозащищались.

В любом случае, если мы говорим о защите прав адвокатов, это значит, что государство больше не интересуют права человека, и защиту адвокатов от государства должна взять на себя международная общественность. Иначе, когда злые языки поговаривают, что в стране демократия off line, профессия адвоката становится над национальной. Это каста независимых экспертов, которые могут прямо говорить о происходящем с правовой точки зрения, пока им государство не «закрыло рот» в «лучших» национальных традициях. Аудитория – это простые граждане, и по своей сути, самовыражение адвоката и есть реализация принципа свободы слова. Поскольку это слово – не обычные эмоции на происходящее, а глубокое содержание, основанное на правовом анализе.

С другой стороны, адвокатская деятельность производится в рамках правового поля. Поэтому, она законна де-юре и де-факто, как не крути в руках уголовный кодекс. Отсюда, категорически недопустимы методы, применяемые властью в отношении адвокатов: физическое насилие, запугивание, уничтожение его имущества, привлечение к уголовной ответственности за его правовую позицию, отождествление его с клиентом, препятствование адвокатской деятельности другими способами, убийство лиц в связи с их адвокатской деятельностью, и т.д. Украина в этой части стремится к лидерству.

Украинские адвокаты давно выступают за создание международных механизмов защиты профессии, и все, вроде ЗА, но предложенный способ так и не реализован. А принцип «спасение утопающего дело рук самого утопающего» приведет к тому, что о демократии мы будем рассказывать в сказках своим внукам, если они, конечно, родятся в таком социальном хаосе. Поэтому, когда государство не в состоянии обеспечить защиту независимой профессии, придется ее защищать от государства правовыми международными методами. Иначе получим борьбу с правами адвокатов, тотальное устранение их из профессии по критерию их независимости карманную адвокатуру, и в следствие, демократию в состоянии off line.

Анна Боряк,

Комитет защиты прав и гарантий
адвокатской деятельности НААУ

Судьба в условиях пандемии

Марина Ильюша

Прежде чем проводить психологический анализ происходящего в Европе, необходимо выбрать инструмент анализа. В качестве такого инструмента был выбран тест Сонди, который позволит понять, как обстояли дела до пандемии, в момент пандемии, и что, вероятно, будет происходить в Европе после пандемии.

Тест Сонди был разработан венгерским психологом Липотом Сонди еще в 1939 году. Он посвятил всю свою жизнь исследованиям в области судьбы посредством глубинной психологии. Чтобы объяснить данный инструмент, потребуется написать не одну книгу, потому я буду апеллировать к большинству, используя понятные категории. Тест Сонди можно было бы разделить на 4 блока, которые отражают:

- навыки;
- философию;
- менеджмент;
- условия.

Используя тест Сонди как измерительную машину, можно увидеть, что пандемия – это изменение условий. В свою очередь, изменение условий всегда влечет за собой изменение философии.

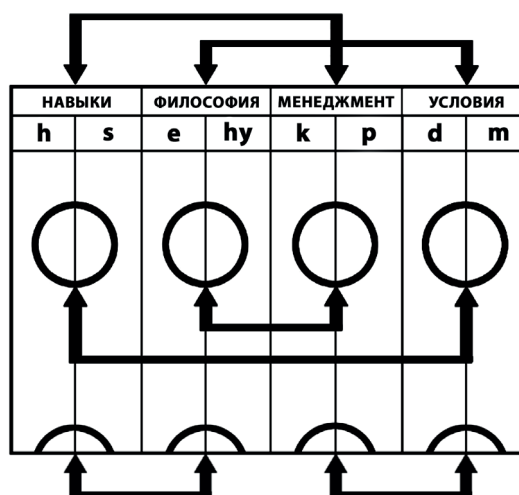
Рассмотрим подробнее это явление. Несложно заметить, как резко изменилась философия всей Европы в условиях пандемии. Например, в Германии, где всегда высшей ценностью был закон, с изменением философии высшей ценностью стала безопасность. Измененные условия сразу же повлекли за собой изменение философии правительства и определенного рода граждан. Большинство стран нарушили законы о правах и свободах граждан своих государств, а действующий канцлер Германии Ангела Меркель, помимо этих законов, нарушила Шенгенское соглашение. В сложившихся условиях большинство правительств повели себя преступно. И это очень ярко видно на тесте Сонди как на инструменте анализа: как только изменились условия, сразу же вроде бы добропорядочные правительства стали преступными правительствами в силу изменения философии.

Рассмотрим блок «h; s», который отвечает за навыки. Обратите внимание, что навыки, которые нужны были, чтобы работать и справляться с разного рода задачами в условиях экстремальной обстановки, у европейцев отсутствуют. И на протяжении многих лет правительства европейских государств делали все, чтобы этих навыков никто никогда не обрел. С точки зрения теста Сонди, блок навыков тесно связан с блоком менеджмента. Исходя из отсутствия необходимых навыков, становится очевидным, что этому предшествовал преступный менеджмент – закрытие больниц, абсолютная неготовность государства и чиновников для того, чтобы бороться с пандемией, а также абсолютное невнимание к обретению навыков решения подобного рода задач до пандемии.

Сравним два показателя – навыки и условия. Дело в том, что навыки всегда нужны под определенные условия. Так как нужные навыки не вырабатывались, это говорит о том, что никто даже не прогнозировал подобного рода условий, в которых окажется Европа. Так ли это? Нет, не так. На запрос «пандемия» в поисковике каждый может найти более 20-ти фильмов на тему пандемии, снятых Голливудом и Россией. Из этого следует, что сама идея пандемии давным-давно существует и витает в воздухе в виде фильмов и книг в жанре научной фантастики и т.д. И если правительства государств не обращали никакого внимания на подобного рода явления, то это говорит об их преступной халатности.

Проанализируем центральные блоки теста Сонди. Блок философии порождает менеджмент.

ТЕСТ СОНДИ, КАК ИЗМЕРИТЕЛЬНАЯ МАШИНА

Исходя из теста Сонди, философия, которая существовала до пандемии в Европе, оказалась неэффективной в условиях пандемии. Как говорил Липот Сонди, философия должна быть такой, чтобы ее не пришлось изменять. Как оказалось, на деле, философия того общества, в котором жила Европа все это время, была по меньшей мере неэффективной. Неспособность правительств, их преступная халатность, абсолютная бездарность в управлении обусловлены их философией, теми ценностями, стереотипами и общественными установками, которые казались им правильными. Но, когда дело дошло до решения конкретных задач, выяснилось, что эта философия фатальна и губительна – она привела к преступлениям со стороны правительства, нарушениям прав человека и дезорганизации деятельности экономики и общества в этот период времени.

Глядя на происходящее сегодня в Европе, несложно спрогнозировать, что будет после того, когда эта «оргия», как говорил Жан Бодрийяр, закончится. Экономика будет в достаточно плачевном состоянии, что требует абсолютно другого менеджмента. Для того, чтобы поднять экономику, нужна другая философия, которую кто-то должен будет принести в Европу, чтобы возникли новые ценности, новые взгляды на жизнь, новое понимание будущего, общества и общественного взаимодействия в будущем.

Ракурс востребованных навыков кардинально изменится, так как условия после пандемии не равны условиям до пандемии. Насколько быстро люди адаптируются к новым условиям постэпидемиологического периода, будет зависеть от скорости обретения ими новых навыков.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что сложившаяся ситуация серьезно затронет сферу образования, тактического и стратегического менеджмента, нешуточно отразится на средствах массовой информации как идеологов общества, повлияет на научную сферу и заставит пересмотреть взгляды на отношения с соседями – другими государствами, некими государственными конгломератами, такими как Евросоюз, и вообще задуматься, есть ли смысл в этих объединениях.

Резюмируя итог доклада, очевидно, что тест Сонди – это уникальная измерительная машина, которая безотказно работает и показывает, что есть, что было и что будет. Очень странно видеть, что об этом не знают ни правительства, ни органы государственной власти, которые так бездарно повели себя в условиях, когда населению государств нужна была настоящая помощь, и они могли бы проявить себя с самой лучшей стороны.

Марина Ильюша
НИИ «Международное
судьбоаналитическое
сообщество»

Модели эпидемии и постэпидемиологические модели

Ph.D. Олег Мальцев

Существуют определенные этапы, которые играют роль препятствий для любой эпидемии и болезней человека. У людей существует мощная многоуровневая система защиты. В силу этого, любая эпидемия спускается «сверху вниз», проходя эшелоны защиты человека, или проникает на определенный уровень, похожий на «вход со стороны», что исключает необходимость проходить через все уровни.

На самом верхнем уровне стоит «Я» — это первый уровень, называемый «амальгамным», когда созданы некие условия, определенная **среда (мир)**, в котором что-либо является нормальным или ненормальным. Рассматривая COVID-19 с точки зрения модели организации эпидемии — ее первым «амальгамным» уровнем является большое число фильмов про эпидемию, снятых как

американскими, так и российскими киностудиями за последние годы. Эти фильмы создали определенную среду нормализации эпидемии. К примеру, в 2011 году был снят фильм «Заражение», который является точной копией развития сценария нынешней эпидемии, но только в рамках Соединенных Штатов Америки (где эпидемия приняла не масштаб всего мира, а лишь по большей части в масштабе США).

Следующий уровень вниз — это **психика человека**. Это мощнейшая «пружина» запуска подобного рода возможных сценариев. И для того, чтобы проходить этот уровень, обычно используют СМИ, которые помогают пройти данный уровень защиты у человека, чтобы он поверил и испугался.

Психобиологический уровень — уровень профилактики заболевания, уровень иммунной системы человека (его психосоматика). Рассматривая этот уровень с точки зрения нынешней ситуации, наглядно показано, что никто никакой профилактической работы не проводит, и не повышает свой иммунитет и не повышает свой иммунитет (никто этим целенаправленно не занимается, люди недостаточно информированы о превентивных мерах). Безусловно, иммунная система у всех по-разному устроена и работает. По этой причине этот уровень защиты у человека проходится достаточно просто.

Уровень физиологии (непосредственно самого заболевания), когда человек уже заболевает по факту. Следовательно, все предыдущие уровни защиты человека пройдены, включая защиту его иммунной системы, и возникает заболевание. Именно здесь, на этом уровне, возникает страх того, что отсутствуют методы лечения, и никто не может найти модели лечения заболевания. Человек становится беспомощным, один на один с неким невидимым заболеванием.

Последний уровень — это **уровень болезни**. На этом уровне человек уже болеет. При том, болеет не только он один, но также и другие люди. Они заражают друг друга, и возникает некая эпидемиологическая обстановка.

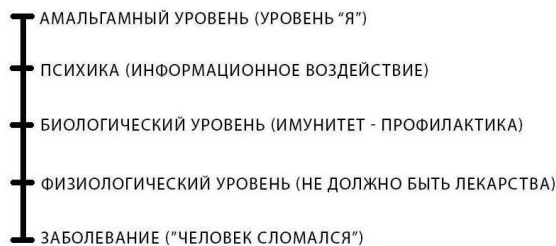
Если посмотреть на эту тактическую модель организации эпидемии, то достаточно ярко видно, что именно так и происходило сейчас при COVID-19. Так, вначале были сняты фильмы об эпидемии. Затем активно были задействованы средства массовой информации, наравне с тем, что у людей отсутствует какое-либо представление о профилактике (этим вопросом вообще никто не занимался — ни на уровне государств, ни дальше).

Обратите внимание, что страх при возникновении заболевания, поиск вакцины, которой нет, и, по сути, ее никогда не найдут, поскольку от гриппа вакцины не существует (иначе она бы уже давно появилась) несет по большей мере только психологический характер. И даже, если когда-нибудь вакцина будет найдена — это станет исключительно психологическим фактором; по причине того, что эти вирусы постоянно мутируют, приобретают иную форму, а бывают и вообще искусственно созданными. Поэтому любая вакцинация несет исключительно психологический характер. Она никогда не будет гарантией того, что человек не заболеет. То есть, нет никакой вакцины лучше иммунитета самого человека.

Таким образом, поиск способов лечения уже во время заболевания вместо того, чтобы найти их до того периода, ведёт к **травматичности, к групповой заболеваемости людей**. Поскольку, если люди заболевают быстрее, чем выздоравливают, возникает некая «травматичность» общества, что в свою очередь сильно влияет как на само общество, так и на разные институты и на экономику государства. Если, к примеру, 80% населения лежит с гриппом, следовательно, не работают и предприятия, останавливаются заводы и многое другое.

Вирусы — вещи невидимые, и бороться с эпидемиями теми методами, которые люди себе представляют, не представляется возможным. Рано или поздно кто-то умирает, а кто-то выздоравливает и постепенно приходит в норму. Данное положение дел не является чем-то новым, что не происходило и ранее, в прошлые года и столетия. Важно другое. Если начинать лечить людей уже в момент, когда заболевание уже распространилось — значит гарантированно получить новую эпидемию. Для того, чтобы эпидемии не повторялись, необходимо возвращаться на самый верх модели, на первый уровень организации эпидемии — на уровень «Я» (амальгамный уровень), и не

ТАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ ЭПИДЕМИИ

превращать эпидемию в норму жизни, в маркетинговый инструмент или политический инструмент.

Необходимо урегулировать деятельность в этом направлении средств массовой информации. То есть, редакции СМИ должны нести серьезную финансовую ответственность за недостоверную информацию. И в случаях, когда их материалы касаются государства, национальной безопасности, при этом выявлено, что эти СМИ получили деньги за распространение заведомо ложной информации, то за это они должны быть привлечены к уголовной ответственности.

В обществе нужна и важна профилактика этих заболеваний. Вообще желательно, чтобы людям разъяснялись профилактические меры, и они их применяли. При этом, необходимо разрабатывать эффективные методы лечения до того, как что-либо произойдет, чтобы у врачей была возможность быстро лечить людей. И, безусловно, в обществе нужно избавиться от посттравматического синдрома — психосоциального явления, подразумевающего, что подобного рода эпидемия больше не повторится ни в каком виде.

Правительства должны нести самую серьезную суровую ответственность. И, если они не способны действовать в условиях эпидемии и контролировать ситуацию, то в таком случае, такому неспособному правительству нужно уходить в отставку. И чем раньше, тем лучше.

Рассматривая постэпидемиологические модели, что нам ожидать после окончания эпидемии, что касается самой деятельности? Во время эпидемии никто никому не может ничего обещать. Практически все ученые воздерживаются от прогнозов на сегодня. Почему так? Условно говоря, речь идет о некоем «пинкоде», который уже не работает в той ситуации, которая сложилась на сегодня. Многие люди перестали верить обещаниям правительств, устали от ограничений их прав и свобод (примером тому является ситуация в Германии). Понятие «освободиться от проблемы» — не является их мечтой. Вместо мечты на первый план вышли рефлекс и инстинкты. Все перешло на уровень рефлексов и инстинктов.

Сейчас к обществу, которое возникнет после пандемии, будут предлагать «новый пинкод» — новый подход. По сути, многие уже начали использовать некий треугольник «СМИ-Чрезвычайная ситуация-Действие». Но это, по сути, не «новый пинкод» к обществу, а некий подход к оправданию перед обществом. Теперь же, в период постпандемии нужно найти новый «пинкод» к обществу, и опять загнать всех в гиперреальность.

Давайте предположим, какой «новый пинкод» может быть предложен обществу после пандемии? Вероятно то, что произошло, запомнится надолго, потому первым элементом «пинкода» будет безопасность. Потребуется изменения в законах, и это, в свою очередь, ограничит права граждан. Люди будут готовы на эти изменения в законах, лишь бы такое больше не произошло. Но никакие законы не остановят людей, стремящихся к власти. И все так и будет продолжаться.

Вторым элементом «пинкода» вероятно станет гарантированное **будущее** вместо мечты. То есть, чтобы не случилось — это будущее гарантировано.

Кредит больше не обеспечивает мечту людей. Что будет обеспечивать ее вместо кредита? Ведь общество потребления без кредита жить не может, и ему нужно что-то вроде кредита. Вероятно, возникнет прямая рассрочка, минуя банковский сектор (те, кто смогут торговать в рассрочку, к примеру, домами и так далее, минуя банковский сектор). А для этого необходимо иметь только долгосрочные контракты.

Так, по сути, мы увидим крах банковской системы. **Так как то, что сегодня происходит, ведет к краху банковской системы и ее замены на многовекторную свободную валютно-электронную систему без участия банков.** Банки становятся не нужными. И чем больше спектр расчета обратного, тем больше люди будут идти на эти условия, а производители напрямую будут контактировать с потребителем.

Пандемия — начало краха банковской системы. Она больше не нужна. Это значит, что все деньги в мире станут автоматически криминальными. Исчезнут конвертируемые валюты. Валюта будет стремиться к электронной форме. К примеру, сначала появится электронное евро, потом доллар станет доступным для всех. Бумажные деньги прекратят свой оборот. Других денег, кроме банковской карты, не будет. По сути, возникнет свободная валютно-электронная система без банков.

Рассматривая профессиональную деятельность людей, теперь вероятно, все ринутся искать работу, которая не пострадала бы в условиях любого кризиса. Большинство людей будут искать работу, которая связана с удаленной работой, чтобы подобного рода страхи (потери работы) на них не влияли. Экономика еще больше глобализируется.

Таким образом, этот «новый пинкод» станет началом нового общества. Это уже не будет общество потребления, а станет общество глобальных коммуникаций. И дальше под угрозой станет «государ-

ство» и смысл его существования как института со всеми вытекающими отсюда последствиями. К примеру, революции, связанные с необходимостью прекращения существования государства и возникновения иной формы существования людей. Люди не хотят зависеть от правительств, которые не способны принимать решения. Возникнет власть бизнеса без государства.

Вероятнее всего нынешний порядок развалиться. Но как он будет выглядеть впоследствии — это всего лишь гипотеза. Вероятнее всего мы снова вернемся к форме неких княжеств (в глобально-экономическом смысле). Но все эти княжества будут закручены, предположительно, от больших организаций к малым. Подводя итог, скажу, что не настаиваю на этом прогнозе. Не обязательно будет именно так. Это всего лишь некоторое гипотетическое предположение, исходя из тех событий, что происходят сейчас.

Ph. D. Олег Мальцев

Украинская Академия Наук,
НИИ Памяти

Поиск путей социальной модернизации современного украинского общества

Dr. Ирина Утюж

Сегодня мы находимся в том зыбком, текучем состоянии, где социальной заботой для современного человека становится поиск экзистенциальной безопасности, которая гарантировала бы нам реализацию порядка, привычек, повторяемости, предсказуемости. И начать нашу статью, в подтверждение сказанному хотелось бы с идей Рональда Инглхарта, который показывает, что мировоззрение современного человека максимально определяется состоянием нестабильности и экзистенциальной неопределенностью. Данная ситуация носит серьезный социально-психологический характер.

Автор отмечает, что общество, переживающее патологический социокультурный кризис может быть квалифицировано как кризисный социум. В таких условиях значительно снижается уровень предсказуемости и стабильного состояния поведения людей. Наступает период для общества, которому характерна аномия, фрустрация, авторитаризм в управлении, ужесточение следованиям традиционных культурным нормам, нарастание ксенофобии. В итоге модернизация идет медленно, низкий уровень развития сохраняется во многих местах [1]. От себя добавим, революции, государственные перевороты, террористические акты – все эти обстоятельства серьезно влияют на формирование конфликтности и кризисности в современном обществе, а смена политического курса, как правило ведет к социально-историческому столкновению, где активно будет формироваться образ врага.

Необходимость философского осмысления фундаментальных изменений в сфере духовной жизни современного украинского общества, связанных с поиском путей социальной модернизации, продолжают оставаться актуальной проблемой для социально-философской науки Украины.

Восстановление духовных скреп украинского социума невозможно без понимания исторического прошлого. Ф. Ницше [2] такое понимание истории называл кругом «вечного возвращения» духа. «Возвращение к истокам» – это своего рода определение связи настоящего с историческим прошлым, с его социокодом. Поэтому основными задачами современного социально-философского исследования будет использование междисциплинарной методологии, которая позволяет найти ответы на вопросы многих социальных проблем «триумфа людской злобы», которая сегодня в современных условиях «правит бал». Речь пойдет о междисциплинарной методологии философии медицины, которая предлагает использование клинического метода для объяснения кризисных основ взаимопонимания.

Ситуация, когда согласие между людьми возникает само собой – миф, в котором мы живем и который транслируется властью для манипулирования нашим сознанием. Поэтому серьезная аналитика социальных, кризисных процессов травмированных обществ актуальна как никогда.

На территории постсоветской Украины сложно найти яркие образчики именно межэтнических конфликтов, население большей части территории нашей страны связано не только этнически, мы имеем общие ментальные ценности, прекрасно говорим и понимаем друг друга на украинском и русском языках. Но, тем не менее, именно наша территория по многим причинам превратилась в зону колоссального межкультурного конфликта, который, по нашему мнению, был сформирован в большей степени искусственно, делая граждан страны заложниками большой геополитической игры. Непростая, даже трагическая история нашего государства (военная оккупация, насильственная колонизация, факторы геноцида и др.) привели сегодняшнее украинское общество к феномену «травмированного общества».

М. Решетников подчеркивает: «при наличии в истории народа тяжелой психической травмы, связанной с массовым (национальным) унижением, через какой-то достаточно длительный период (десятилетия и даже столетия) могут «вызреть» те или иные ложные идеи (или идеи отношения), которые, при наличии сопутствующих условий (дополнительных негативных экономических, социальных или политических факторов), затем превращаются в непоколебимую убежденность конкретного народа или этнической группы в своей правоте, избранности Богом, а так же – в особой мессианской роли в сочетании с идеями гордости, величия и самопожертвования во имя искупления или отмщения, при этом такая «мессианская роль» может приобретать самые стойкие формы реализации» [3].

После данной цитаты нельзя не вспомнить З. Фрейда, который в своей работе «Массовая психология и анализ человеческого «Я» отмечает: постигая индивидуальную психологию, мы постигаем психологию социального, массового. З. Фрейд пишет: «Чувства массы всегда просты и весьма гиперболичны. Масса, таким образом, не знает ни сомнений, ни неуверенности! Масса немедленно доходит до крайности, высказанное подозрение сразу же превращается у нее в непоколебимую уверенность, зерно апатии – в дикую ненависть... Тот, кто хочет на нее влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое» [4, с.].

Вот именно по такому сценарию, сегодня пытаются управлять Украиной, обществом, которое максимально должно быть конфликтогенным. Историческое прошлое используется как механизм противопоставления ценностных ориентаций разных социально-возрастных групп украинского общества. Как скажет Ясперс, каждый человек есть то, что он есть, и только потому, что в свое время был заложен совершенно определенный исторический фундамент [5, с. 851]. О настоящем мы можем сказать, что оно «было», а о прошлом – что оно «есть». Как считал Ж. Делез, прошлое сливается с бытием в себе. Я сам – это мое прошлое [6, С. 135].

Вот здесь и заключается та социо-психологическая проблема, которая активно используется властью, в первую очередь, в условиях нестабильности, ухода от экономики, от реальных материалистических проблем, чтобы держать массы в напряжении, чтобы дарить массам «образ врага», чтобы уничтожить взаимопонимание, как основу модернизационных механизмов развивающегося общества, общества, где главная парадигма развития должна быть «прагматически-футуристическая», а не парадигма «прошлого».

Такова «этика» современного межкультурного диалога, не только украинского общества, но и многих обществ как постсоветского пространства, так и некоторых европейских, распад которых проходил на наших глазах. Таким образом, способность забывать о которой говорит Ницше, как о метафизической сущности бытия человека – это самое мудрое отношение к урокам истории, когда, получая опыт, формируя себя под действием внешней среды, делая выбор, мы, тем не менее, не цепляемся за прошлое, а идем вперед. Конечно, забывание – не связано со слепым вытеснением произошедших событий в бессознательное. Механизм «забывания», связан с осознанием вектора развития, а он направлен, только вперед.

*Dr. Ирина Утюж,
Запорожский государственный
медицинский университет*

ЛИТЕРАТУРА:

- [1] Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Издательство «Мысль», 2019. 347 с.
- [2] Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. О пользе и вреде истории для жизни. М.: Мысль, 1990. 829 с.
- [3] Решетников М. Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов (Социально-историческая психиатрия) //Режим доступа: https://psy.su/content/files/antiterror_reshetn.pdf (Дата звернення 11.04.20).
- [4] Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд. – Санкт-Петербург: Азбука, 2016. – 192 с.
- [5] Ясперс К. Общая психопатология. Пер. с нем. Л. Акопян. М.: Практика, 1997. – 1053 с.
- [6] Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000. – 349 с.

Борьба с пандемией коронавируса: урок для Украины

Dr. Владимир Скворец

Развернувшаяся в мире пандемия коронавируса COVID-19 резко обнажила проблемы социального и государственного управления во многих странах мира. Все страны мира оказались перед угрозой поражения своего населения коронавирусом, но различные государства проявили сильно отличающуюся степень готовности ответить на этот вызов пандемии. В борьбе с мировой пандемией каждое общество и государство может противопоставить, прежде всего, национальную систему здравоохранения. Вместе с тем успех в борьбе с пандемией зависит от способности общества задействовать цивилизационные ресурсы, такие как государство, культура, наука, образование, технологии и т.д. Наличие информации о распространении пандемии коронавируса и борьбе с ней в различных странах обнажает угрозы, связанные с изменениями модели системы здравоохранения и социального управления в Украине.

Статистические данные о пандемии коронавируса свидетельствуют, что на 18 мая 2020 г. во всем мире было зафиксировано 4 830 296 случаев заражения, смертельных случаев 317 200 (6,6%), выздоровевших 1 871 669 чел. (38,7%), продолжают болеть 2 641 427 чел. (54,7%). Пандемия началась в Китае, где зафиксировано всего 82 954 случаев заражений, смертельными оказались 4 634 случаев (5,6%), выздоровевших – 78 238 лиц (94,3%), сейчас болеют – 82 (0,1%). В США всего 1 528 179 случаев заражений; смертельных случаев 90 988 (6,0%), выздоровевших 346 389 чел., (22,7%), еще болеют – 1 090 802 (71,3%). В Италии всего 225 435 случаев заражений, смертельных случаев 31 908 (14,2%), выздоровевших – 125 176 чел. (55,5%), сейчас болеют – 68351 чел. (30,3%). В России всего 290 678 случаев заражений, смертельные случаи – 2 722 (0,9%), выздоровевших – 70 209 (24,2%), еще болеют – 217 747 чел. (74,9%). В Украине выявлено всего 18 616 случаев заражений, из них смертельных случаев – 535 (2,9%), выздоровевших – 5 276 (28,3%), сейчас болеют – 12 805 (68,8%). Как видим, на данный момент наибольших успехов в борьбе с пандемией добился Китай, а наиболее пострадало от пандемии население США, где удельный вес смертельных случаев составляет более 30% от общемирового показателя. Неопровержимые факты заставляют признать, что самая богатая страна мира оказалась наиболее уязвимой перед ударами пандемии. Китай в борьбе с коронавирусом продемонстрировал всему миру способность государственной власти подавить пандемию в городе Ухань (с населением 11 млн. чел.).

Уязвимость различных стран от пандемии коронавируса в определяющей мере зависит как от национальной системы здравоохранения страны, так и от системы государственного управления. Системы здравоохранения сложились под влиянием исторических, экономических, социальных и политических факторов и подразделяются на три основных модели: 1) бюджетная (система Бевриджа); 2) социально-страховая (система Бисмарка); 3) частная. Основным источником финан-

сирования бюджетной модели служит госбюджет (налоговые поступления). Государство практически полностью покрывает медицинские услуги для всего населения и управляет системой медицинской помощи. Такая бюджетная модель сложилась в Великобритании. Социально-страховая модель финансируется не из налогов, а из взносов работодателей и работников на медицинское страхование. Так же, как и бюджетная модель, она обеспечивает доступ к услугам здравоохранения для всего или почти всего населения, но медицинские услуги оказывают организации различных форм собственности, а государство играет роль гаранта в обеспечении граждан этими услугами. Социально-страховую модель используют Германия, Франция, Нидерланды, Австрия, Бельгия, Швейцария, Канада и Япония. Особенность частной модели – отсутствие единой системы государственного медицинского обслуживания. Медицинская помощь предоставляется преимущественно на платной основе, за счет частного страхования или из кармана самого потребителя медицинских услуг, а главным инструментом обеспечения потребностей в медицинских услугах является рынок. Такая модель сложилась в США, где отсутствует национальная система здравоохранения, охватывающая все население. США остаются единственной промышленно развитой страной, в которой гарантии государства в области медицинской помощи распространяются лишь на ограниченный круг граждан, а доступ к услугам здравоохранения носит фрагментарный характер. Системы здравоохранения, основанные на моделях Бисмарка и Бевериджа, тратят на здравоохранение – не менее 9–11% своего ВВП. При этом 70 и более процентов совокупных затрат финансируется из общественных средств, что обеспечивает всеобщий охват населения гарантированными медицинскими услугами надлежащего качества [1].

В ноябре 2016 г. Генеральный директор ВОЗ Маргарет Чен отметила, что самая населенная страна мира использовала свой устойчивый экономический рост, чтобы помочь миллионам своих граждан выбраться из бедности, а в том, что касается сокращения угроз для здоровья населения, Китай смог добиться впечатляющих успехов. Эта страна ликвидировала оспу, на два десятилетия опередив остальной мир. В течение трех лет, предшествовавших последнему случаю этой болезни, в Китае от оспы было вакцинировано более 500 млн. человек. В 2003 г., когда разразилась вспышка ТОРС, меры, принятые Китаем, были объектом серьезной критики, а в условиях вспышки птичьего гриппа H7N9 Китай принял меры высочайшего класса. Китай создал крупнейшую в мире электронную систему эпидемиологического надзора в режиме реального времени, и показал, каким образом может быть организована мгновенная передача исчерпывающей эпидемиологической информации. В течение последнего десятилетия Китай провел реформу системы здравоохранения с целью сделать так, чтобы услуги здравоохранения были доступны не только жителям процветающих мегаполисов. В начале этого века менее одной трети населения Китая имело доступ к медицинскому страхованию. Сегодня медицинским страхованием охвачено практически 100% населения [2].

Как видим, успеху Китая в борьбе с пандемией предшествовала огромная работа в сфере государственного и социального управления, направленная на создание национальной системы здравоохранения, обеспечивающей здоровье и бактериологическую безопасность граждан. Модель системы здравоохранения в США, которая регулируется рынком, а не государством, несмотря на самый высокий уровень финансовых расходов и медицинских технологий, выявила очень высокую степень уязвимости перед пандемией. Модель США наглядно демонстрирует, что социальные системы, которые жестко ориентированы на зарабатывание денег, не всегда способны обеспечивать безопасность общества.

Плачевный результат борьбы с коронавирусом в США должен послужить предостережением для реформаторов в Украине, которые неолиберальными реформами нанесли огромный урон социальному организму Украины. Эти «реформы» обусловили масштабные социальные процессы деструктивного характера: деиндустриализацию страны, деградацию техносферы, архаизацию жизни крестьян, деградацию трудовых ресурсов, депопуляцию населения. Все эти процессы являются составными демодернизации украинского общества.

Реформа системы здравоохранения Украины, которую начала У. Супрун, предусматривает сокращение и без того жалких государственных расходов и переход большинства медицинских учреждений (из тех, которые уцелеют) к частной системе медицинских услуг, которая будет недоступной для огромной части украинского общества. Уход государства от совершенствования системы государственного здравоохранения является полной противоположностью реформе в Китае и означает переход к частной модели по образцу США, но с мизерным ресурсным обеспечением. В случае новых пандемий такая система грозит полной катастрофой для уже вымирающего украинского народа.

Dr. Владимир Скворец
Запорожский Национальный
Университет

ЛИТЕРАТУРА:

1. Максимова Л.В. Анализ систем здравоохранения ведущих зарубежных стран /Максимова Л.В., В.В. Омеляновский М.В., Сура // Медицинские технологии. 2014. №1. С. 37-45. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mt-choice.ru/docs/articles/mt_15_2014-1_37-45.pdf
2. Чен М. Растущий вклад Китая в здравоохранение внутри страны и на мировой арене. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.who.int/dg/speeches/2016/china-contribution-health/ru/>

Церкви в Украине перед вызовом COVID-19: ответственность vs безответственность

Dr. Buma Tитаренко

COVID-19, который охватил сегодня, более 150 стран, включая Украину, стал важным событием, поделив в очередной раз историю человечества, на периоды «до» и «после». Возникли новые цивилизационные вызовы, на которые правительства и общество каждой страны реагируют, по-разному.

Пандемия, обострив ряд уже существующих проблем, создала новые, способные расслоить украинское общество, усложнить отношения и взаимопонимание между различными его институтами. В частности, Церковь является общественным институтом, наделенным значительным авторитетом. Уровень религиозности в Украине остается достаточно высоким – число тех, кто признает себя верующим, составляет 66% [Держава і Церква 2019: 12].

Институализированный религиозный сегмент включает, как наиболее многочисленные, следующие церкви: ПЦУ (13,2%), УПЦ МП (10,6%), УГКЦ (9,5%) [Там же: 14, 15], способные оказывать своей деятельностью значительное влияние на здоровье отдельных членов и общества в целом, особенно в условиях, отягощенных пандемией. Но, оказываемое влияние неоднородно, по своей сути, и вызывает неоднозначную реакцию государственных институтов, гражданского общества, СМИ и предполагает, по этому поводу, религиозоведческую рефлексию.

Ситуация внутри страны, очевидно движется к усложнению из-за пандемии, поскольку люди лишены ощущение душевного комфорта. Поэтому взвешенная, адекватная политика церквей, или же наоборот, отсутствие осознанной ответственности – приобретают широкий резонанс в обществе, поскольку заключают в себе далеко идущие последствия для физического, нравственного и психического здоровья граждан. Как известно, усиление карантинных мер в Украине совпало с проведением ряда важных христианских праздников (Вербное воскресенье, Пасха), форма проведения которых стала, по большому счету, лакмусовой бумажкой для определения позиций церквей в ситуации пандемии: что же важнее – отстаивание интересов церкви или здоровье и жизнь верующих?

Прежде, чем изложить рефлексии, которые могут быть острыми и раздражающими для представителей некоторых церквей и способны вызвать обвинения религиоведов в предубежденности и необъективности, обозначим, опираясь на утверждение польского исследователя А.Бронка, что, с одной стороны, проблемность без субъективного религиоведения, в определенной степе-

ни, существует и заключается в том, что религиовед, так или иначе, но руководствуется культурными, мировоззренческими или идеологическими интерпретациями религиозных явлений в ходе осуществляемого им исследования, а поэтому, абсолютная объективность кажется невозможной. [Бронк 2011: С.85–98]. Но, с другой стороны, противоречивость, кроющаяся в этом утверждении, тем не менее, имеет способность решаться в плоскости методологии исследований, как места встречи конкурирующих точек зрения. Основываясь на базовых принципах академического религиоведения (объективности, историзма, вне конфессиональности, не ангажированности, толерантности, мировоззренческого плюрализма), автор опирается на исследовательскую позицию, согласно которой текстура и объемность действительности познается, через глубокое знание предмета исследования и его специфики, а действительность как предмет анализа, не подменяется «идеологически выверенным и контекстуально сформированным» симулякром [Майдан і Церква 2014 : 10].

Итак, какой именно предстала анализируемая действительность, накануне и во время больших христианских праздников в Украине? Ведь во многом параметры этой действительности формировались посредством озвученных позиций лидеров церквей, их установок, обращений к верующим и тому подобное.

Вероятно, церквям непросто было определиться с правилами поведения для своих верующих в условиях карантина в такой важный для них период значимых христианских праздников. Однако глава ПЦУ митрополит Эпифаний и Верховный архиепископ УГКЦ Святослав Шевчук нашли возможность для своих верующих прикоснуться к таинствам в Пасхальные праздники, соблюдая условия карантина, обезопасив, тем самым, здоровье свое и своих близких. Прежде всего, митрополит ПЦУ Эпифаний, проявляя заботу церкви об украинском обществе, отказался от поездки за благодатным огнем, передав выделенные спонсорами средства на это мероприятие – врачам. Оба руководителя вышеназванных церквей призывали своих прихожан оставаться дома и отмечать праздник Пасхи в родных стенах: «Мы просили всех наших верующих праздновать эту Пасху дома. И мы сможем пережить пасхальную радость вместе с вами, не подвергая ваше здоровье и жизнь опасности. Поэтому, давайте молиться вместе, молиться онлайн. Освятим пасхальные корзины дома!» [«Залишайте вдома» 2020].

Иную позицию продемонстрировала УПЦ МП, где от низших звеньев священнослужителей до самой верхушки в лице главы церкви – митрополита Онуфрия, звучали убеждения о безвредности коронавируса и невозможности его передачи через таинство причастия. Видеохостинги многократно подтверждают подобные призывы. Такая позиция церкви подвергла опасности, в первую очередь тех, кто идентифицирует себя прихожанами УПЦ МП, доверяет церкви и ее главе. Но не только их, но и других членов украинского общества, поскольку все граждане находятся в одном жизненном пространстве, на одной территории, пользуются одними и теми же доступными благами.

В одном из своих обращений митрополит УПЦ МП Онуфрий озвучивает свою позицию относительно коронавируса следующим образом: «Не столь важно, реальный или виртуальный коронавирус, как в этом нас уверяют без умолку эксперты и СМИ». И приводит «поучительный» пример о том, что это может быть «психологическое» явление, и более мы, под влиянием паники и самовнушения [“Паніка й самонавіювання” 2020]. В речах митрополита Онуфрия не звучало призывов для верующих оставаться дома на Пасху, не было уточнений по поводу освящения куличей и пасхальных корзин.

Как известно, только для Украины не было запрета РПЦ проводить пасхальные богослужения с участием верующих. На территории России и в большинстве ее митрополий за рубежом действовали разной степени ограничения. Тем не менее, УПЦ МП проявила себя игнорированием карантинных мероприятий, которое едва ли, можно воспринимать, как акт независимости церкви от своего руководства в РПЦ. Еще в марте на Синодах, проведенных в Москве и Киеве, решался вопрос, какие именно меры безопасности необходимо принять в связи с пандемией. Оба Синода приняли решения, которые обоснованно расцениваются, как отстаивание интересов церкви, а не здоровья и жизни верующих [Мискович 2020]. Неудивительно, что демонстративное нарушение УПЦ МП санитарных требований и проведение Пасхальных богослужений с участием верующих, повлекло жесткую критику в СМИ и соцсетях, маркируя такое отношение церкви, как оппозицию к украинскому государству, украинским законам и здравому смыслу. В результате такой безответственной позиции церкви, очагами заражения коронавирусом стали крупнейшие паломнические центры УПЦ МП: Киево-Печерская, Почаевская лавры и ряд монастырей. Министерство

здравоохранения Украины сообщало о подозрении относительно большой вспышки инфекции коронавируса в Почаевской Лавре, однако не смогло это подтвердить, из-за отказа настоятеля лавры сотрудничать с МЗУ. Это стало демонстрацией нынешней украинской власти некой собственной экстерриториальности со стороны представителей Лавры [Деркач 2020]. К сожалению, эта ситуация показала «новую-старую» проблему из сферы государственно-конфессиональных отношений, которую Украина проходила, еще во времена В.Януковича, когда одни религиозные организации считались «равнее» других и пользовались определенными преференциями. Иллюстрацией «перекоса» в отношении к религиозным организациям в настоящее время, по нашему мнению, стал прецедент с обыском помещений христианской церкви «Новое поколение» (г. Першотравенск), проведенным спецподразделением правоохранительных органов в ночное время. Предметом поисков были материалы, которые могли бы подтвердить нарушение карантина со стороны членов и руководства церкви. При этом, служение на Вербное Воскресенье в церкви УПЦ МП, в том же Першотравенске, осуществляемое с нарушением карантинных мер, не повлекло за собой никаких последствий. Реакция со стороны власти (в первую очередь, местной) – нейтральная по отношению к УПЦ МП и остро негативная, по отношению к церкви «Новое поколение», воспринимается последней, как искусственно инспирированное преследование. Сложно представить возможность проведения обысков в паломнических центрах, монастырях и церквях УПЦ МП при условии, что именно тут откровенно игнорировались карантинные меры.

Заметное сворачивание религиозной свободы, а в более общем виде – «ползущее» изменение вектора государственной политики от светскости в сторону возвышения определенной конфессии (через отношение высших должностных лиц, реакции местных органов власти, бездействия силовых структур там, где к другим конфессиям применяются разного рода меры), происходит в окружающей нас действительности и насколько эти изменения закрепятся в обществе, под предлогом COVID-19, станут ли эти изменения масштабными и необратимыми – зависит от многих факторов: реакции других религиозных организаций, СМИ, гражданского общества, научного сообщества и других групп интересов.

Итак, COVID-19 создал такие вызовы, на которые правительства и общество разных стран еще вырабатывают нужную реакцию. Перед украинским обществом, также возникли непростые вопросы, которые, вероятно, не имеют универсального ответа или алгоритма решений. Но направленность действий, продемонстрированная украинскими церквями в условиях пандемии – куда «можно и нужно двигаться», а куда – «нельзя и опасно», маркируются достаточно четко, для определения их позиции по шкале: «ответственность vs безответственность». В свою очередь, такая ситуация требует адекватной, объективной и соответствующей оценки и реакции со стороны, прежде всего, украинского государства – согласно Конституции, действующего законодательства, без преференций для отдельных конфессий, что послужит укреплению государственно-конфессиональных отношений и выработке согласованных решений разных институтов общества в преодолении COVID-19 и его последствий.

Dr. Вита Титаренко
Институт философии
имени Г. С. Сковороды
НАН Украины

ЛИТЕРАТУРА:

- [1] «Залишайтеся вдома»: УГКЦ та ПЦУ закликали вірян «правильно» святкувати Великдень (2020, Квітень 14). [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://chas.cv.ua/>
- [2] «Паніка й самонавіювання», «молитва зціляє коронавірус». Звернення Онуфрія (МП) пояснює саботаж карантину 20 квітня 2020 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://texty.org.ua/>
- [3] Бронк А. (2011). О причинах невозможности безпредпосылочного и в этом смысле объектив-

ного изучения религии В Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. Вып. 5 (37). 85–98.

[4] Держава і Церква в Україні – 2019: Підсумки року і перспективи розвитку відносин (інформаційні матеріали) (2019), Київ: Razumkov centre. 70 с.

[5] Деркач Т. (2020, Квітень 23) Страсний Великдень-2020: підсумки та висновки, [Електронний ресурс]. – Режим доступа: https://glavcom.ua/columns/tetyana_derkach/strasniy-velikoden-2020-pidsumki-ta-visnovki-675215.html

[6] Майдан і церква. (2014) Хроніка подій та експертна оцінка. За заг. ред. д-ра.філос. наук Л.Л. Филипович і канд.філос. наук О.В.Горкуші. К.: Самміт-Книга, 656 с.

[7] Міскович Я. (2020, Травень 11) Приходьте, моліться, святіть, або Чому УПЦ (МП) не слухається Кіріла, [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ukrinform.ua/>

**Апокаліптичні очікування в глобалізованому світі: основні тенденції
в межах теології новітнього протестантизму
Марія Ярославівна Бардин**

Дві тисячі років тому в книзі «Об’явлення Іоанна Богослова» було передбачені всі проблеми сьогодення, зокрема, землетруси, епідемії та віруси, екологічні зміни та ін. Складно повірити, але всі глобальні проблеми, які постали перед людством нині докладно описані в останній книзі Нового Завіту. Давній християнський пророк описав загрози, які ми зараз зазнаємо, це і глобальне потепління, і мутація вірусів. Варто зазначити, що в книзі «Об’явлення Іоанна Богослова» дається надія на порятунок, після кінця світу настане Вічне царство Боже.

Яким же буде кінець світу задаються питанням, як науковці, так і пересічні люди, віруючи і навіть скептики атеїсти. Книга «Об’явлення Іоанна Богослова» — найвідоміший в світі прогноз загибелі всього людства. Пророцтво найвірогідніших природніх і техногенних катастроф, які загрожують людству сьогодні.

Очевидно, що коли Іоанн Богослов писав книгу, він не міг описати її сучасними термінами, але символи і смисл, загадкові пророцтва приховані в тексті можуть бути розшифровані. Суспільна свідомість стає все більш орієнтованою на неминуче завершення історичного процесу, на можливу, ймовірну загибель цивілізації. Сучасна цивілізація чимось нагадує поїзд, який з шаленою швидкістю мчить в прірву, і питання полягає лише в часі настання кінця. І якби сьогодні відбулася глобальна катастрофа планетарного масштабу, що знищила все людство або більшу його частину, здається, це не викликало б навіть особливого подиву, а, навпаки,— стало б підтвердження, що цього і слід було б очікувати. Більш того, в сучасному світі люди привчаються жити в світі вже після глобальної катастрофи.

Улюбленим жанром літератури, мистецтва, кінематографії, комп’ютерних ігор стає тема «постапокаліптичного» стану людства — світу після «Апокаліпсису», страшної глобальної катастрофи. Все більш популярним стає особливий, специфічний термін — «постапокаліптика». З чисто літературного поняття, яким традиційно позначався жанр наукової фантастики, який передбачає розвиток дій в світі після якої-небудь глобальної катастрофи, він набуває все більш універсальний характер, займає нову нішу і вимагає відповідної філософсько-релігійно-наукового дослідження. Сучасний стан суспільства можна також охарактеризувати як відчуття нескінченно триваючої кризи. П. Пікер абсолютно точно характеризує цей стан як вічна криза, безперервно триваючий Апокаліпсис. Ідея кризи при цьому набуває рис квазі-вічності.

Слідом за формуванням єдиної економічної, політичної і соціальної системи в сучасному світі почалися зміни і в духовній сфері життя суспільства. Процеси глобалізації, що розвиваються в релігійній сфері, торкнулися і до есхатологічної проблематики, зокрема, в контексті сучасних апокаліптичних рефлексій в світлі глобалізованих змін, тим самим поставивши питання про необхідність наукової оцінки тенденцій їх розвитку. В світлі сучасних подій актуалізувались глобальні проблеми людства в апокаліптичній теології новітнього протестантизму.

В релігійній літературі п'ятидесятників особлива увага приділяється пророцтвам про близький кінець світу, який є наслідком глобальних проблем. Військові, терористичні, екологічні та інші фактори є великою загрозою для всього людства і світу. Аборти, алкоголізм, сатанізм, одностатеві шлюби, наркоманія, вульгаризація доктрин, секуляризм, матеріалізм — ось головні сучасні проблеми людства, на думку п'ятидесятників, які стануть причиною початку Армагедонну.

Варто відзначити, що п'ятидесятники, як і інші протестанти, стверджують, що в основі всіх проблем — гріховність людини та її неспроможність створити нормальні умови життя на землі. На думку п'ятидесятників остаточне вирішення сучасних проблем можливе лише в Тисячолітньому Царстві, саме тоді будуть ліквідовані всі загрози. Людству слід орієнтуватись лише на Біблію, адже лише в ній міститься вся істина стосовно нашого майбутнього. Орієнтуючись на апокаліптичне майбутнє слід пам'ятати про покаєння та добрі справи.

Адвентисти сьомого дня вважають, що головними глобальними проблемами XX–XXI ст. є: хвороби, стихійні лиха, голод, бідність, екологічна ситуація, насилля та тероризм. Норман Галлі — доктор філософії, професор систематичного богослов'я Східного адвентистського університету наголошував, що руйнівні прояви сатанинської політики уже наявні сьогодні і в майбутньому слід чекати їх активізації. В релігійній літературі адвентистів акцентується увага на суперечливих тенденціях у зв'язку з глобалізацією світу: крайнощах бідності і багатства, аморалізмі, гонитвою за матеріальним достатком і прагненням до панування, маніпулювання людьми, використовуючи ЗМІ та ін.

Адвентисти вірять, що торжество добра над злом наступить після другого пришествя Христа та Армагеддону. Варто зазначити, що акти тероризму і насильства адвентисти також трактують як частину вселенської війни між добром і злом. Власне, для боротьби з сучасними проблемами було утворене Адвентистське агентство допомоги і розвитку (АДРА), яке надає допомогу постраждалим від стихійних лих. Вони постійно проводять акції направлені проти алкогольної і тютюнової залежності, займаються благодійністю.

Володимир Крупський — пастор, президент протестантської деномінації Церква адвентистів сьомого дня в Україні, секретар Євро-Азійського дивізіону у інтерв'ю кореспонденту Радіо Свобода (14 Листопад 2006) відзначив, що Церква адвентистів сьомого дня вірить в те, що пришествя Ісуса Христа обов'язково буде і це буде не як якийсь фатальний кінець, а як результат того плану, який Бог складає для людства. Повернення Христа адвентисти пов'язують з оновленням землі і початком нової ери для всього людства. Він відзначив, що ознаки другого приходу Христа виконуються в наш час.

На питання «Що проповідують про кінець світу в Церквах України?» Президент об'єднання незалежних харизматичних церков Повного Євангелія України Анатолій Гаврилюк відповів, що всі ознаки наближення кінця очевидні в наш час. Зокрема, він виділяє наступні ознаки кінця світу: війни, голод, землетруси, катаклізми, катастрофи.

Релігієзнавець, дослідник протестантизму Михайло Черенков зазначає, що євангельське християнство сприймає сучасність і сучасне суспільство як сферу свого життя і служіння, долаючи дуалізм церкви і суспільства, релігії і культури. Євангельські церкви орієнтуються на майбутнє, а не в минуле. Таким чином, сучасна протестантська теологія пронизана апокаліптичною проблематикою в світлі глобалізації світу. Спасіння від всіх сучасних загрози вони вбачають лише в новому світі, яким пануватиме уряд Всевишнього.

Бардія Марія Ярославівна
*Дослідник держаних церковних
відносин, есхатології,
християнства*

Пандемия COVID-19 выступила «тест-драйвом» глобализации. До хронотопа «Пандемия-2020» глобализация в наиболее общем виде представлялась компьютеризацией, транснационализацией и регионализацией экономики и производства, возрастающей мобильностью населения и его коммуникативностью. Несмотря на то, что эти возможности были доступны меньшинству населения планеты, преимуществами глобализации рассматривались скорость, достижимость, коммуникативность. В качестве недостатков представлялись: «размывание» культур, «массовизация» сознания, перекосы в распределении жизненных ресурсов. Объективно оценивая особенности культурно-исторического этапа и возможности движения «антиглобализации», его риторика была направлена не на остановку или возвращение общества в прошлое, усилия направлялись в основном, на снижение доли такой составляющей глобализма как, например, «американизация».

Пандемия и вызванный ею карантин выступили вызовом большинству ценностей современной мир-системы неожиданно сопоставив «официальные декларации» и реальность человечества XXI века. Глобализация утратила ореол «коммунальной кухни». Закрываясь перед распространением COVID-19 государственные границы экономические и культурные системы на удивление быстро приобретают «местечковый» характер. Системы образования, здравоохранения, социальной политики различных мир-систем оказываются в истинно королевском одеянии – «голыми».

Таким образом, глобализация, её популярные модели не прошли проверку вызовами пандемии, пандемия укрепила позиции регионализма. Глобальная ресурсность рефлекторно «схлопнулась» до ресурсности региональной, культурной, ментальной и личностной. Неэффективность государства в вопросах управления различными обеспечивающими секторами проявляя функциональность «докторов Комаровских», как воплощения ресурса волонтерства, подталкивает население к выводу о необходимости решения вопросов личной ресурсности, что, в свою очередь, пробуждает интерес к понятию «ресурсного сознания».

«Ресурсное сознание» – термин, объединяющий понимание родовой составляющей – сознания, как специфической формы отражения и духовного освоения действительности, присущей высокоорганизованной материи, образующей субъективные образы объективного мира, проявляется в восприятии, сохранении и обработке информации, использовании этой информации для выработки программ деятельности, в активном управлении этой деятельностью (В. Воловик) и видовой составляющей словосочетания – ресурсности, термина имеющего происхождение от латинского слова *resurgo*, что в переводе означает: подниматься, возникать снова. Распространенное содержание понятия «ресурса» охватывает разного рода средства, которые, в случае необходимости, может использовать человек.

Анализируя содержание понятия «ресурсного сознания», мы предварительно определяем его как форму субъективного образа определенных объектов действительности, которые используются и могут быть использованы в программах деятельности по гармонизации отношения человека и мира. Данное определение опирается на весь багаж природного и культурного опыта, накопленного человечеством безотносительно к его научной или какой-либо иной ценности в явной или не явной форме транслирующегося генетически и культурно. В нашем случае, в условиях «Пандемии-2020», в анализе ресурсного сознания ведущим выступает комплиментарно-тетрарное взаимодействие принципов диалектики, ресурсности и потенциальности реализующихся в практической действительности, которая находит своё выражение в гармонизации личностной жизнестойкости, невозможной без урегулирования отношений с концепцией смерти.

Данное направление соответствует формулировке экономической деятельности в классификаторе (КВЭД-2010) под названием «Исследование и экспериментальные разработки в области общественных и гуманитарных наук» и включает многоотраслевые исследования и разработки преимущественно в сфере общественных и гуманитарных наук, что в свою очередь актуализирует, такое явление как «ресурсные индустрии» – совокупность тенденций и направлений современного развития экономики, которые характеризуется органическим сочетанием и использованием знаний, информации и креативности в области практики ресурсной рекреации человека. Как и креативные индустрии, «ресурсные индустрии» органично сочетают материальную и духовную культуру, традиции, креативность и инновации, преодолевают культурную обособленность благодаря международным программам сотрудничества через эффективное использование информационного пространства, открытого доступа к информационным потокам, благодаря куль-

турному и этническому разнообразию создавая современные функциональные модели видения мира основывающиеся на потенциале творчества, креативности, нравственности, толерантности, комплиментарности, оптимизма и искренности. Таким образом, исследования и оптимизация ресурсного сознания — основы ресурсной индустрии, выступает формой общественного сознания человека будущего.

Dr. Игорь Каприцын
Запорожский национальный
университет

Деятельность в условия эпидемии и постэпидемиологический период *Ph.D. Олег Мальцев*

Последние несколько месяцев были огромной проблемой для всего мира; люди сталкиваются с чрезвычайной ситуацией, которая не позволяет большинству населения планеты вести свою профессиональную деятельность, как они это делали раньше; поддерживать свой образ жизни, обучаться. Они испытывали воздействие глобальной экономической среды, которая стала хрупкой среди многих других вещей. Пандемия COVID-19 парализовала практически все виды транспорта, не говоря уже о введенных ограничениях, которые мешают нормальному образу жизни. Я был свидетелем событий, связанных с пандемией, почти по всей Европе, поскольку проводил научные исследования с Экспедиционным корпусом в марте 2020 года, что совпало с началом пандемии. Когда мы прибыли в Германию, эпидемия еще не была в чрезвычайной ситуации, в то время как в Китае и Италии вирус быстро распространялся, убивая сотни людей. Первоначально научным планом экспедиции было изучение психологии Юга Италии, но я был вынужден изучать психологию всей Европы, потому что события начали разворачиваться с повышенной скоростью. В результате нашей полевой работы в пяти европейских странах за тридцать дней я написал монографию под названием «Как я заставили изучать психологию Европы или момент истины», которая недавно была опубликована на русском языке (и находится в свободном доступе в сети Интернет).

Монография содержит подробное описание того, что происходило в Европе в начале чрезвычайной ситуации, иллюстрированное фактами и доказательствами. Данный доклад для PALE-2020 рассматривает только частичное и поверхностное рассмотрение вопроса, так как одного документа недостаточно, чтобы передать то, что изложено в монографии в полном объеме.

На данный момент я все еще склонен думать, что эта пандемия является хорошо подготовленной акцией, хотя это не означает, что вирус ненастоящий, он очень реальный и имеет разрушительные последствия. Вопрос в другом, в прошлом году и в предыдущие годы люди болели так же, как и сейчас, но никто не обращал на это особого внимания. На этот раз COVID-19 оказался в центре внимания буквально всего и всех, что привело к объявлению ВОЗ всемирной пандемии и другим последующим событиям. То, что бросается в глаза - это неспособность государств справляться с эпидемическими ситуациями, особенно в Италии и Германии (и, конечно, в правительстве Китая).

«Цивилизованный мир» должен быть способен действовать в состоянии пандемии и демонстрировать «класс» работы в таких условиях. Под «классом» подразумевается выполнение и решение поставленной перед государством задачи без нарушения Конституции, прав и свобод человека, соглашения Европейского союза и международных конвенций. Например, в Италии произошли довольно странные инциденты, начиная с беспорядков в колониях до полной свободы действий и передвижения, что значительно ухудшило эпидемиологическое состояние Ев-

ропы. Многие итальянцы начали массово эмигрировать из Италии во Францию, Германию, Испанию и другие страны, усугубляя распространение COVID-19 по всей Европе. Германия, Австрия и другие государства могли бы совместно временно закрыть свои границы с Италией и отправить своих лучших специалистов помочь итальянскому государству локализовать эпидемию и продемонстрировать сплоченную работу Европейского Союза, но, увы, это было не так. Вместо этого государственные учреждения всех этих стран сделали то же самое, в основном:

1) **Ввели войска (военных) на улицы.** Что сразу вызвало вопросы о том, на основании чего воинские формирования используются для борьбы с народом. Ведь согласно закону армия должна стоять на защите народа, а не выступать против него. Если офицеру приказали выйти на улицу и действовать как «тюремщик», держать под контролем все население страны, чтобы люди сидели по домам как по клеткам в зоопарке, то такой офицер должен был написать заявление об отставке. Аргументом в пользу отставки мог послужить тот факт, что он, будучи офицером вооруженных сил, должен защищать государство от внешних нападавших, и не вмешиваться во внутренние проблемы как таковые. Ни один из офицеров в Европе этого не сделал, предполагая, что в Европе нет армии. Ситуация с пандемией ясно показала, что в Европе нет армии, кроме полиции (армия и спецслужбы стали полицией). Кроме того, полиция связана с правоохранительными органами, призванными бороться с преступностью, а не нарушать права граждан. Вышеуказанное было сделано почти каждой страной ЕС, за исключением некоторых стран, таких как Португалия, Швеция, Нидерланды, которые отказались сотрудничать в условиях карантина, аргументируя это тем, что они справятся с ситуацией самостоятельно.

2) **Нарушение законодательства Европейского Союза и его постановлений.** Первой страной, нарушившей Шенгенское соглашение, была Германия, которая привела к массовым протестам против расширенного карантина и созданию новой политической партии «Widerstand 2020», которая вступила в противоречие с решениями рейхсканцлера Ангелы Меркель. Очевидно, что это только начало, наряду с Black Lives Matter, мы видим возникающие беспорядки в разных странах по всему миру.

3) **«Поиск» вакцины.** Большинство вирусологов утверждают, что эту вакцину вряд ли можно найти, поскольку вирус постоянно мутирует и приспосабливается к различным факторам.

4) Постепенное **усиление карантинных мер на основе китайской модели** по борьбе с так называемым вирусом, распространяющимся по всему миру. Как альтернативу этому, возможно было бы организовать:

1. *Качественные профилактические меры по заболеваемости* путем укрепления иммунной системы граждан, информирование о профилактических мерах, которые могут быть реализованы кем угодно.
2. *Разработка быстрых методов лечения заболеваний*, связанных с гриппом и другими инфекционными формами (обеспечить лечение быстрее, чем появление у людей серьезных симптомов).

Эти две формы, организованные государством, обеспечат порядок в эпидемиологических ситуациях. Тем не менее, большая часть людей наиболее отчаянно ищут вакцину. С экономической точки зрения такая политика ясна; это означает наличие огромного финансирования для «поиска вакцины», что позволяет некоторым людям зарабатывать на беде мирового сообщества. Если предположить, кому выгодна пандемия, я бы обратил внимание на два момента: во-первых, наиболее вероятно, что определенная страна будет заинтересована в создании подобных ситуаций в мире, которая на протяжении почти 7 лет живет в условиях изоляции и санкции. В течение тех лет они уже давно перестроилось под новые условия, и проблема импорта была решена государственным производством. Таким образом, пандемия никак не нее не повлияла, как в других странах, и на сегодня это самая богатая страна с самой мощной армией.

Едва ли может продолжаться Европа, какой она является сегодня. С моей точки зрения, Европейский Союз прекратил свое существование, когда Германия закрыла свои границы в одностороннем порядке, нарушив Шенгенское соглашение. Официальное обращение Ангелы Меркель 16 марта 2020 года наглядно продемонстрировало ее подход: не позволять «посторонним» потреблять пищу и занимать кровати в больницах». Надо сказать, что другие страны ЕС сделали то же самое во имя «безопасности». Тем не менее, это похоже на фантастический фильм; если вы продолжаете нарушать законы, ситуация становится менее безопасной. К сожалению, верховен-

ство права перестало быть высшей ценностью для европейского сообщества, а безопасность стала фикцией, потому что отсутствие порядка приводит к небезопасной обстановке. Вместо того, чтобы соблюдать закон, большинство людей испугались в начале карантина из-за массовой бомбардировки статистики смертности и сообщений в СМИ. На данный момент «полномасштабное ограбление» Европы подходит к концу, и когда-то объявленный европейский образ жизни больше не работает. Вся введенная система с блокировками и другими ограничениями навсегда оставит след на психофизиологическом уровне на европейском континенте. Теперь люди будут думать о том, как им следует организовать свою жизнь на случай, если подобная чрезвычайная ситуация повторится в постпандемическую эпоху.

Принимая во внимание разные прогнозы, Европа, по всей видимости, переживет экстремальную промышленную и экономическую перестройку. Вероятно, возникнет какая-то новая форма организации европейских государств между собой, новая форма отношений между другими государствами Евросоюза. И это будут серьезные изменения. С управленческой точки зрения, кто виноват в том, что произошло? Конечно, правительства, но ни одно правительство не будет наказано за его неправомерные действия, и те, кто придет к власти в следующий раз, признают, что независимо от того, что они делают, сколько бы ни погибло людей, они не будут нести ответственность за это. Как следствие, уже в разгар пандемии некоторые начали использовать ситуацию в своих интересах. Даже те, кто ее не организовывал, нашли способы использовать ее в собственных интересах. Многие люди используют эту ситуацию, так как некоторые не против продолжить «пандемию» еще на 3-4 месяца, чтобы заработать больше денег (что очень антропологично). Антропологически человек организован так, что он не может действовать в интересах вида, а только в своих собственных интересах. Таким образом, большинство государств не могут справиться с ситуацией и действовать в этих условиях. Между тем, некоторые государства, такие как Беларусь, Швеция, Португалия, Россия, справляются с ситуацией достаточно эффективно. Основная причина в том, что эти государства имеют централизованное руководство и способны противостоять возникающим угрозам (известно на основе фактических данных, полученных от разных ученых, с которыми я сотрудничаю, что также изложено в монографии).

Пандемия COVID-19 показала, что частные лица, частные спасательные службы гораздо более эффективны в чрезвычайных ситуациях, чем государства. Это проблема не изучалась очень давно, но она крайне проста. У государств нет компетентных людей, которые могли бы эффективно решать вышеупомянутые задачи на профессиональном уровне. Неспособность правительств лежит именно в плоскости некомпетентности. Некомпетентность - это те условия, которые созданы для высококлассных специалистов в государстве, для того, чтобы эти люди могли каким-то образом помочь или послужить стране.

Были случаи, когда глава правительства уходил в отставку в критической ситуации, и наемный специалист временно исполнял роль первого. Если бы такое частное лицо пришло к власти на время пандемии и введенного карантина, то вопрос был бы решен в очень короткий период времени, при этом без нарушения законодательства и прав человека.

Напротив, новые рекомендации по пересмотру законодательства и принятию новых законов могли бы быть введены для устранения потенциальных проблем. Тем не менее, нет таких правил или возможностей; соответственно, даже профессионалы класса А, которые могли бы справиться с ситуацией, не имеют никаких механизмов, чтобы помочь государству. Напротив, новые рекомендации по пересмотру законодательства и принятию новых законов могли бы быть введены для устранения потенциальных проблем. Но никаких подобных законодательных актов, правил или возможностей в европейских государствах, в США на сегодня не существует. Соответственно, даже компетентные люди и высококлассные специалисты, кто мог бы прийти к власти на период эпидемии, не имеют никаких механизмов, чтобы помочь государству в подобных случаях.

С другой стороны, «спасение утопающих - дело рук самих утопающих». Каждый борется за себя, и так было всегда. С моей точки зрения, привлечение соответствующих специалистов, частных служб по чрезвычайным ситуациям и частных компаний могло бы сыграть свою роль, если бы это было возможно - на данный момент у нас нет соответствующих законов, которые могли бы это регламентировать.

Ph.D. Олег Мальцев
Украинская Академия Наук,
НИИ Памяти

**Риски постпандемической трансформации демократии:
мировые тенденции и украинские реалии**

Dr. Виталий Кривошеин

Продолжающаяся пандемия коронавирусной инфекции вызвала к жизни множество угроз, наиболее очевидными из которых являются вызовы для системы здравоохранения, усиление кризисных явлений в экономике, а также испытание для демократических систем, причем не только для транзитивных обществ, но и для обществ с устоявшимися демократическими традициями. Несомненно, нынешняя ситуация имеет эпохальный характер для мирового развития, точкою невозврата к старому укладу, подобно тому, как события 11 сентября 2001 г. кардинально изменили мир, его концепцию безопасности. Поэтому сегодня очень важно осмыслить не столько те изменения, которые порождает пандемия – имеющая чрезвычайный характер, но и то, что будет после пандемии.

По большому счету, постпандемическая трансформация демократии может рассматриваться в двух аспектах – осуществление общесистемных изменений, связанных с дрейфом демократии в сторону авторитарных (и даже неототалитарных) тенденций, с одной стороны, и внедрение технологических новаций в сфере отправления демократических процедур и управленческой деятельности – с другой. Экспорт авторитарных методов борьбы с коронавирусной инфекцией, продемонстрировавшие свою эффективность в Китае и других авторитарных режимах, в постпандемический период может быть легитимизирован для глубоко демократизированных стран, не говоря уже о транзитивных обществах, где еще хорошо помнят авторитарные / тоталитарные времена. То есть будут, несомненно, усилены неототалитарные тенденции, проявившиеся в демократических странах еще в допандемический период.

Речь идет о таких проявлениях неототалитаризма: бурное развитие поведенческих (бихевиористских) наук, которые используют для разработки эффективных методов и технологий управления политическим (особенно электоральным) поведением граждан; коммуникационная революция, которая открывает новые технические возможности управления массовым сознанием и политическим поведением людей; глобализация мирового развития, которая создает возможность беспрепятственного использования финансово-экономических и научно-информационных ресурсов для установления контроля со стороны «великих держав» (G-7); обострение экологической и сырьевой проблем и, как следствие, усиление стремления к установлению контроля над дефицитными мировыми ресурсами; ослабление рабочего и демократического движения, которые способны существенно ограничить авторитарные и тоталитарные устремления правящих элит.

Сформированный в ходе информационно-коммуникативной революции новый тип коммуникационного единства актуализировал стремление установления тотального контроля власти над обществом и стал отправной точкой процесса формирования глобальной субкультуры. Глобальная информатизация и компьютеризация, спутниковая связь, цифровые инструменты предоставления административных услуг и прочее делают технически возможным не только систематическую идеологическую индоктринацию, но и управления индивидуальным и групповым (массовым) сознанием и поведением, электронный контроль за жизнью и образом мыслей людей (что красноречиво продемонстрировано успешной практикой обеспечения тотального контроля с использованием новейших телекоммуникационных средств за перемещением людей, соблюдением требований карантина и т.д.). Все это сопровождается разрушением традиционных общественных, церковных, семейных, соседских и других коммуникаций, которые до определенной степени способствуют ограничению возможностей манипулятивного воздействия на сознание.

Касательно второго аспекта постпандемической трансформации демократии – внедрение технологических новаций в сфере отправления демократических процедур и управленческой деятельности – угроза перенесения выборов как ключевого демократического института в связи с введением чрезвычайного режима карантина. Только за последние 1,5-2 месяца в более 40 странах и территориях были перенесены национальные и субнациональные выборы, что создает ряд трудностей в функционировании демократических институтов, в том числе может привести к конституционному коллапсу. Поэтому актуализируется потребность в создании дублирующих физические электоральные процедуры – и в первую очередь внедрение электронного голосования.

Э-голосование – это этап непосредственного волеизъявления граждан, предусматривающий использование электронных средств, как минимум, при проведении голосования, а зачастую и

при подсчете голосов. Внедрение э-технологий в процесс голосования таит в себе как очевидные преимущества (например, удобство для избирателей, дешевизна, прозрачность и четкость процедуры, проведение голосования в чрезвычайных условиях), так и ощутимые недостатки. Как показывает мировой опыт, э-голосование, кроме технических вопросов, имеет множество процедурных аспектов, связанных с влиянием цифровых технологий на демократические процессы. Речь идет о таких рисках внедрения э-голосования: усиление контроля за волеизъявлением граждан со стороны государства; потребность в значительных финансовых инвестициях; возможность фальсификаций при подсчете голосов; угрозы для демократии.

Для Украины внедрение э-голосования, с одной стороны, может способствовать привлечению к голосованию молодежи, людей с ограниченными возможностями и некоторые другие категории избирателей; решает проблему пространственной привязки к избирательному участку (что является проблематичным для высококомобильных избирателей). С другой стороны, значительная часть активных избирателей – люди пожилого возраста, которые не всегда являются продвинутыми пользователями электронных устройств (а иногда и не имеют их) – могут быть искусственно отстранены от избирательного процесса.

Под вопросом остается проблема надежного обеспечения конфиденциальности голосования, поскольку нет гарантии того, что по указанию властей не будут разработаны и нелегально внедрены программы для отслеживания волеизъявления граждан, что нарушает основоположный принцип демократических выборов – тайны голосования. Кроме того, дешевизна э-голосования по сравнению с традиционным голосованием характерна тогда, когда сформирована электронная инфраструктура выборов. То есть для запуска процедуры э-голосования требуются колоссальные инвестиции, которых у Украины нет. Кроме того, полная замена традиционного голосования э-голосованием пока что недостижима, поэтому параллельное существование двух способов голосования снимает вопрос о дешевизне.

В силу перманентного в последнее время падения популярности правящей команды у центральной власти появляется соблазн в связи с карантином перенести сроки проведения местных выборов. Поэтому внедрение э-голосования может быть эффективной мерой сохранения конституционного порядка, преемственности и непрерывности власти, с одной стороны, и решения тактико-стратегических задач для правящей элиты – с другой. И хотя в условиях карантина внедрение э-голосования позволяет провести волеизъявление граждан без нарушения главного условия карантина – недопущения скопления множества людей в одном месте (что проблематично обеспечить традиционным способом голосования даже с соблюдением социальной дистанции и масочного режима), вместе с тем, сохраняются угрозы нарушения базовых демократических принципов – равноправия граждан, свободы агитации, плюрализма мнений и др. Таким образом, исходя из вышеизложенного, для Украины необходимо уже сейчас формировать необходимые политико-правовые механизмы, способные минимизировать возможные риски постпандемической трансформации демократии, сделать переход к новым условиям более мягким и безболезненным.

*Dr. Виталий Кривошеин,
Днепропетровский национальный
университет им. Олеся Гончара*

**Метакогнитивная теория управления конфликтами для построения
новой модели позитивной трансформации Абхазского кризиса**

Dr. Александр Русецкий

Данная теория дает возможность управления теми производными конфликтами, которые возникают в процессе управления или не управления исходным конфликтом. В частности, метакогнитивный подход в процессе управления конфликтами, позволяет наблюдать за конфликтом, псевдоконфликтами, квази-миротворческими и миротворческими процессами. Данная модель позволяет более точно диагностировать проблемы связанные с динамикой развития конфликта и миротворческого процесса.

Это не универсальная теория конфликта, к построению которой стремился американский экономист, социолог, квакер-пацифист – Боулдинг или его последователи, а это выход в новое – третье измерение контроля и управления процессами.

Данная теория объединяет в себе как известные в науке подходы, так и разработанные нами инновации. в процессе тридцатилетней работы с постсоветскими конфликтами на Кавказе и в Северном Причерноморье и поддержана Грузинским национальным фондом науки имени Шота Руставели.

Данный подход позволяет наблюдать за процессами мышления, дает возможность его коррекции посредством использования альтернативных когнитивных ресурсов и может рассматриваться как ресурс социальной терапии. Он предполагает системное воздействие на социум, с целью уменьшения угроз распространения опасных для общества агрессивных, экстремистских установок. Сама политика социальной терапии общества должна находиться под строгим наблюдением гражданских и международных организаций, с целью недопущения перегибов или использования данных методов в политических целях конкретными группами интересов. Однако, несмотря на существующие риски, социальная терапия общества является необходимым инструментом для его здорового и устойчивого развития.

В данной таблице наглядно приводится сопоставление с одной стороны – некоторых причин не урегулирования и соответствующие альтернативные подходы, предлагаемые нами в рамках Метакогнитивной теории управления конфликтами.

Некоторые причины не урегулирования постсоветских конфликтов на примере Абхазского кризиса:	Основы и возможности Метакогнитивной теории управления конфликтами:
Игнорирование психологической проблемы восприятия конфликтов и создания деформированной картины.	Контроль за нарушениями процесса восприятия и оценки конфликтов с целью недопущения деформации.
Локализация конфликта с целью недопущения его развития.	Превенция двух параллельных процессов: - Эскалации кризиса - Возникновения качественно новых производных конфликтов.
Игнорирование когнитивных возможностей позитивной трансформации кризиса.	Оценка и эффективное использование когнитивных ресурсов миротворчества.
Эгоцентризм и групповой фаворитизм – ориентация на достижение победы отдельными этническими или политическими группами.	Системоцентризм – ориентация на успех всей системы.
Центрация на конкретный переговорный формат.	Содействие развитию навыков управления процессом центрации и децентрации по отношению к миротворческому процессу.
Стагнация миротворческого процесса.	Диверсификация миротворческого процесса посредством создания новых переговорных форматов.

Ограничение участия в переговорах отдельных участников конфликта.	Демократизация переговорных процессов. Интеграция в миротворческий формат всех участников противостояния – повышение уровня легитимности миротворческого процесса.
Несовместимость миротворческого процесса со структурой кризиса.	Конгруэнтность миротворческого процесса структуре кризиса.
Этнократическое мышление в полиэтнических обществах создает предпосылки для формирования этно-националистических конкурирующих проектов, конфронтацию и различные формы насилия, включая вооруженные конфликты и войны. Основа идеологии – «Часть общества должна стать целым»	Гражданское мышление в полиэтнических обществах создает предпосылки усиления гражданской идентичности, осознанию общих задач и выработку патриотических чувств, как основы создания общей системы безопасности.
Этнический национализм в экономике предполагает концентрацию механизмов управления экономическими ресурсами в руках отдельной этнической группы.	Экономический национализм ориентированный на производство и охрану национальных экономических благ от негативного воздействия со стороны внешних акторов глобальной экономики. Вместе с тем, он четко определяет важность регионального измерения экономической деятельности и ведения активной политики на внешних рынках. В этом контексте, полиэтничность общества представляет из себя не проблему, а стратегический экономический ресурс.
Редукционизм – основная проблема, вызывающая деформацию восприятия проблем. В оценке конфликтов, это связано со сводимостью многосоставной сложной системой конфликта к одной из его составляющих. Вся система образования Грузии пронизана редукционизмом и это является главной причиной его доминации.	Холизм, в отличие от редукционизма, предполагает концентрацию внимания на всей системе сложного конфликта. Не только над его отдельными частями, но и над анализом связей между ними. Холистическое мышление создает предпосылки для возникновения и эффективного использования эмерджентности и синергии. Внедрение принципов холистического образования.
Регрессивное мышление (Л.Козер), ориентирующая конфликт на трагедию, катастрофу, дурной исход. В обществах Северного Причерноморья к слову конфликт однозначное и негативное отношение.	Плюралистическое мышление (Л.Козер), ориентирующее конфликт или кризис на добрый исход, выход на новый уровень развития взаимоотношения между участниками конфликтов, и ориентация на общую победу и экономические выгоды.
Мажоритаризм – монополия права большинства и сохранение меньшинства для имитации демократии.	Равноправие групп и наличие политическим меньшинством права на вето.
Агрессивная память – реваншизм, месть,	Конструктивная память – культура прощения
Борьба за статус жертвы и обвинение противоположной стороны.	Ориентация на восприятие общих жертв, общих потерь и рассмотрение происшедшего, как общей трагедии.

Теория Роберта Гарра – санкционирование насилия в обществе: - Отсутствие культуры эвалюации (оценки) - Отсутствие культуры признания ошибок - Демонстративное самобичевание или критика другой стороны	• Развитие культуры эвалюации • Развитие культуры покаяния • Самокритика и критика общих ошибок
Редукционистские системы диагностики и конфронтация между «диагностиками»: - Этнический конфликт (грузино-абхазский) - Политический конфликт (грузино-российский) - Геополитический конфликт	Введение понятие кризиса и замещения им термина конфликт. Комплексная система Абхазского многоуровневого кризиса, как совокупность различных конфликтов (Теория сложных систем). Фактически – разрешение конфликта между диагностами.
Отсутствие научной оценки кризиса: - Безответственность ученых - Ограничение доступа ученых к миротворческому процессу - Террор и дискриминация ученых со стороны политических радикалов - Поддержка учеными радикальных политиков - Конфронтация между учеными, поддерживающими разных участников конфликта - Стремление к продвижению своего видения - Обслуживание процесса конфликта	Научная оценка кризиса: - Социальная ответственность ученых - Интеграция ученых в миротворческий процесс - Ограничение власти политических радикалов - Поддержка учеными процесса урегулирования - Ориентация на сотрудничество между учеными с разных сторон - Стремление к эмпатии и взаимопониманию - Обслуживание миротворческого процесса
Конфликт по поводу оценки Абхазского конфликта: - Внутренний конфликт - Международный конфликт	Абхазский кризис представлен как совокупность внутренних и международных конфликтов и по сути является смешанным.
Одномерная система анализа конфликта или – одномерная система анализа миротворческого процесса (в редких случаях).	4-х мерная холистическая система диагностики конфликтов и миротворческих процессов: - Конфликт - Псевдоконфликт - Квазимиrotворческий процесс - Миротворческий процесс
Непонимание реальной структуры конфликта.	Структура кризиса в призме теории сложных (комплексных) систем.
Направленная деформация научного дискурса.	Создание нового направления исследований Абхазии (Абхазологии)
Неверные слова, термины, используемые при описании конфликтов.	Словарь мета-мира.
Отсутствие политики планирования миротворческих процессов.	Использование Концепции полидипломатии

Этно-националистические и геополитические противостояния.	Построение Абхазского сообщества безопасности
Узко-групповые защитные механизмы.	Концепция осознания системы общих угроз.
Конфронтационные политические проекты: - Территориальная целостность Грузии - Независимость Абхазии - Интеграция Абхазии в Российское политическое пространство - Интеграция в Кавказское политическое пространство - Интеграция в Турецкое политическое пространство - Интеграция в Европейское политическое пространство - Интеграция в Армянское политическое пространство	Моделирование политической системы, учитывающих интересы всех участников кризиса: - Использование Принципа «совместимости несовместимого». - Взаимодополняемости, схожий с принципом дополняемости в квантовой физике (Нильс Бор). - Несмотря на всю сложность представленной картины, совместимость данных противоречащих друг другу политических проектов возможна при высоком уровне стратегической кооперации. - То, что несовместимо в двухмерной системе мышления, становится совместимым и взаимодополняемым в трехмерной системе мышления.
Иллюзия несовместимости Принципа территориальной целостности и Права народов на самоопределение.	В многомерной системе эти два принципа вполне совместимы. Для этого необходимо расширить понимание первого принципа и трактовку второго принципа. Абхазский кризис дает возможность построения новой многомерной политической системы и совместить то, что сегодня считается несовместимым с использованием исторического опыта и новых геополитических реалий.
Существующая квази-либеральная система образования.	Теория амбивертного образования (Александр Русецкий) как возможность подготовки нового поколения, способного эффективно управлять внутренними и внешними конфликтами, рассматривать конфликты как ресурс развития и построения плюралистической демократии – сообщества счастливых профессионалов, обладающими навыками многомерно-го мышления.

Dr. Александр Русецкий,
 Лаборатория геополитического
 моделирования, Кавказский
 Международный Университет

Соціальні трансформації та їх роль у виникненні нових форм релігійності

Ярослав Ювсечко

Сьогодні зміна функцій інституту релігії, конфесійна невизначеність серед віруючих і втрата їх довіри до церкви як провідної соціальної організації призвели до того, що позиції традиційних вірувань суттєво послабились. Це призводить до появи нових форм долучення до надприродного, у тому числі й до активної діяльності нових релігійних рухів і течій.

Ситуація із пандемією COVID-19 зрештою теж призвела багатьох віруючих до певної зневіри або ж до суттєвих змін у сприйнятті релігії. Багато людей усвідомили, що без звичних форм практикування релігійності нічого страшного не сталося і її цілком можна практикувати й у нових формах. Окрім того, люди чекали від церкви у тому числі й певного заспокоєння чи навіть вирішення проблеми їх страху перед поширенням вірусу, але їх очікування не справдились. Здійснення церквою функції соціальної стабілізації, якої від неї очікували, не сталося: виявилось, що церква сама не знає, як впоратися з цією проблемою. Таким чином, чи не вперше для багатьох віруючих первинне, біологічне переважило духовне, яке завжди прийнято було сприймати як щось вище. Такі зміни у свідомості віруючого та у соціумі неодмінно призведуть до суттєвих трансформацій існуючих форм релігійності.

Відомі соціологи П. Бергер та Т. Парсонс давно стверджували, що секуляризація зрештою призведе не до зникнення, а до видозмінювання релігії: на місце тим формам релігії, що вичерпали себе, прийдуть нові. П. Бергер вказував на появу четвертої соціальної форми релігії – приватизовану релігійність, її структурну приватизацію. Нові форми релігійності, на його думку, будуть не просто співіснувати, а переважати над традиційними релігійними практиками й інституційними формами.

Сьогодні ми можемо розглядати релігію навіть як компонент ринкових відносин, що пропонує «різні варіації плюралізму». Релігія має відповідати ситуації на ринку, тобто має бути «продана» клієнтам. Зрештою, часто релігійні організації виконують роль торгових агентств, а релігійні традиції стають своєрідним споживчим товаром, продукуючи нові форми релігійності.

Як слушно відзначає лютеранський теолог Д. Вейз із США, у сьогоднішньому світі не існує загальної згоди щодо того, що істинно. Ми начебто перебуваємо «на некерованому ярмарку ідей, де виставлені на продаж усі можливі віросповідання на землі». Сьогодні релігія вже не розглядається як сукупність переконань, що стосуються того, що реально, а що ні. Скоріше її варто розглядати як вибір. Ми віримо в те, що нам подобається. Ми віримо в те, у що хочемо вірити. Власне, релігія здатна пристосовуватися до наявної ситуації та реалізовуватися в нових формах, які відрізняються від традиційних. Оскільки релігія змушена так чи інакше реагувати на виклики з боку соціуму, то соціальні трансформації зрештою викликають модернізацію, навіть переформатування релігійного продукту.

У сучасному суспільстві вже очевидною стала невідповідність між конфесійною приналежністю та іншими соціальними ролями особистості. Сьогодні релігія як соціальний інститут вже не виконує в суспільстві ролі соціального «ліфта». Але потреба у цьому «ліфті» в людини нікуди не зникла, тому цю роль цілком закономірно виконують інші соціальні інститути. Релігія ж стає приватною справою самих віруючих. Більше того – часто стає позаконфесійною. Або виявляється у долученні до нових релігійних рухів, що відповідають запитам сучасної людини. Таким чином, однією з ознак трансформації релігійної свідомості є формування позаконфесійних віруючих, де релігія стає приватною справою.

На сьогодні динамічні тенденції світового розвитку диктують релігійним організаціям необхідність досить радикальної трансформації, але при цьому релігія тепер повинна трансформуватися таким чином, щоб релігійні цінності були здатні принести людині й відчутну соціальну допомогу. Слід згадати й про ідею існування нового феномена «корпоративної релігії». Ця ідея повною мірою розкривається датським підприємцем Й. Кунде. На його думку, сучасне суспільство споживання демонструє колосальну потребу в гносеологічному і соціально-функціональному потенціалі релігійної свідомості в контексті ринкового товарного виробництва і збуту. Тому суспільство споживання висуває перед релігією нові вимоги, котрі вона змушена враховувати як на інституціональному рівні, так і в повсякденних релігійних практиках. Релігійна громада має орієнтуватися на споживача, що передбачає використання принципів маркетингу. Громада повинна знати коло своїх потенційних споживачів, тобто проводити ринкові дослідження; знати добре особливості людей, на яких буде направлена релігійна діяльність; вибрати найкращий спосіб, який буде вико-

ристуватись для поширення інформації; зрештою, надати необхідний товар.

Очевидно, що сьогодні споживацькі звички людини й відповідне ставлення до усього навколо, відіграють для неї певні терапевтичні, емоційно-компенсаторні функції – такі, що традиційно приписувались саме релігії. Така нова форма «релігійності» суспільства споживання має всі основні ознаки й характеристики релігійної свідомості, зокрема, наявність інтелектуального і емоційного елементів.

Слід визнати, проте, що вказані характеристики все ж більше приманні молоді й переважно у країнах Європи та США. Ситуація у нашій країні є дещо іншою: хоч наше суспільство також все більше набуває рис «суспільства споживання», та вплив традиційних соціальних та релігійних чинників залишається все ще досить сильним. Але очевидним є значне відставання «традиційних» церков від темпів і потреб сучасного життя, хоч останнім часом церкви почали приділяти дещо більше уваги соціально-економічним питанням, соціальній активності своїх віруючих тощо.

Під впливом суттєвих змін, які відбуваються в суспільстві, релігійний комплекс змушений змінювати свою діяльність, тим самим адаптуватися до нових умов суспільного буття, узгоджувати власну діяльність відповідно до нових суспільних та індивідуальних потреб. Упевнений, що після нинішньої пандемічної кризи слід очікувати на збільшення кількості прихожан релігійних організацій, як це вже неодноразово мало місце раніше. Проте, прийдуть вони туди вже з явно іншими, завищеними вимогами до церкви. А якщо їх не задовольнять, то можуть більше й не прийти.

У цій ситуації, якщо людину не влаштовують традиційні моделі і норми релігійності, вона починає шукати нові, які відповідали б її інтересам і потребам. Тому і набувають такої популярності нові релігійні вчення, а комерційний характер масової культури призводить до виникнення своєрідного «ринку релігійних послуг». Ці трансформації відбуваються в умовах повноцінної ринкової конкуренції. Слід визнати, що в сучасних умовах значно зростає навантаження на людину, тому у неї виникає потреба у компенсації напруги в ірраціональній сфері.

Попри те, що, як свідчать дані соціологічних досліджень, на рівень релігійності суттєво впливає матеріальне становище особи (найбільш релігійними є люди з «дуже низькими» доходами), все ж комерційний характер масової культури призводить до виникнення ринку «релігійних послуг», набувають популярності нові релігійні вчення та окультино-містичні напрямки, які зорієнтовані на роботу найперше із «середнім» та «вищим» класом та пропонують їм показати шлях до більшого успіху й процвітання.

Таким чином, зміни у соціально-економічному, політичному, культурному житті сучасного суспільства обумовлюють «масову індивідуалізацію» релігійної свідомості, суть якої полягає найперше у досягненні психотерапевтичного результату. У багатьох сферах традиційна релігійна свідомість – конфесійна і догматична, що опирається на багатовікові традиції, в сучасних умовах втрачає свої позиції. Отже, з одного боку, секуляризація руйнує традиційні форми сакральності. З іншого, сьогодні існує благодатний соціальний і духовний ґрунт для виникнення й існування нових форм релігійності, які відповідають сучасним соціальним, історичним, економічним, політичним умовам.

Ярослав Ювсечко
Хмельницький національний
університет

Странности мировой финансовой системы в период пандемии COVID-19

Павел Педина

За период пандемии COVID-19, с первого клинически признанного случая в Китае в декабре 2019 года по май 2020 года, произошел ряд странностей с точки зрения поведения ряда отдельных субъектов и организаций, имеющих отношение к мировой финансовой системе. В данном докладе я не ставлю себе задачу объяснить эти события. Как финансовый эксперт, я планирую лишь указать на те вещи, которые требуют дальнейшего глубинного изучения и исследования как профильными, так и междисциплинарными экспертами.

Некоторые из этих событий превращаются в цепочку событий и, впоследствии, в тенденцию, другие же события являются единичными случаями без какого-либо продолжения. Однако все они выделяются на фоне того, что происходило в финансовой сфере на протяжении последних десятилетий, а иногда и всей истории целой отрасли. Для того, чтобы рассмотреть самые главные события этой пандемии, я предлагаю рассмотреть выделенные мною десять фактов, которые исходят как из моих собственных наблюдений, так и из данных, представленных на официальных ресурсах ЕС и США.

Число американских исполнительных директоров, которые потеряли или оставили свои рабочие места в январе 2020 года, установило ежемесячный рекорд – 219. Эта цифра больше, чем в любой другой месяц с тех пор, как фирма Challenger, Gray & Christmas начала отслеживать данные в 2002 году. Предыдущий рекорд составил 172 отставки в октябре прошлого года. [1] 19 генеральных директоров (CEO) крупнейших компаний за период с января по март 2020 года покинули свои посты в таких компаниях, как Disney, Salesforce, MasterCard, MGM, LinkedIn, IBM, Tinder, Harley Davidson, Hulu, Uber Eats, Bayer, L Brands (Victoria's Secret), Credit Suisse, Groupon's, Altria Group, MedMen, Aurora Cannabis, T-Mobile's, Boeing. Стоит отметить, что подобная ситуация имела место быть перед кризисом 2008 года. Среди директоров, ушедших в отставку или покинувших свой пост ради другой должности, такие известные имена, как Рич Уильямс и Стив Кренцер (Groupon), Билл Гейтс – соучредитель Microsoft, который покидает совет директоров Microsoft и Berkshire Hathaway, Мэнди Гинсберг, руководившая Tinder, Hinge, OKCupid и Match. [2] Кроме этого, исполнительный директор Disney Боб Айгер, оставил свой пост, [3] также среди них Кит Блок (Salesforce) [4], Аджай Банга (Mastercard) [5], Джеймс Мурпен (MGM Resorts International) [6], Деннис Муйленбург (The Boeing company) [7] и другие.

Федеральная резервная система США на внеочередном заседании снизила диапазон ключевой процентной ставки до 0,00–0,25%. Также регулятор принял решение возобновить количественное смягчение (QE) путем скупки облигаций на общую сумму \$700 млрд. В том числе будет создан новый фонд покупки корпоративных облигаций крупных американских работодателей – это беспрецедентный шаг по прямой поддержке компаний. Это самая агрессивная рыночная интервенция ФРС за все

время. [8]

«Отрицательные цены на нефть» – эксцесс фьючерсной торговли, собравший в себе экспирацию майского контракта на сорт WTI на бирже NYMEX, его «поставочность» (физическая поставка и невозможность просто рассчитаться деньгами) и падение мирового спроса на нефть. Это произошло 20 апреля 2020 года, что многие люди сочли невероятным, – цена поставки сырой нефти WTI в мае 2020 года (то есть цена оперативного контракта) упала более чем на 50 долл. США за баррель на ранее неизвестную отрицательную территорию. Более того, WTI показала не типичное поведение относительно Brent и цен на нефтепродукты. [9]

Следующее беспрецедентное событие, упоминавшееся ранее, стоит выделить отдельно. Соучредитель Microsoft Билл Гейтс объявил о своем решении уйти из советов директоров Microsoft и Berkshire Hathaway из сообщения LinkedIn от 13 марта 2020 года, якобы чтобы сосредоточиться на благотворительной деятельности. Большая часть средств, находящаяся в управлении фонда Билла и Мелинды Гейтс, передана безвозмездно Уорреном Баффетом. [2]

Американские миллиардеры накопили в период пандемии (а точнее всего за 3 недели) больше денежных средств, чем в общей сложности до 1980 года. В результате всего три человека – генеральный директор Amazon Джефф Безос, соучредитель Microsoft Билл Гейтс и Уоррен Баффет из Berkshire Hathaway – имеют состояние равное сумме денежных средств нижней половины всех американских домохозяйств вместе взятых. Институт политических исследований показал рост их капитала на 282 млрд долларов за 23 дня, несмотря на то, что в этом квартале ожидалось со-

кращение экономики на 40%. [10] На фоне значительного падения производства, потребления и занятости во всем мире и в США, в частности, фондовый рынок (индекс S&P) почти восстановился к своим пиковым значениям и показал в апреле 2020 одно из своих максимальных значений роста за свою историю. [11]

Deutsche Bank вводит отрицательные ставки по новым депозитам на суммы свыше 100 000 евро. Ранее он ввел отрицательные ставки только самым богатым корпоративным клиентам, избавив мелких вкладчиков от комиссий за хранение. Во время хаоса от пандемии Deutsche Bank оказался в затруднительном положении и теперь начнет пересылать депозитную ставку ЕЦБ -0,5% на все новые счета выше 100 000 евро. [12] Аргентина заявила о трехлетнем моратории по выплатам по своим долгам и готова к девятому дефолту. Аргентина обратилась с предложением снизить сумму долга и снизить ставку с нынешних 7% до 2,5%. [13]

По прогнозу американской компании Comparisun, Джефф Безос – основатель и генеральный директор компании Amazon – достигнет статуса триллионера к 2026 году. Это будет первый триллионер в истории. Данный прогноз основан на расчете среднего процента ежегодного роста за последние пять лет и применении его к будущим годам. Стоит отметить, что рост капитала произошел в том числе в период пандемии. В то время, как многие работники других компаний были уволены, компания Amazon наняла более 175 000 новых сотрудников. [14]

Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) подала в суд Манхэттена срочный иск с целью приостановить незарегистрированное первичное размещение токенов (ICO) мессенджера Telegram Павла Дурова. В результате судебного разбирательства было принято решение приостановить деятельность данной криптовалюты. После чего, Павел Дуров сделал официальное заявление о том, что они так же прекращают дальнейшую работу над данным проектом, указав на тот факт, что они находятся в зависимости от Соединенных Штатов, когда речь идет о финансах и технологиях. Комиссия посчитала, что токены продавались незаконно. [15]

Что касается моих наблюдений относительно банковского сектора, то я мог бы отметить, что в целом за период был показан незначительный рост в виду увеличения доли безналичных платежей. Среди основных тенденций банковского сектора можно выделить следующие: уход в дистанционные каналы обслуживания (онлайн), консолидация отрасли (мелкие игроки будут банкротиться), падение уровня доходов банков, увеличение проблемной задолженности (сектора, которые пострадали от пандемии и физические лица) и снижение потребительского кредитования.

Но при этом основные центральные банки мира оказали монетарную поддержку банковской системе, и фундаментальных угроз не предвидится, учитывая принятые изменения по Базель III. Стоит отметить, что среди основных процессов ярко видна тенденция роста по входу в банковский и финансовый сектор технологических компаний (ввиду наличия значительных свободных средств и подготовленности к работе с большими данными). Из новшеств в этой сфере, стоит обратить внимание на интересный эксперимент, который недавно был запущен, и за которым сейчас наблюдают многие банковские системы в мире: это выпуск государственных криптоденег в Китае.

Все перечисленные мною факты на первый взгляд могут показаться случайными, однако не стоит забывать, что финансовая система является именно системой, в которой все взаимосвязано. Безусловно, пандемия COVID-19 оказала на нее как косвенное, так и прямое влияние в некоторых случаях. Необходимо провести серьезное экспертное расследование, что же произошло в каждом из этих случаев на самом деле и что стоит за этими фактами. С точки зрения исторического аспекта, пандемия повлекла небывалые в нашей истории экономические последствия, а также мы стали свидетелями выделения астрономических сумм государствами на финансовую и социальную поддержку. Данное расследование может послужить хорошей опорной точкой для коррекции стратегии и тактики работы на рынке. Безусловно, повторные пандемии могут оказаться фатальными уже не только для корпораций, но и для целого ряда стран. Повторение таких событий может привести к глобальным изменениям на геополитической карте мира.

Павел Педина,
Стартап-проект «ScorCool»

ЛИТЕРАТУРА:

- [1] – «Генеральные директора уходят со своих постов в рекордном темпе в 2020 году» <https://markets.businessinsider.com/news/stocks/ceo-departures-begin-2020-at-record-pace-1028903688>
- [2] – «Генеральный директор Groupon и главный операционный директор только что ушли в отставку, присоединившись к множеству исполнительных директоров в 2020 году, включая Билла Гейтса, который покидает советы директоров Microsoft и Berkshire Hathaway» <https://www.businessinsider.com/bob-iger-keith-block-ceos-that-stepped-down-in-2020#mastercard-ceo-ajay-banga-is-set-to-step-down-in-early-2021-after-more-than-a-decade-running-the-company-18>
- [3] – «Исполнительный директор Disney Боб Айгер оставил свой пост» <https://techcrunch.com/2020/02/25/disney-ceo-bob-iger-immediately-steps-down-from-ceo-position/>
- [4] – «Генеральный директор Salesforce Кит Блокушел с поста» <https://techcrunch.com/2020/02/25/salesforce-co-ceo-keith-block-steps-down/>
- [5] – «Главный исполнительный директор Mastercard Аджай Банга уходит в отставку в конце года» – <https://www.marketwatch.com/story/mastercard-ceo-ajay-banga-to-step-down-at-year-end-chief-product-officer-to-assume-top-job-2020-02-25>
- [6] – «Джим Муррен, глава MGM Resorts, объявляет о своем уходе» – <https://www.rgj.com/story/news/2020/02/12/chairman-jim-murren-leaving-mgm-resorts/4741971002/>
- [7] – «Что свергло генерального директора Boeing – и что должен будет сделать следующий генеральный директор, чтобы вернуть позиции Boeing» – <https://www.geekwire.com/2019/brought-boeings-ceo-next-ceo-will-need-bring-boeing-back/>
- [8] – «Федеральный резерв объявляет о новых масштабных мерах поддержки экономики» – <https://www.federalreserve.gov/newsevents/pressreleases/monetary20200323b.htm>
- [9] – «20 апреля: WTI – 37 долларов, Brent – 26 долларов! Что случилось? Что будет дальше? Истории, которые будут рассказаны ...» – <https://www.forbes.com/sites/thebakersinstitute/2020/04/21/april-20-wti-at37-brent-at-26-what-happened-what-comes-next-the-stories-that-will-be-told/#6fb821cc4d4b>
- [10] – «Американские супербогачи видят, что их богатство выросло еще на 282 миллиарда долларов за три недели пандемии» – <https://themindunleashed.com/2020/04/america-super-rich-see-their-wealth-rise-by-282-billion-in-three-weeks-of-pandemic.html?fbclid=IwAR07btaNpVTD4oLgem7kFjwQJvUsGcFdztKPGj2Kwj4QgNz9uicz8xq7II>
- [11] – «Фондовый рынок в четверг: Dow падает почти на 300, лучший месяц с 1987 года, историческая волатильность» – <https://www.cnbc.com/2020/04/30/stock-market-live-today.html>
- [12] – «Deutsche Bank начнет взимать отрицательные процентные ставки по депозитным счетам сверх 100 000 евро» <https://thedeepdive.ca/deutsche-bank-to-start-charging-negative-interest-rates-on-deposit-accounts-in-excess-of-e100000/>
- [13] – «Аргентина готова рассмотреть девятый суверенный дефолт, считает Гусман» – <https://www.ft.com/content/cbe90202-0374-40ad-948f-ed850c3e45c9>
- [14] – «Джефф Безос может стать первым в мире триллионером, и многим это не нравится» – <https://www.usatoday.com/story/tech/2020/05/14/jeff-bezos-worlds-first-trillionaire-sparks-heated-debate/5189161002/?fbclid=IwAR2MCX93i086A-9Ki3xsXEkbKnaxfZBrsa-9yzuf6Yyq7stjhyp9hYviKGc>
- [15] – «Telegram отказался от проекта криптовалюты TON после того, как США запретили глобальное распространение» <https://news.bitcoin.com/telegram-ton-cryptocurrency/>

Основні напрямки прогнозування авіаційної сфери в Постпандемії

Валерія Гончарова

Пандемія COVID-19 змінює те, як ми подорожуємо, спонукаючи до розмови про те, які технології мають бути впроваджені, коли обмеження скасуються і все більше людей знову почнуть літати. Які потенційно нові стандарти та процеси можуть бути впроваджені в аеропортах, на літаках та протягом усієї подорожі пасажирів. Які рівні співпраці та координації побудуються між авіакомпаніями, аеропортами, авіа виробниками, державними органами та іншими організаціями. Чи потребуватимуть аеропорти повного переоформлення простору? Чи мають авіа виробники перелаштувати салони літаків? Чи потрібно більш швидко впроваджувати технології без дотику (біометрика/сканування очей)? Як будуть здійснюватися процеси безпеки та міграції? Як держави дійдуть до згоди між собою? Це лише частина питань, які постають перед експертами в авіаційній сфері в постпандемії.

Зараз глобальні організації авіаційної сфери плідно працюють, проводячи постійні моніторинги та розробляють ймовірні прогнози та сценарії розвитку подій. Оскільки дані змінюються кожного дня, організації вимушені вносити зміни до сценаріїв та прогнозів. Міжнародна організація цивільної авіації (ІКАО) проводить аналіз впливу COVID-19 на цивільну авіацію та сумісно з іншими організаціями (IATA, ACI) розробляють ймовірні сценарії.

В останній доповіді ІКАО від 15 травня 2020 року Монреаль, Канада були надані роз'яснення щодо побудови сценаріїв, результати аналізу сценаріїв та основні показники. Останні оцінки показали, що ймовірний вплив COVID-19 на світовий регулярний пасажиропотік на весь 2020 рік в порівнянні з базовою лінією (як планувалось попередньо): загальне зниження від 32% до 59% місць, пропонувані авіакомпаніями, загальне скорочення від 1 815 до 3 233 мільйонів пасажирів та приблизно 236 – 419 мільярдів доларів США потенційні втрати валових операційних доходів авіакомпаній[1].

Ймовірний вплив COVID-19 залежить від тривалості та масштабів заходів спалаху та стримування, ступеня довіри споживачів до повітряних подорожей та економічних умов. Міжнародна асоціація повітряного транспорту (IATA) представила доповідь від 13 травня 2020 року, де зазначені сценарії авіа перельотів: базовий та песимістичний. Генеральний директор IATA, у свою чергу, зазначає, що відновлення довіри з боку пасажирів займе більше часу ніж відновлення економіки, після того, як пандемія опиниться під контролем[2].

Авіа виробники переглядають своє виробництво, планують та прогнозують кращі варіанти. Так, Airbus остаточно прийняли рішення припинити випуск A380 (найбільший серійний пасажирський літак у світі). Boeing скорочує 10% свого штату та відмовилися від угоди, щодо придбання 80% авіа виробника Embraer. Для якісного прогнозу та сценаріїв має бути взаємне визнання узгоджених заходів для відновлення міжнародних перевезень. Організації та держави мають дійти до згоди щодо заходів необхідних для контролю COVID-19 при поновленні авіації. Якщо згода не буде знайдена та кордони будуть закриті можна припустити, що прогнози та сценарії будуть більш відтягувати свої терміни та погіршуватися.

В умовах постпандемії перед авіаційною сферою стоїть виклик, щодо відновлення глобального механізму, а головне довіри з боку пасажирів. Світ змінюється кожної секунди, але людство має бути на пів кроку вперед, щоб уникнути та розв'язати ймовірні проблеми. Прогнозування та сценарування майбутнього дозволяє зазирнути за ширму, головне вирішувати глобальну загрозу разом, задля отримання взаємного результату.

Валерія Гончарова
Запорізький національний
університет

Безопасность бизнеса и его развитие в XXI веке

Константин Слободянюк

(на основе онлайн-дискуссионной панели)

Что делать бизнесмену во время посткапитализации современного общества? Как организовать деловую активность в период экономических кризисов (online, offline или их комбинация)?

Что на мой взгляд выйдет на передний план? Когда мы говорим слово “наука” - это является обобщением. На мою точку зрения, в первую очередь речь идет о прикладной науке. К сожалению, на сегодня в академической науке существует очень много симуляций и погоня за статусами самих ученых (они мало думают о людях, больше думают о себе). Рассмотрим ряд примеров. Сколько людей-бизнесменов держали в руках книгу Джеффри Брайана Уэста “Масштаб”? Я уверен, что очень малое количество бизнесменов; и касается это не только постсоветского пространства, но и мира в целом. При этом, бизнесмены постоянно используют такое понятие как “тиражирование”. Я не встречал ни одного бизнесмена, который может начертить модель тиражирования и объяснить ее эффективность. Но я наблюдаю каждый день, как на протяжении последних четырех месяцев происходит исследование на основе книги Джеффри Брайана Уэста “Масштаб” в НИИ Памяти под руководством академика Олега Викторовича Мальцева. И там множество выводов, которые уже внедряются в разные бизнесы партнеров, и всё это - на основе работы над научным трудом доктора Джеффри Брайана Уэста.

Приведу другой пример, если бы бизнесмены изучили труды французского социолога Жана Бодрийяра, которого по праву называют “последним пророком Европы” (знали, что там написано), то, вероятно, не совершали бы массы глупостей, которые они совершают до сих пор. Например, более 30 лет назад Жан Бодрийяр написал о том, что деловая репутация превратилась в товар. И после этого предприятия взяли на себя несвойственные им функции банковской системы - они стали кредитоваться за счет потребителей. Что произошло в результате? Примерами тому являются авиакомпания Lufthansa, фотоаппараты Hasselblad - кто мог подумать еще полгода назад, что немецкая авиакомпания Lufthansa в период пандемии окажется на грани банкротства. Эти примеры ярко показывают, что пока у бизнеса в основе не будет науки, бизнесмены будут продолжать экспериментировать на себе и на всех вокруг, и находиться в состоянии агонии.

Принцип “вижу цель, не вижу препятствий”, или “деньги любой ценой” - должен остаться в далеком прошлом. Соответственно, три главных врага бизнеса, на мой взгляд, выглядят следующим образом. Во-первых, это невежество (в первую очередь, невежество самих руководителей-бизнесменов). Во-вторых, это отсутствие эффективных консультантов. В третьих, отсутствие научного подхода. При этом, в бизнесе, безусловно, придется использовать междисциплинарный подход, иначе бизнес превратится в “русскую рулетку”.

Как заставить государство соблюдать конституцию и закон в периоды глобальных угроз?

Представлю определенную концепцию, которая, безусловно, не запретит государству нарушать законы, Конституцию, но максимально усложнит эту задачу. Как говорит доктор Мальцев, необходимо начать с модели. Эта модель была представлена на заседании ОБСЕ в 2012 году профессором Массимо Интровинье. Представьте себе пятиуровневую модель: вверху находится государство, под ним уровень академической науки, ниже располагается экспертный уровень, еще ниже - СМИ, и в самом низу - блоги, социальные сети и самодельные сайты. Профессор Интровинье на этой модели описывал, как формируется и как управляется общественное мнение.

Обратите внимание, государство находится в самом верху, и, казалось бы, невозможно помешать ему нарушать закон, но что могло бы максимально усложнить нарушение государством закона - это определённая конфигурация. Представьте международную экспертную научную структуру, где существуют учёные, эксперты, свои средства массовой информации и свои команды, которые обеспечивают нижний уровень. Возникает вопрос о том, что подобные структуры уже должны существовать, но, к сожалению, их нет. Они все излишне политизированы, поскольку существуют и обеспечиваются за счет фондов и политических структур разных стран. Именно поэтому НАН Украины просто подыгрывает правительству Украины и - молчит. Средний возраст участников этой структуры - 72 года, поэтому, при всем уважении к возрасту, что они могут сделать? В других странах ситуация принципиально не отличается. Единственное, в Украине - это го-

сударственная структура, а в Великобритании, к примеру – частная структура.

Следующий пример: Императорский колледж Лондона (Великобритания). Акцентирую внимание на определенной группе профессора Фергюсона: 32 человека придумали прогнозы для всего мира, и 16 марта опубликовали на своём сайте доклад, в котором указали, что 80% населения планеты переболеют коронавирусом. Как результат этого, в тот же день вечером, 16 марта, Германия закрыла свои границы. Вслед за Германией, в течение двух недель, свои границы закрыли все страны Евросоюза. И ни одно правительство страны не взяло в руки отчёт Фергюсона и не проверило внимательно, что там написано. Но это сделали мы в Научно-исследовательском институте под руководством Ph.D. Олега Мальцева. Я лично проводил расследование как журналист, и оно было опубликовано в немецком издании: результат показал, что доклад группы Фергюсона - фейк. Таким образом, началом стал научный отчёт Фергюсона, и спустя три месяца - экономический коллапс, кризис в разных сферах, увольнения и всё остальное, что сейчас происходит.

Вернёмся к предложенной концепции. Так, если бы 16 марта независимая структура, которая включает в себя ученых, экспертов, журналистов и всех остальных, остановила бы Фергюсона и подвергла жёсткой критике его отчёт, задала бы соответствующие вопросы на соответствующем научном уровне, то с большой долей вероятности этого бы всего не происходило. Это простой пример того, как такая конфигурация может останавливать или максимально затруднять продвижение глобальных угроз в мире.

Где бизнес в этой конфигурации? Бизнес стоит сзади и финансирует такую структуру, потому что она помогает решать и его задачи, и в подобных ситуациях создает максимальные препятствия, не допускающие то, что происходило на протяжении последних месяцев. Безусловно, это всего лишь концепция, но она основана на определенной модели и тех событиях, свидетелями которых мы все с вами являемся.

Чему нужно учиться? Былые теории, прогнозы и учения – сегодня не работают. Кто будет востребован в будущем? Где и на кого учиться? Что при этом делать руководителям и подчиненным?

Как сделать экономику страны и бизнес среду независимыми от неэффективной власти? Во-первых, бизнесу придётся объективно посмотреть на то, что произошло и что осталось на руинах пандемии-2020. Так, в эпоху диджитализации молодые люди порой консультируют своих родителей (своих старших), потому что они быстрее находят информацию, но, к сожалению, у них большие проблемы с выводами.

Следующее, что важно понимать - за последние три месяца был нанесен колоссальный удар по среднему классу Европы и США. Огромное количество людей осталось (либо останется) без работы в ближайшие 6-12 месяцев. При этом, криминальные организации чувствуют себя, как и прежде, весьма уверенно. Это значит, что большое число этих людей будут искать возможностей лучшей жизни, и криминал им такую возможность будет предлагать. Вопрос безопасности также будет становиться всё более актуальным, поскольку всё больше и больше людей будет стремиться зарабатывать любой ценой – как офлайн, так и онлайн.

Есть ещё один очень важный феномен, на который стоит обратить внимание. Впервые за последние 200 лет с момента создания такого понятия, как бизнес, стоимость на товары и услуги начинает стремиться к рационализации. То есть, “экономика знака и общества потребления”, как его называл Жан Бодрийяр, начинает стремиться к рациональной формуле расчета стоимости. И немногие смогут пережить эти изменения. Так, последние 70-80 лет люди вкладывали огромные капиталы в свои бренды, в названия, в определенную добавочную брендинговую стоимость, но оказалось, что сегодня это не имеет никакого значения. К примеру, один знакомый фотограф доктора Мальцева, который ранее продавал свои курсы по фотографированию на камеру Leica за 250 евро, на данный момент предлагает этот курс за 30 евро, и это лишь один из многих примеров.

Сегодня на передний план выходят три параметра: в бизнесе важна цена, качество и способность выполнять обязательства, поэтому сейчас требуется новый объективный подход. Я полностью согласен с доктором Мальцевым, что в современном бизнесе абсолютно нет места «бизнес-гуру» и «миллионерам-наставникам». Безусловно, такие люди будут всегда, то есть у них будут некоторые почитатели, но их количество будет уменьшаться в разы.

На мой взгляд, модель, которая сегодня необходима бизнесу, должна соответствовать трем параметрам. Первое – это некий механизм генерирования клиентов. Второе – механизм генериро-

вания бизнес-конфигураций, что расширяет влияние и возможности компаний, как на локальном, так и на международном рынках. Третий механизм – это регулирование времени выполнения обязательств. В Институте Памяти под руководством доктора Мальцева такая модель была собрана и сейчас проходит соответствующие испытания. Таким образом, я уверен, что каким бы бизнесом не занимался человек, у него должны быть эти три параметра (три ящика с механизмами), чтобы его бизнес мог безопасно существовать, развиваться и расширяться.

Константин Слободянюк,
Украинская академия наук,
Института Информационной
безопасности

Бизнес. Как будет выглядеть посткапитализм?

Ph. D. Олег Мальцев

(на основе онлайн-дискуссионной панели)

Что делать бизнесмену во время посткапитализации современного общества? Как организовывать деловую активность в период экономических кризисов (online, offline или их комбинация)?

Что будет после пандемии? На мой взгляд изменятся три вещи. Большинство бизнесменов — люди консервативные. И, вероятно, то положение вещей, которое мы сейчас наблюдаем, очень ярко продемонстрировало определенную расслоенность бизнеса по всему миру: в Европе, в США, в Латинской Америке, в Африке. Эта пандемия разделила бизнес-компании на две категории: на тех, кто выиграл в пандемию, и на тех, кто получил сильные убытки. Компании, которые в период пандемии преуспели — это, скорее, случайность, чем заранее спрогнозированная тактика работы в таких условиях. Все дело в том, что их виды деятельности были сформированы задолго до всеобщего распространения болезни. И когда началась пандемия, их деятельность оказалась наиболее востребована, что и дало им достаточно быстрый рост и прогрессирующее развитие. К примеру, представьте, что десять лет назад бизнесмен решил открыть бизнес, связанный с доставкой товаров и услуг (при этом, совершенно не важно какого рода доставка). Безусловно, в период карантина бизнесы подобного рода прогрессировали, поскольку закрыли все магазины и организации по оказанию услуг, ограничили передвижение людей — при такой обстановке должен был появиться кто-то, кто обеспечит доставку всего необходимого до потребителя. Это стало особенно важно на международном уровне, когда были закрыты государственные границы, а также приостановлено транспортное сообщение между городами и странами. При всей этой обстановке продолжали работать почты, а также некоторые организации, которые обеспечивали доставку до клиента. С другой стороны, когда закрыли авиасообщение, например, немецкая крупная авиакомпания Lufthansa стала на грань банкротства. Эти два примера наглядно иллюстрируют разное положение бизнесов в период пандемии.

Рассматривая организацию деловой активности в период экономических кризисов, первое, что необходимо выделить — станет важным сам выбор деятельности, то есть, сам объект инвестирования денег, времени и т.д. При этом, люди еще долго не смогут отойти от этой пандемии. Теперь, когда человек будет подходить к созданию нового бизнеса, он будет начинать с вопроса: а что будет с этим бизнесом в пандемию? Безусловно, любой бизнесмен хотел бы, чтобы его бизнес был неуязвим, а любые обстоятельства вокруг только способствовали его развитию. Люди, которые сейчас (после пандемии) будут проектировать свое будущее, должны думать о том, во что вкла-

дывать свои средства и как в такой ситуации, как пандемия, и в других подобных случаях будет функционировать их деятельность.

С моей точки зрения, бизнесу уже давно пора развернуться в сторону науки. Сложно сказать, насколько бизнес еще больше перейдет в онлайн-пространство, но то, что он станет наукоемким — это точно, иначе ему не выжить. Дело в том, что сегодня ни один бизнесмен не имеет в своем составе никаких научных подразделений, поэтому ему достаточно сложно что-то предвидеть или создавать что-либо без помощи специалистов.

Я всегда придерживаюсь того, что бизнес — это, прежде всего, люди. По этой причине, предполагаю, что изменится — произойдут качественные изменения в подборе кадров. В одной из наших бесед доктор Джеффри Брайан Уэст сравнил пандемию с войной. Представьте себе, что идет война, а солдат — нет; то есть, нет людей, с которыми можно воевать. Ваш персонал привык работать совсем в другой обстановке и совершенно не готов трудиться в стрессовых, психологически неустойчивых, постоянно изменяющихся условиях — в таком случае предприятие обречено.

В третьих, с моей точки зрения, будет развиваться рынок предохранительных мер, по причине того, что даже страховой бизнес в такой обстановке, как пандемия и другие ситуации, становится неактуальным для любого бизнеса (как большого, так и малого). К примеру, представьте себе страховую компанию, в которой одновременно за страховыми выплатами обращаются 200 человек. Что будет с этой страховой компанией? Ни для кого не секрет, что страховой бизнес построен по принципу: проблемы возникают реже, чем обращения в страховую компанию (обращение за страховой услугой). Соответственно, данному бизнесу будет сложно справиться с ситуацией и обслуживать всех людей.

Что делать в период самой пандемии? Самое главное для бизнесмена — не потерять людей; тех, кто с ним работает. Это может произойти по разным причинам: они могут все резко заболеть; испугаться и уволиться; или, в принципе, не явится на работу — на это может повлиять множество факторов.

Во-вторых, необходимо максимально снизить последствия самой пандемии, которая останавливает бизнес и не дает работать и нормально функционировать экономике. Бизнес устроен по принципу корабля. Представьте себе корабль, который в плавание получил несколько пробоин. В таких случаях подобного рода проблему на корабле устраняет аварийная команда, а у бизнеса обычно такой структуры в его составе не существует. Поэтому, с моей точки зрения, очень важно в кратчайшие сроки сформировать такую структуру: создать ее из постоянных подготовленных кадров (той команды, которая отработала в период пандемии успешно/не успешно (в зависимости от предприятия)). Такое подразделение, как служба прогнозирования и консультирования, в дальнейшем должна стать неотъемлемой частью бизнеса и помогать директору компании принимать управленческие решения в период постпандемии и, впоследствии, в деятельности компании. Так я вижу действия бизнеса в рамках пандемии и периода постпандемии, и то, какие будут изменения.

Как заставить государство соблюдать конституцию и закон в периоды глобальных угроз? Как сделать экономику страны и бизнес среду независимыми от неэффективной власти?

Как запретить государству нарушать законы? Никак. На сегодня в мире существует определенный парадокс: чем демократичнее государство, тем оно слабее в любой экстремальной ситуации. Обратите внимание, что правительства демократических государств вели себя в период последних нескольких месяцев «как маленькие дети». В силу этого надеяться на государство — на то, что оно не будет нарушать закон, и будет как-то помогать бизнесу — совершенно бессмысленно. На сегодня не существует ни одного государства, которое бы не нарушило Конституцию, основные права граждан и все мыслимые и немыслимые уголовные статьи своего же собственного кодекса, который утвержден их же парламентом.

Рассмотрим пример, который связан с Украиной. В последнем постановлении Кабинет Министров Украины написал следующее: с сегодняшнего дня при послаблении карантина разрешается работать адвокатам, средствам массовой информации и всем остальным учреждениям, деятельность которых охраняется законом в любой ситуации, даже во время войны. Безусловно, в Украине в период пандемии свою деятельность не прекращали ни СМИ, ни адвокаты, ни нотариусы, при этом, никакие права в этом случае не нарушались. Поэтому сложно представить, каким уровнем интеллекта необходимо обладать для того, чтобы написать на самих себя три статьи Уголовного Кодекса в одном постановлении Кабинета Министров Украины. На вопрос «зачем это было писать?» — ответа также нет. Но, если посмотреть на Германию, Францию, США и вникнуть в то, что происходит там, то «странных» людей там не меньше; в этом плане Украина не является исключением.

Как сделать так, чтобы предприятие было независимо от государства? Когда ко мне приходит бизнесмен и просит его проконсультировать, я ему всегда рекомендую одну и ту же вещь: завести себе хобби в виде изучения науки «криминология». В своем докладе в рамках онлайн-дискуссионной панели «Последствия пандемии: победа криминала над миром?» я говорил о том, что преступные организации — это самые устойчивые организации в мире, которые существуют на сегодня. Человеку совершенно не обязательно становиться преступником, но изучить опыт этих организаций было бы очень полезно, поскольку такое хобби может дать ему огромное количество бизнес-идей.

Во-вторых, я бы рекомендовал изучить опыт этого карантина (какие предприятия, в каких условиях развивались, а какие компании все-таки стали на грань банкротства). Третье, на что я бы обратил внимание — нужно расширять сферу деятельности своих предприятий. То есть, не ограничиваться одной отраслью, а думать о том, что в дальнейшем, возможно, будет необходимо менять и структуру компании, и форму инвестиционного пакета предприятий, по причине того, что мир действительно после пандемии изменится. С моей точки зрения, руководителям предприятий нужно думать о новых видах деятельности. Несмотря на то, что уже существует ряд бизнесов, ведущих свою деятельность в режиме онлайн, карантин в Украине показал, что не все предприятия еще готовы к таким условиям работы, и на это также необходимо обратить внимание. Также бизнесменам необходимо подумать о неких резервных фондах, поскольку, когда все деньги в обороте — это очень хорошо, но в подобных ситуациях, как пандемия, сразу возникает масса проблем, связанных именно с платежами, поэтому определенный резерв у предприятия должен существовать.

Чему нужно учиться? Былые теории, прогнозы и учения — сегодня не работают. Кто будет востребован в будущем? Где и на кого учиться? Что при этом делать руководителям и подчиненным?

До определенного момента меня удивляла одна крайне интересная вещь: почему наше правительство советуется со «странными» учеными и не советуется с великими учёными. Ответ на этот вопрос дал немецкий профессор Герд Гигеренцер, когда написал книгу «О консультантах, которые консультируют ученых, которые консультируют правительство». Когда я прочитал эту книгу, для меня Герд Гигеренцер стал своего рода «Эйнштейном» в психологии. Основной вид деятельности Гигеренцера — исследования того, как человек принимает решения, а это именно то, что делают бизнесмены каждый день с утра и до вечера. Он написал достаточное количество важных трудов, при этом бизнесмены, почему-то, никогда не обращают внимание на таких людей, как Гигеренцер, зато активно читают книги Брайана Трейси с его «странными» лозунгами (или других американских кумиров). И тому существует ряд причин.

Во-первых, Гигеренцер пишет на немецком языке, и в связи с этим существует некий языковой барьер. Я когда-то проводил семинар по его книге «Принятие интуитивных решений» и сравнивал как ученых Герда Гигеренцера и великих академиков А. С. Яковлева и Г. С. Попова, которые занимались такой же проблематикой с 1920-х по 1980-е года. Результат сопоставления показал, что их исследования не противоречат друг другу. Но, при этом, ни один бизнесмен не знаком с этими фамилиями; они зачем-то ходят консультироваться к «странным» людям, которые, вероятно, им просто нравятся, потому что они позитивные и очень мотивированные. Но после всего, эти же бизнесмены становятся политиками, и, при этом, продолжают консультироваться с теми же людьми. Через какое-то время я пришел к выводу, что некоторые бизнесмены в обществе компетентных людей чувствуют себя несколько ущербными, по этой причине они им не нравятся. В связи с этим, такие люди берут книгу кого-нибудь по типу Брайана Трейси и начинают читать о том, как им быть позитивными и состоятельными. Именно в этом кроется разгадка того, почему существуют некомпетентные политики: когда они были бизнесменами, у них были точно такие же некомпетентные консультанты, которых он продолжают слушать и в дальнейшем.

Как сделать экономику и бизнес-среду страны независимой от неэффективного правительства? С моей точки зрения, необходима определенная формула будущего: на сегодня любому бизнесмену нужно сделать криминологию своим хобби; учиться исследовательской деятельности, при этом учиться очень качественно; учиться прогнозированию; учиться работать с настоящими учеными (с теми, кто действительно разбирается в проблематике), и не читать книги, стоящие на полках магазинов, написанные некомпетентными людьми.

Ph. D. Олег Мальцев
Украинская Академия Наук,
НИИ Памяти

Кризис — это потери и возможности
Вячеслав Лысенко
(на основе онлайн-дискуссионной панели)

Будучи практикующим бизнесменом, у меня несколько крупных бизнесов и большой опыт. На протяжении 20 лет я занимался развитием разных бизнесов в Китае. Для меня было очень интересно посмотреть как разные бизнесы во время карантина вели себя. Восточная философия, которая мне очень нравится: карантин — это как форма кризиса. На Востоке слово кризис состоит из двух иероглифов — это «потери» и «возможности»: «за потери не беспокойтесь, они о вас сами побеспокоятся; фокусируйтесь на возможностях». И чем быстрее бизнес начнет фокусироваться на возможностях, которые открываются в момент карантина, пандемии, тем быстрее начинаются какие-то изменения.

Ph. D. Олег Мальцев сказал, есть бизнесы, которые начинались и были точно не готовы к коронавирусу, и их бизнес приостановился. Я видел даже среди своих компаний много компаний, которые вынужденно смогли перестроиться. Поэтому уже по ситуации сейчас в группах своих компаний мы сложили какие-то новые правила как себя нужно вести во время таких кризисов. Во-первых, все мы увидели что каждая компания начинает бороться сама за себя. То есть, начинает срабатывать «принцип самурая» (когда самураи идут на войну, то они воюют каждый сам за себя). То есть, они не рассчитывают, что за спиной кто-то их спину прикрывает. Когда начался карантин, все предприятия стали как каждый сам за себя, в принципе, также как и страны.

В этот момент очень важно исключить ошибки, потому что в момент кризиса или карантинных ошибки — это очень дорогое удовольствие. Здесь нужно пересмотреть свое окружение, деловых партнеров и клиентов -оценить их заново. Я предполагаю, что после кризиса, работа в режиме онлайн очень сильно поменяет корпоративную культуру в общем и работу компаний. Я предполагаю, что 30% персонала не вернутся в офисы, и будут эффективно работать удаленно. Компании во время коронавируса поняли, что у тех, у кого бизнес был в оффлайне, им придется перестраиваться на онлайн режим работы. Еще один важный момент. Ph. D. Олег Мальцев также затронул то, что «кадры решают все». Но я также думаю, что для кадров в дальнейшем очень важна будет в том числе стрессоустойчивость. Мы должны научить наших сотрудников быть максимально эффективными, работать в режиме онлайн в будущем. И максимальная автоматизация всех процессов, которые возможны.

Вообще, я считаю, что будущее за молодежью, потому что она достаточно быстро приспосабливается к новым условиям, и для неё эти кризисы — это только возможности. Поэтому нам нужно смотреть на молодежь и самим быть очень «гибкими» к изменениям.

Вячеслав Лысенко
Предприниматель
основатель
Ukr-China Communication

«ПСИХОЛОГИЯ УЩЕРБНОСТИ»

онлайн-дискуссионная панель
(на русском языке)

Желание сделать всех ущербными порождает определенную форму власти над людьми. Пандемия — это тест на ущербность нынешней власти, общества, экономики и существующего порядка. Причиной ущербности этого мира является отказ людей брать на себя ответственность и соблюдать правила. Вследствии этого возникает конфликт, разрушающий мир, что, в свою очередь, является главным механизмом изменения (исправления) человечества. И даже те, кто находится «у руля» власти — не соблюдают установленные правила.

Категория ущербности в академическую науку психологию была впервые введена Ph.D. Олегом Мальцевым. В рамках онлайн-дискуссионной панели «Психология ущербности» было поставлено ряд вопросов на обсуждение. Вопрос первый: **ущербность — как новая исследовательская психологическая категория для мировой науки**. Сегодня академическая психологическая наука стоит на трех «китах» психологии: З. Фрейд, К.Г. Юнг и Л. Сонди, и у каждого из них была своя категория исследования: Фрейд изучал рефлекс, Юнг — категорию инстинкта, а Сонди — побуждения. Сегодня перед участниками конференции стоит вопрос: необходимость введения новой психологической категории в академическую науку, такой как ущербность.

Второй вопрос: **пандемия, как тест**. Пандемия, как любая экстремальная ситуация, показала людей с самой нелицеприятной стороны. В силу этого, причины, по которым люди повели себя в рамках пандемии именно таким способом, являются не менее важными для рассмотрения.

Третий вопрос: **извечный конфликт между ответственностью и правилами (древний еврейский конфликт, как яркий пример из любого учебника по стратегическому управлению)**. Принято считать, что, если люди берут на себя ответственность, они не хотят соблюдать правила, и им это всегда сходит с рук. И наоборот, люди, которые соблюдают правила, не могут взять на себя ответственность, при этом, обязаны соблюдать правила. Во время мировой пандемии мы в полной мере увидели реализацию этого древнего еврейского конфликта, когда мировые правительства нарушали Конституции, законы и права человека.

Ущербность как новая категория мировой психологической науки

Ph.D. Олег Мальцев:

Классической академической психологией я начал заниматься в своей карьере достаточно поздно. Приступив к исследовательской деятельности, я обратил внимание на саму науку психологию и ряд ее странностей. К примеру, если существует определенное явление, оно борется с грехом более 2000 лет и, при этом, не способно его победить — следовательно, оно предназначено для чего-то другого. Тоже самое прослеживается и в психологии: если она борется около 200 лет с человеческими пороками, исследует определенные категории, но, при этом, у нее нет прикладных успехов, это наводит на определенную мысль. Я привык к совершенно другой психологии, и изучая наших метров в академической науке психологии — Фрейда, Юнга, Сонди — понял, что эти люди прошли очень длинный исследовательский путь. По сути, всем, что на сегодня существует в академической психологии, человечество обязано этим трем ученым. Но в распоряжении каждого из них был только определенный промежуток времени, и каждый успел сделать ровно столько, сколько успел за свою жизнь.

После них академическая психология пришла в тупик. Давно назрел следующий шаг в психологии, который я начал искать, поскольку всё, что сделали мэтры глубинной психологии — они достаточно четко описали первые три уровня человеческих реакций и отношений к окружающему миру. Но возник важный вопрос: что мы подразумеваем под психикой человека? Если поговорить с любым человеком, то сразу будет понятно, что его вряд ли интересуют его рефлекс, инстинкты или побуждения. Его больше интересует, почему у него такая жизнь, потому что человеку хочется жить иначе, но он не понимает, что с ним не так и что именно нужно менять. В силу этого возникла категория ущербности, как исследовательская категория в академической психологии — следующий шаг после категории побуждения.

Безусловно, исследовательской категории должна предшествовать философская категория. Я начал искать философа, который работал с этой проблематикой и нашел Жана Бодрийяра. Необходимо отметить, что Бодрийяр никогда не создавал своей школы психологии; при этом, в своих работах он ссылаясь и использовал для сравнения труды Лакана и Фрейда (не будучи их ярым поклонни-

ком). Такая мощнейшая школа философии, как школа Бодрийера, безусловно, должна породить школу психологии, и с моей точки зрения исследовательская категория ущербности лучше всего подходит как категория, проистекающая из философии Жана Бодрийера.

Dr. Стивен Бест:

Когда я услышал о новой психологической категории как ущербность, первое, сразу пришло мне на ум — какое огромное влияние оказывают социальные сети на людей, (как своего рода определенная технология, которая делает их счастливее). Отчасти это связано с тем, что люди в таких социальных сетях, как Facebook, постоянно выкладывают свои фотографии, намереваясь показывая насколько они «счастливы». Они не демонстрируют негативные стороны своей жизни, не показывают драки и т.д. Там демонстрируется только красивая сторона жизни, и это оказывает сильное социальное влияние на других людей, развивая их чувство неполноценности, чувство отчуждения и подавленности. Научные исследования на эту тему показали прямую связь между возникновением депрессии у человека и интенсивным использованием социальных сетей. Таким образом, социальные сети, с одной стороны, соединяют человека с этим миром и событиями в мире, но, с другой стороны, «отключают» его.

Не менее важен вопрос о роли рекламы в обществе, которая использует бессодержательные идеи для того, чтобы осознанно создавать разного рода обсуждения на те или иные темы. У рекламы существует своя особая функция — создание потребности в определенных предметах (вещах), когда люди должны поддаваться этой рекламе и чувствовать, что им чего-то не хватает. Тогда этот недостаток и «неполноценность» человека могут восполняться путем покупки или потребления им определенных продуктов. К примеру, как только человек покупает продукт, отсутствие которого, на его точку зрения, делало его неполноценным, то сразу становится модным и крутым. Это все является результатом рекламы. Функция рекламы во многих отношениях состоит в том, чтобы заставить человека чувствовать себя хуже, чем есть, и в силу этого он должен потреблять предлагаемые вещи и так далее. Так создается связь между потреблением товаров, которые делают человека счастливее, но, по факту, является ложью. Это не приносит ему счастья, а лишь вызывает еще больше желания потреблять, тем самым попадая в определенный цикл (как привычка). Таким образом, человек попадает в плоскость, которую Жан Бодрийер назвал «гиперреальностью», то есть, определенное восприятие человеком реальности, когда он уже не различает, что перед ним: общество (или мир), или его собственный социальный мир.

Возможно, для кого-то жизнь в гиперреальности, в обществе потребления — это тот мир, в котором он хочет жить, но это не делает человека умнее, и не создает для него успешную осмысленную жизнь. Людям необходима осмысленная жизнь, иначе они впадут в уныние. В этом и заключается смысл борьбы с угнетением, поскольку люди стремятся к осмысленной жизни.

Во-вторых, современная система власти наилучшим образом раскрывается при помощи марксистской теории. Каждая система власти нуждается в мотивированной легитимации. При этом, каждая система власти должна как-то оправдывать себя как наилучшую социальную систему, поэтому для человека быть частью такой системы должно восприниматься как привилегия. Таким образом система власти развивает свою идеологию, которая, в свою очередь, узаконивает эту власть.

Существует две характеристики идеологии системы власти. С одной стороны — это идеология превосходства, а с другой — идеология неполноценности. Правящие классы пытаются утвердиться в правительстве (закрепиться там). При этом, они характеризуются определенным уровнем интеллекта, обладают специальными навыками, и именно так определяется «высший класс» общества. С другой стороны, иная часть людей по своей природе подчиняется собственной натуре. Например, Аристотель в свое время написал, что люди ущербны, поэтому должны относиться к классу рабов. Это заставляет меня задуматься над книгой Олдос Хаксли «О дивный новый мир», написанной в 1923 году. В книге проведен блестящий анализ общества, иллюстрирующий то, что «мы видим, как общество массово производится как на разлив на заводах», а самым неудачным классом там назван класс эпсилон, у которого забирают воздух из мозгов, они становятся глупыми, и таким образом возникает класс рабов.

У высшего класса также существует обратная сторона — то, что порождает необходимость создания низшего класса. Если посмотреть на любую идеологию власти, можно проследить одну и ту же модель (радикальное различие между двумя типами): руководитель и подчиненный. При этом, это могут быть мужчины, которые преобладают над женщинами, или превосходство белых людей над людьми другого цвета кожи; превосходство людей над животными. Таким образом, существуют

определенные преобладающие идеологические формы доминирования, основанные на дуализмах. Другой пример, белые люди и люди с другим цветом кожи, колонизаторы и колонизированные — они не просто разные, а радикально разные между собой, и, при этом, такая разница организована, в том числе, и иерархически (кто-то находится на высоком уровне в иерархии, а кто-то на низком). Помимо этого, существует также и логика господства (разной «иерархии»): расизм, сексизм, классицизм, элитарность и другие, которые работают согласно той же логики господства.

С точки зрения марксизма, каждая система власти нуждается в идеологии психологии господства. И этот аспект заключается в том, чтобы заставить правящий класс чувствовать себя превосходящим, обладающий классовым господством над другими, что заставляет другой класс чувствовать себя хуже. Психоаналитик Франц Фанон в 1961 году написал очень популярную критику на колониализм марксистского типа, которая называется «Несчастные на Земле» (в ней он пытался описать психологические последствия колонизации). Там Фанон старался освободить людей от колониализма, но для этого сперва было нужно «освободить» их мышление, их исконный менталитет, поскольку местное население переняло менталитет колонизаторов как родное. Данная картина несколько подобна на марксистскую идею о классовом сознании, когда человек должен освободить свое сознание, и стремится к свободе, при этом зная, как эту свободу приобрести.

В третьих, рассмотрим представление Ницше о нашей неполноценности, поскольку у него центральной психологической категорией являлась «обида» (чувство обиды), подобно марксистской идеи о том, что в мире существует правящий класс, за исключением тех, кого можно отнести к высшему уровню, кто обладает большими способностями, смелостью, силой и хитростью, и низшими типами посредственного общества, которых Ницше определял как «стадных животных». По этой причине был создан класс человека-раба, который Ницше называл «аморальным голосованием за рабство», представляющую собой инверсию ценностей, когда все, что хорошо для высших кругов, становится плохим, а все, что является сильным (имеющим влияние) — становится своего рода злом. По этой причине, когда обращаются к такой теории, осознанно слабость и подчинение человека делают его добродетелью, а это, в свою очередь, влечет переоценку ценностей. Это является причиной тому, почему на сегодня существует огромное число «смирненных» людей с таким типом мышления. Ницше считал, что это было реализовано не только рабским восстанием безнравственности и разрушением Римской империи, но и созданием в свое время христианской империи. Этот менталитет психологии негодования влияет на всю западную мысль, которая очень важна в современной элитарной идеологии, социализме, анархизме, эгалитаризме, феминизме и т.д. И в каждом случае присутствует определенный управляемый класс, который заставляет кого-то чувствовать себя еще хуже, но, при этом, возмущается более сильным, чем он, классом. В силу этого, они стремятся проецировать свое возмущение в морально-психологическую сферу общества, как обычные бытовые явления. К примеру, люди часто обижаются на других, на тех, кто, возможно, занимает более выгодные позиции, чем они (они чувствуют эту зависть и обиду). Ницше считал, что это повлияло на всю сферу морали, и начинается все с этого чувства неполноценности, с чувства собственной ущербности, где один из способов преодолеть неполноценность — превратить ее в некую добродетель, допущение возможности превращения себя в правящий класс. По этой причине анализ психологической категории ущербности с точки зрения теорий Маркса и Ницше — крайне эффективен.

Prof. Максим Лепский:

Мое знакомство с теорией доктора Олега Викторовича Мальцева произошло на Международном симпозиуме в Палермо, где мы обсуждали этот вопрос с доктором Александром Николаевичем Сагайдаком. Необходимо отметить, что любая категория рассматривается только тогда, когда отражены ее крайне важные, существенные закономерности. Сложность категории ущербность состоит в том, что в теории риска ущерб — изначально негативная коннотация, потому что «ущерб» — это обычно либо потеря чего-то, либо недополучение чего-то. Как свойство, ущербность характеризуют какие-то отношения, которые носят устойчивый долговременный характер. И с этой позиции, на мой взгляд, была удачной концепция «пирамиды ущербности», которая была предложена доктором Мальцевым на симпозиуме.

Поскольку мы не отказывались от диалектического подхода, всегда важна противоположная категория ущербности. И здесь обращение к философии Жана Бодрийяра вполне уместно, поскольку в данном случае происходит соотношение объективного и гиперреального. Одновременно, как социолог, я знаю, что ущербность — вполне релевантная категория и при анализе другой катего-

рии, известной как депривация, которую изучал Теодор Роберт Гар. Рассматривая ущербность как категорию, которая позволяет людям сопоставлять себя с объективным миром и социальными отношениями, влечет за собой появление нового достаточно мощного пространства для исследований. К примеру, террорист, если он обладает характеристикой ущербности, что пытается вернуть, или чему пытается отомстить в этом мире? Другой пример, религия, которая пытается примирить человека с его недополученными социальными умениями, навыками и будущим, уже не работает, когда происходит пандемия и ущербность носит биологический характер.

Возникают и те основания, которые не носят объективный характер, как информационная пандемия, или как характеристика массовой ущербности. В таком случае возникает вопрос касательно не просто психологической категории, а прежде всего философской категории. Если происходит экзистенциальный кризис и человек не верит ни в себя, ни в религию, ни в государство, ни в науку, то что у него остается? Вполне вероятно — только свобода и способность жить собственным разумом. Поэтому я предполагаю, что при формировании таких мощных глобальных угроз необходимо рассмотреть не только ущербность, но и противоположную категорию. Какую? Этот вопрос еще открыт.

В Украине произошло послабление карантинных мер и сразу появились бунтующие люди. Они бунтуют против ущербного правительства или против своей ущербности? Если это малый и средний бизнес, то понятно против чего они бунтуют — против ущерба той прибыли, которую они недополучили, и возможности выжить в этих условиях.

И еще очень важный момент. Платон говорил о том, что реформы могут быть существенными, когда рассматривается существо дела, или косметическими. Так и ущербность принятых решений часто наводит лоск с помощью «косметики» информационных мер.

Ph. D. Виталий Лунев:

Когда я услышал от доктора Мальцева такую категорию, как ущербность, или психология ущербности, сразу возникла необходимость найти свой собственный язык, на который можно опираться для понимания этой категории, поскольку меня достаточно сильно увлекла эта довольно емкая категория. Вначале это немного напоминает позицию Адлера с его комплексом неполноценности. Но в дальнейшем, когда начинаешь глубже разбираться в этом аспекте, понимаешь, что это не совсем так. Проблема в том, что глубинная психология всегда опиралась на какой-то язык, например, на язык физики, на язык неврологии, на язык лингвистики и культурологии, и многих других наук. А в данном случае речь идет, на мою точку зрения, буквально о языке экономики, права и, может быть, даже криминалистики, когда мы говорим об ущербности. Поэтому, в целом, содержание психологии ущербности, или вообще ущербности как таковой — это то, что относит нас к теме лишения, потери, изъятия, и, в конечном итоге, к первичному дефициту чего бы то ни было. И это очень напоминает, по сути, картину потерянного рая или некую потерю, отлучение от чего-то такого, что было изначально, но в результате оказалось потерянным (человек оказался отлученным от чего-то).

Если мы говорим о глубинной психологии, такая потеря, которая впервые ощущается субъектом, как раз связана с тем, что он изначально становится за пределами желания значимых для него фигур. Также, когда говорим об ущербности, всегда подразумеваем наличие другого, потому что без этого «другого» стать ущербным невозможно. По этой причине мы можем говорить о том, что ущербность изначально тесно связана с чьей-то потребностью (личная ущербность человека изначально связана с потребностью кого-то другого или чего-то другого). Это принципиально важный тезис.

Второй очень важный момент, на который необходимо обратить внимание - ущербность связана с желанием быть признанным другим и потребностью в этом другом. И свою потребность мы ощущаем только посредством другого.

Еще один тезис, на котором я бы хотел остановиться — это то, что ущербность всегда связана с первичными объектами, которыми могут выступать, в буквальном смысле слова, отец и мать, а, соответственно, речь идет о конфликте желания и закона. И это становится одной из серьезных базовых первопричин следующей ущербности.

Если резюмировать такие теоретические позиции, мы можем прийти примерно к следующему выводу: желание другого является невозможностью субъектом преодолеть это желание, что становится основой для его переживания ущербности. И единственный выход из состояния ущербности может быть связан с возможностью сформировать только своё желание, а для этого нужно преодолеть тревогу и опереться на необходимый ресурс.

Ph. D. Александр Сагайдак:

Говоря о категории ущербности, в первую очередь, возникает аналогия с индивидуальной психологией Альфреда Адлера о комплексе неполноценности. Но, по моим представлениям, мы имеем дело как раз с классическим витком диалектической спирали, поскольку комплекс неполноценности был сформирован Адлером как ответ на вызов, который предъявляла личности эпоха тогда. В наше время мы сталкиваемся уже с более масштабной задачей. Почему необходимо введение категории ущербности? Потому что есть вызов, который брошен уже не личности, а в целом обществу.

Вряд ли приходится сомневаться, что одной из самых серьезных психологических проблем общества потребления, в котором мы живем, является инфантилизм. Простите мне такую катахрезу, но мы можем сказать, что инфантильный регресс прогрессирует. А одним из обязательных атрибутов инфантилизма является нарциссизм. Что является лучшим лекарством от нарциссизма, по крайней мере, на начальном этапе? Ощущение своего несовершенства. И если эта инфантильная нарциссичность, фактически, стала стилем жизни, особенно благодаря интернету, который позволяет создавать иллюзорную реальность, то возвращение уже не отдельного человека, а целого общества к реалистичному восприятию себя возможно, в обязательном порядке, через эту категорию и через это состояние своего несовершенства а если называть вещи своими именами — именно через категорию ущербности. Точно так же известно, что в обществе потребления инфантилизм в обязательном порядке связан с конформизмом: быть таким, как все, быть растворенным в массе — это признак, если не превосходства, то, по крайней мере, состоятельности. Соответственно, отделить себя от массы, а не редко это означает противопоставить себя ей, автоматически на первом этапе предполагает ощущение ущербности.

В рамках нашего подхода — метода глубинных трансформаций — мы уделяем ключевое внимание понятию аутентичность. Как показывает практика, в условиях такого конформистского инфантильного общества потребления войти в состояние своей аутентичности, зачастую, означает ощутить свое изгойство. В сущности, это тоже самое экзистенциальное одиночество, о котором говорят экзистенциалисты. Но если говорить о психологическом измерении этого состояния, то вошедший в состояние аутентичности человек, в первую очередь, ощущает ущербность своей воли. Именно осознание, проживание ущербности своей воли является для человека начальной возможностью для своего аутентичного становления и дальнейшего целостного пути самореализации, который Юнг называл индивидуацией.

Дополнение от автора новой концепции — Ph. D. Олега Мальцева:

Что противоположно ущербности? Вопрос нормы, с которой в психологии существует очень большая проблема. Норма в психологии — это на сегодня некая размытая категория (плавающая и изменяющаяся). К примеру, когда я разговаривал с достаточно уважаемыми профессорами-психологами, они утверждали, что люди, которые каждый месяц выстраиваться за зарплатой к другим людям — нормальные, а те, кто им платит зарплату — это ненормальные люди. По сути, ущербность как исследовательская категория глубинной психологии жестко ставит на рассмотрение вопрос нормы.

Что является философской категорией? Символьная составляющая. Возвращаясь к вопросу ущербности, необходимо сказать, что существует и следующая надстройка над нормой — это могущество. Могущество — единственная категория, лишенная ущербности; тот самый *Pontifex Oppositorum*, который описывал Леопольд Сонди.

Пандемия как тест или проект

Ph. D. Олег Мальцев:

Во время пандемии я с профессором Максимом Лепским находился в эпицентре ее развития в Европе, когда вместо изучения психологии Италии мне пришлось изучать психологию всей Европы. Огромный вклад в этот труд внес профессор Максим Лепский: он участвовал в самой экспедиции, и многие главы монографии, написанные по результатам этой экспедиции — результат нашей научной дискуссии с Максимом Анатольевичем.

Если представить психику в виде определенной приемной антенны, то в самом низу расположен рефлекс, а в самом верху — символьная составляющая. При этом, было крайне удивительно видеть в Европе, что, кроме реакции рефлекса, никакой другой реакции психики во время пандемии не

было. Я крайне солидарен с доктором Сагайдаком в том, что по реакции европейских граждан можно было изучать детскую, подростковую психологию, поскольку такого инфантилизма не видел никогда. Однажды на собрании Одесского психолого-философского общества Ph.D. Александр Николаевич Сагайдак сказал, что человек общества потребления — это крайне лояльный человек (он живет за счет лояльности и толерантности). Но, ни лояльности, ни толерантности во время пандемии я не увидел. Можно понять, когда некоторая часть людей выбирают из супермаркетов разные вещи, но удивило другое — уровень управления (президенты, премьер-министры, рейхсканцлер), который должен был реагировать совершенно на другом уровне «антенны» психики, но, при этом, правительства также реагировали на возникшую ситуацию с пандемией на уровне рефлекса — точно также, как и все остальные граждане. Одно заявление рейхсканцлера Германии Ангелы Меркель наглядно это иллюстрирует: она сказала, что «мы закрываем границы, потому что съедят нашу еду, и у нас не хватит больничных коек». По сути, она считает, что имеет право, как рейхсканцлер, реагировать подобным образом в условиях смертельной опасности. Таким образом, на мою точку зрения, пандемия максимально обнажила ущербность людей в этом мире.

Dr. Стивен Бест:

Пандемия была тестом или проектом? Это крайне важный вопрос, поскольку слово «проект» подразумевает определенный «заговор», основанный на большой заинтересованности определенных людей в манипулировании че-то с определенной целью. Касательно мировой ситуации с пандемией я слышал несколько определений: «искусственная пандемия» и «пандемия, которую сравнивают с гриппом». Не могу точно говорить за Европу, но то, что в Соединенных Штатах, которая поражена сильнее, чем любая другая страна, пандемия, на мой взгляд, вполне реальна. В США каждый день умирает более 2000 человек; в домах престарелых, в церквях, а также на других массовых мероприятиях — много зараженных. Случайность ли это? Вопрос до сих пор открыт, поскольку точно не известно происхождение вируса. Возможно, он распространился по миру с рынка в Ухане (Китай); возможно, теория о биоинженерном происхождении вируса — правдива, но медицина пока не обнаружила доказательств этому.

Безусловно, пандемия может быть заговором; возможно — несчастным случаем, но, на мою точку зрения, называть эту пандемию «несчастливым случаем» — неверно, поскольку события были неизбежны из-за наших отношений с миром природы. Потому что мы разрушаем экосистемы, разрушаем биоразнообразие, находимся в более тесном контакте с тысячами вирусов, которые располагаются в лесу и в пустыне. Тем самым углубляемся в мир природы, но сталкиваемся с новыми вирусами и болезнями, и будем продолжать это делать и дальше. В истории существует десятки примеров вспышек различных заболеваний, например, от животных к человеку (эбола).

Безусловно, точно можно сказать, что тот кризис, который вызвала пандемия, независимо от ее происхождения, является своего рода «троянским конем». Это дает много возможностей для использования этой ситуации авторитарными элитами. Но это никоим образом не отменяет и большие экологические факты деятельности людей, разрушающих экосистемы по всему миру, что заставляет тысячи бактериальных, вирусных и других типов заболеваний появляться в мире и вызывать пандемии.

Возможно это проект? Не могу сказать, но вижу, насколько это реально и опасно: закрыты школы, отменены спортивные мероприятия, социальная жизнь городов прекращена и прочее. Безусловно, в настоящее время в США снова начинают открываться разные заведения, но условия продолжают оставаться опасными для здоровья. Существуют гипотезы, что может возникнуть вторая волна пандемии, точно также, как это произошло во время испанского гриппа 1918 года (фактически возникшего в Канзасе), но при этом она была самой смертельной. В силу этого вторую волну пандемии ожидают и сейчас, которая может начаться осенью или зимой, согласно научным данным.

Это тест? Определенно да, проверка политического лидерства. И то, что мы видим на примере США — Трамп великолепно провалил этот тест как глава государства, поскольку некомпетентен в подобного рода вопросах. Как подтверждение этому, на сегодня в США самые большие цены, которые были после испанского гриппа или сопоставляя со временами Великой депрессии более 100 лет назад. По этой причине, пандемия — действительно стала проверкой политической состоятельности лидеров разных стран. Это также испытание и для научного мира: могут ли они ответить на этот кризис? Люди в Америке однозначно не прошли этот тест: ситуация обстоит таким образом, что США сегодня наполнено ненавистью и расизмом, культурой войн, разделением между республиканцами и демократами (по крайней мере, с республиканской стороны разливается

ненависть, наглядные примеры которой можно наблюдать на их демонстрациях). США разделено как никогда, и на это сложно смотреть.

В силу всего вышеизложенного определение пандемии как «теста» — очень верно, поскольку всех проверяют в трудные времена, в том числе и на характер, и эту проверку не прошли многие: лидеры стран подвели своих граждан, а научные учреждения закрыты и маргинализированы. По сути, происходит проверка того, смогут ли люди жить по-другому в отношениях с миром природы, потому что именно хищнический образ жизни ведет к убийству животных, что в свою очередь и порождает эти пандемии, и будет продолжать создавать новые.

Prof. Максим Лепский:

Во время экспедиции с доктором Олегом Викторовичем Мальцевым была сформулирована проблематика того, является ли пандемия неким тестом, потому что это все очень сильно напоминало тест. Второй момент, который подтверждал, что это явно тест, была публикация Константина Слободянюка, когда Институтом было полностью расследовано откуда берутся прогнозы Министерства здравоохранения. Выяснилось, что это всего лишь маленькая часть прогноза Нила Фергюсона. Но, когда эта статья была опубликована, очень многие были недовольны ее выходом. На мою точку зрения, это не был один тест, а множество тестов на устойчивость психики людей, на способность адекватно мыслить во время пандемии.

Я, как и доктор Стив Бест, и доктор Люсьен Оулахбиб — не сторонник конспирологических теорий. Было наглядно видно, что те, кто могут получить пользу от ситуации с пандемией, обладают властью. Очень точно подметили Братья Стругацкие, написав, что «часто человечество будет разделено по неизвестному признаку». И возможно этим признаком является пандемия. Как ни странно, по отношению к пандемии многие думающие люди оказались COVID-диссидентами. И, наоборот, очень много людей стали делать мифологические ритуальные практики в поддержание своей веры в пандемию. Речь не о врачах, которые боролись с реальными угрозами, о волонтерах, которые помогали конкретным людям, а об информационной истерии.

Одновременно проводя очень много занятий со своими студентами онлайн, можно отметить тенденцию, что многие студенты остались довольны онлайн-обучением, хотя им и не хватало личного общения. По этой причине, если подытожить те тенденции, которые связаны с тестом или проектом, можно говорить о результате происходящих событий — способности навязать волю информационной симуляцией и религиозной виртуализацией обучения. Третье, что важно выделить — наличие серьезнейших потерь людьми среднего класса, и получение прибыли людьми, которые оказались в тени. В этих моментах я вижу и какую-то проективную часть события, которое произошло, и определенные вызовы для научного осмысления этих процессов.

Ph. D. Виталий Лунев:

То, что происходит сейчас в мире, исходя из всех последствий, в моем представлении, сопоставимо с очередной мировой войной (по масштабу того, что задействованы страны, ресурсы, судьбы людей, судьбы огромных систем). Естественно, что все это выглядит как довольно серьезный проект, тестирующий готовность его повторять еще какое-то количество раз в будущем. Это неизбежная сторона, обратная сторона глобализации, когда в мире можно создать любую ситуацию. Весь этот мир на самом деле состоит из различных симулякр, из того, что не существует, но что можно регулярно копировать, раздувать, увеличивать. Ответить на вопрос «Что было в самом начале?» — практически невозможно. Происходящее сейчас должно и может быть объектом нашего внимания, поскольку это можно назвать «вторичной выгодой» от того, что происходит вокруг; в глубинной психологии есть понятие «вторичной выгоды от симптома»; «вторичная выгода» от происходящего сейчас также говорит об очень многом.

Что очень важно? Обнажилось табу. Если взять к примеру, дружбу или дружеские отношения, то мы знаем, что в этих отношениях есть табу на предательство; если говорим о семье, речь идет о табу на измену; если говорим о каком политическом союзе, то речь идет о табу на распад этого союза. Сейчас как раз случилось наоборот: все, что было табуированным, вдруг вырвалось на поверхность, и такая картина многих политических союзов. Вот почему политические лидеры Европы стали откровенно националистическими: то, что в Европейском Союзе было табуировано долгие годы, в настоящее время воспринимается как нечто нормальное. Я это связываю с теорией Филиппа Раштона (теория генетического подобию), которая как раз и подразумевает, что такой тип поведения в условиях угрозы является примитивным, но самым однозначно проявляющимся. Это

простой ответ на вопрос «свой-чужой». И после того, когда находится ответ «кто есть свой, кто есть чужой», перед этим человеком или открываются, или закрываются границы. Примитивно до ужаса, но от этого рушится вся система, которую идеализировали; особенно ту, которую идеализировали у нас в Украине по поводу Европы.

В мире, который сейчас называем «эпохой постмодернизма» или «миры, построенные на симуляциях», есть одна очень важная особенность. Наша эпоха — это время, когда индивид не способен остановиться. По этой причине я уверен, что то, что происходит сейчас, не остановится и дальше будет приобретать какие-то новые формы; мир в этом отношении становится другим.

Ph. D. Александр Сагайдак:

Профессор Максим Лепский упомянул в своем докладе о том, что множество людей совершало определенные ритуальные действия, как своего рода «заклинания пандемии», как будто пандемия — это божество, которому нужно выразить поклонение и, тем самым, задобрить. На самом деле, это действительно так на психологическом уровне, потому что мы прекрасно знаем о существовании архетипических сценариев и о таком архетипическом сценарии, как чума. Когда говорим о чуме, как об архетипическом сценарии, здесь речь идет не о самой инфекционной болезни. На уровне архетипических символов, чума — это любая пандемия.

Что мы знаем об этом архетипическом сценарии? Биологическое заражение обязательно сопровождается психическим заражением. Причем, психическое заражение опережает биологическое по скорости и превосходит его по масштабу. Те самые механизмы психического заражения, которые еще в XIX веке исследовали Г. Тард, Г. Лебон, С. Сигеле, мы наблюдаем их в наше время во всей мощи. Такие древние архетипические, действительно ритуально-магические механизмы — иррациональные действия, вызванные массовой паникой — они в информационном пространстве, особенно в интернете, продолжают до сих пор.

Психическое заражение — это очень эффективный ресурс влияния на общество. На технологическом уровне это было апробировано еще во времена Французской революции. В XX веке эти технологии развили до очень серьезного уровня. Но, одновременно, история XX века показала насколько это опасный политический механизм. Например, К. Юнг в 1936 году опубликовал статью «Вотан», и в этой статье он предупреждал об опасности психического заражения, с которым играли ранее лидеры Германии. Архетипическая энергия на уровне массовой психологии легко может выйти из-под контроля и развиваться по своим закономерностям, которые трудно предсказать. Если то, что происходит сейчас, пандемия коронавируса — это чей-то проект, то весьма рискованный проект, и его результаты могут весьма неприятно удивить его организатора.

Из опыта эпидемий прошлого, особенно великой пандемии чумы XIV века, известно, что такое колоссальное психическое потрясение обязательно приводит к децентрализации, ослабевают механизмы общественной интеграции и люди тяготеют к узкокорпоративным формам выживания. Нам, специалистам в области психологии, и индивидуальной, и общественной, нужно быть особенно внимательными к тому, что происходит, потому что мы отдаем себе отчет в том, какими непредсказуемыми могут быть последствия.

Древний еврейский конфликт, как яркий пример из любого учебника по стратегическому управлению

Ph. D. Олег Мальцев:

Начну с краткой истории, в Одессе был такой случай: одному человеку сказали, что если он купит документы, указывающие, что он третий помощник капитана на корабле, то он сможет им работать. Он на это согласился, заплатил умопомрачительные деньги в надежде получить еще большую прибыль в будущем, и ушел в море на 6 месяцев. Как вы понимаете, его высадили с судна в следующем же порту. Капитан и все остальные были в глубоком шоке — как он мог попасть на судно.

Большинство психологов в мире декларируют, что поведение человека иррационально. Это является проявлением той самой ущербности. Если представим ущербность, как определенный механизм, то у него огромное количество последствий. При этом, многие психологи считают причинами ущербности как раз эти последствия, хотя на самом деле они причинами не являются — это последствия ущербности.

Пример, описанный выше, наглядно показал, что человек взял на себя ответственность, не имея могущества. То же самое, когда мы говорим о подчинении правилам — должна быть норма, человек должен быть нормальным, чтобы он подчинялся правилам (он может не хотеть подчиняться

правилам, но должен быть способен). То есть, если человек не хочет подчиняться правилам, он говорит «не хочу». Совершенно другая ситуация, когда он говорит «да, я буду подчиняться» и не подчиняется. И опять нарушается баланс. Вспомним армию, где каждый служащий подчиняется уставу; там солдаты не сумасшедшие и не ущербные — эти просто люди, которые выполняют задачи, поставленную перед ними командованием и успешно с этим справившиеся. Быть способным подчиняться — не значит быть ущербным.

Классической формой последствия ущербности является беспомощность, которая приобретает некие гипертрофированные формы в нашем обществе. Когда мы считаем, что за нас всё должно сделать правительство, нам нужно вспомнить, что правительство — это такие же точно люди, как и все остальные. Так возникает крах. Когда люди выбирали этого президента, рейхсканцлера, правительства, то, вероятно, не предполагали, что они не способны управлять. Обратите внимание, никогда не бывает так, чтобы президент пришел к власти и оправдал надежды общества. Это всегда обманутые ожидания, что является ответственностью без могущества. То есть, наше общество потребления и симуляции выработали некое правило и считают нормальным, что к власти может прийти человек, который ни на что не способен.

Когда мой коллега, профессор Максим Лепский в своем докладе озвучил вопрос: «Против чего люди протестуют?». Ответ предельно понятен — они возмущены обманутыми ожиданиями. Доктор Александр Сагайдак, в свою очередь, также отметил «психическую инфицированность», при этом наш корифей психиатрии, профессор Бехтерев, посвятил этому явлению огромное количество исследований.

Подводя итог, можно сказать следующее: ущербность, по сути, заложена и биологически, и антропологически, и психологически, и на всех других уровнях. И разрешить это уравнение — это и значит стать человеком.

Dr. Стивен Бест:

На мою точку зрения, не обязательно существует конфликт между правилами и обязанностями, поскольку такой конфликт может возникнуть только тогда, когда правило является морально-этически или юридически неправильным. По этой причине возникает такое явление, как гражданское неповиновение: людям говорят подчиняться определенному правилу, но они считают его морально и этически неверным, следовательно, не подчиняются ему. Другими словами, если закон не соответствует нормам морали и права, то верным шагом будет аннулировать (отменить) его. К примеру, у Соединенных Штатов долгая и очень насыщенная история гражданского неповиновения: многие люди голосуют по совести, а не слушают авторитета в отношении того, что противостояние различным формам угнетения является правильным; тем самым продвигается вперед моральная эволюция и демократические сдвиги в обществе. На данный момент, если правило является рациональным и этическим (а не иррациональным и не этическим), на мой взгляд, мы несем полную ответственность за его соблюдение. Например, «не убивай» — это юридическое постановление и моральное предписание, которое крайне рационально и этично.

Сейчас в США, например, люди практически повсеместно не подчиняются правилам социальной дистанции или ношения маски. Таких людей можно поделить на несколько категорий. Во-первых, это те, кто недоволен обществом, поддерживают политику Трампа и не склонны верить в науку о пандемии. Другая категория людей не соблюдает эти правила, поскольку, на их точку зрения, их свободы ограничиваются, и одним из их лозунгов выступает «социальное дистанцирование, равное социализму». В некоторых случаях государства действительно переходят границы своей власти, к примеру, когда требуют от граждан отказаться от посещений пляжей или других мест, апеллируя это необходимостью безопасности, при том, что ученые, в то же время, утверждают, что посещение подобных мест — безопасно.

Но на данный момент существует общее явление пандемии, когда все люди должны носить маску в общественных местах, при этом многие отказываются это делать. На мой взгляд, в сложившейся обстановке мы обязаны следовать этому конкретному правилу. Причина, по которой я так считаю, заключается в том, что это не относится к личному выбору; человек находится в общественном месте, в то время как существует пандемия. И в данном случае вопрос не касается этики: человек может делать то, что хочет и когда хочет, но только, в том случае, если его действие не причиняет вреда ни одному другому живому существу, включая животных, а на данный момент опасность настолько велика, что никто не может быть уверен, что другой человек не является носителем вируса. По этой причине, считаю, что на данный момент люди обязаны следовать этим правилам,

как необходимости, озвученной учеными и медицинскими экспертами — необходимость носить маску в общественных местах.

Когда люди снимают свои маски или, как правило, идут в магазин без них — им не разрешают туда зайти без маски и совершать покупки, что на мою точку зрения, крайне правильно (владельцы магазинов не пускают таких людей). Поскольку, повторяю, это не личный выбор кого-то — желание носить или не носить маску, а вопрос общественного здравоохранения. Это пример того, когда человек несет ответственность за соблюдение правил, поскольку они рациональны и этичны; хотя в других случаях они таковыми могут и не быть.

Prof. Максим Лепский:

Рассмотрим «триаду», о которой говорил доктор Мальцев: ущербность, норма, могущество. Если посмотреть на тему конфликта, с точки зрения учебника по стратегическому управлению, то одним из существенных проявлений этого конфликта возникают следующие ключевые проблемы. Первая проблема — это безответственное могущество, или попытка правителей к нему прийти (тех, кто сейчас находится у власти). С другой стороны, ущербные правила или ненормальность. И третьей проблемой является симуляционная ущербность, пытающаяся пропагандой показать, что кто-то что-то может. Эти три вызова становятся все более серьезными в рамках ситуации, которая происходит на данный момент в мире.

Разрешение этой проблемы как раз и состоит в поиске научного ответа на вопрос «почему мир меняется?», о чем говорил доктор Виталий Евгеньевич Лунев; «как можно согласовать эти правила и ответственность?», о чём абсолютно верно сказал доктор Олег Викторович Мальцев; и «уход от неомифологизации», о которой говорил доктор Александр Николаевич Сагайдак.

Второй момент, который необходимо отметить, что именно эти деформации обычно ведут к тоталитаризму и к тем дисциплинарным практикам, о которых писал Мишель Фуко. Одновременно прослеживается, что именно это является серьезной основой, разрушающей гиперреальность.

Ph. D. Виталий Лунев:

При подготовке доклада по данному вопросу, я нашел возможным такой эпизод, который, на мою точку зрения, лежит в основе появления израильского народа — конфликт, который лежит в основе его появления. С точки зрения библейской истории это конфликт выхода из Египта (египетского рабства), и этому соответствовало несколько событий: защита народа Израиля от ангела смерти, и события связанные с этим, когда только те, кто слушались рекомендаций, пожеланий и правил, данных Моисеем, остались живыми. Им нужно было оставаться дома, не выходить в ту зловещую ночь, когда все случилось. Таким образом, еврейский народ оказался спасённый.

В этом сюжете я обнаружил сходство с историей христианства о том, как народ всегда был спасаемый только лишь благодаря тому, что он изолировался, прятался, сидел и ждал. И в этот момент происходили какие-то события, которые его не касались и обходили стороной, поэтому он оставался в живых. В этом я обнаружил такую архетипическую картину, которая после этого повторяется в ряде современных событий. Люди или человечество примерно такого же и ожидают сейчас. В рамках первой онлайн-дискуссионной панели о «Верах нового времени», когда рассматривался вопрос о религиях, я вспомнил массу эпизодов, когда в основе появления нового святого или какого-то ответвления, к примеру, в христианстве, прежде было чудо остановки смертельной болезни или какой-то чумы. Это по-прежнему остается в ожиданиях людей, когда большая часть человечества нуждается в таком «изоляционном» способе перехода от одной эпохи к другой. И, к сожалению, это та стратегия, на которую человечество соглашается.

Ph. D. Александр Сагайдак:

Если обратимся к опыту прошлого, к содержанию архетипических сценариев, связанных с чумой, то увидим, что эта децентрализация неизбежно приводила к такому явлению, которое Эмиль Дюркгейм назвал «аномия».

Что такое аномия? В сущности, это снижение силы влияния социальных норм и социальных функций. Мы знаем что закон, норма — это, прежде всего, коллективный психологический навык. И сила, и сама реальность действия любого закона связана с тем, насколько он глубоко укоренен в коллективной психике. Как говорил Эмиль Дюркгейм, в состоянии аномии те социальные институты, которые продуцировали социальные нормы, уже просто не справляются с этой задачей. Но природа не терпит пустоты, социальная природа, в том числе, и, если нормы не продуцируются

центральными институтами общества, они начинают продуцироваться более локальными институтами. То есть, начинают усиливаться какие-то локальные корпоративистские тенденции. Особенно явно это наблюдается сейчас в Украине, где регионы и даже отдельные города начинают вести свою политику и даже что-то вроде своего законодательства, как вести себя во время пандемии. Разумеется, в этом нет ничего удивительного, потому что люди верят тому, кто готов взять на себя ответственность.

Как совершенно справедливо заметил доктор Олег Мальцев, то, что мы сейчас наблюдаем — это грустное зрелище, прежде всего потому, что аномия охватила не только широкие народные массы, но и высшие уровни (элиту). Обратите внимание, что такой социальный институт, как наука, в происходящих условиях также не демонстрирует особого единства. Между тем, именно к авторитету науки люди готовы прислушиваться. Именно в ученых они готовы увидеть людей, которые могут взять на себя ответственность. По этой причине, смею надеяться, что мы с вами относимся как раз к той категории ученых, которые готовы отвечать желаниям народных масс.

**INTERNATIONAL CONFERENCE PALE-2020
POST-APOCALYPTIC LIFE ERA CONFERENCE**

<https://pale2020.euasu.org/>